

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021, №3

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Скворцова Е.М.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**
www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science
(in the Russian
Federation):

07.00.00 History and
Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political
Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yuri S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Skvortsova Elizaveta M.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2021, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Борькина А.Ю. «Культура игры» в нарративных стратегиях «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку	6
Пестушко Ю.С., Пестушко Н.А., Русская Д.С., Бирюкова Ю.Н. Сборник девизов японского народа – «ключ к разумению души и сердца» японцев или концентрированное выражение национализма?	19
Муратшина К.Г., Бусыгина Д.В. Развитие гуманитарных областей партнёрства Евросоюза с Японией: здравоохранение, образование, наука, культура, защита окружающей среды	40
Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Пандемия COVID-19 и её влияние на экономику Японии	57
Кистанов В.О. Новые интеграционные проекты в АТР и Япония	76
Лексютина Я.В. Злонамеренное использование дипфейков: риски информационно- психологической безопасности Японии	90
Колдунова Е.В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго- Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI вв.: опыт для России	102

Книжная полка

Симонова-Гудзенко Е.К. Древняя Япония: исследования, переводы, гипотезы. Рецензия на двухтомное издание Л.М. Ермаковой «Когда раскрылись Небо и Земля»	117
---	-----

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2021, № 3

CONTENTS

Borkina A.Yu. The “culture of play” in the narrative strategies of “Tōkaidōchū Hizakurige” by Jippensha Ikku.....	6
Pestushko Yu.S., Pestushko N.A., Russkaya D.S., Biryukova Yu.N. The collection of mottos of the Japanese nation – “The key to understanding its heart and soul” or a concentrated expression of nationalism?	19
Muratshina K.G., Busygina D.V. EU – Japan cooperation in humanitarian areas: Healthcare, education, science, culture, environmental protection	40
Dyomina Ya.V., Mazitova M.G. The COVID-19 pandemic and its impact on the Japanese economy	57
Kistanov V.O. New integration projects in the Asia-Pacific region and Japan	76
Leksyutina Ya.V. Malicious use of deepfakes: Risks for Japan’s information and psychological security.....	90
Koldunova E.V. Transformation of Japan’s relations with Southeast Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note.....	102
<i>Book Review</i>	
Simonova-Gudzenko E.K. Ancient Japan: Research, translations, hypotheses. Review of the book in two volumes “When Heaven and Earth Opened” by L.M. Ermakova.....	117

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-6-18

«Культура игры» в нарративных стратегиях «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку

А.Ю. Борькина

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных нарративных стратегий произведения «То:кайдо:тю хидзакуригэ» (1802–1809) авторства Дзиппэнся Икку (1765–1831) в контексте понятия «культура игры». Феномен «культуры игры» был связан с поисками городским сословием в Японии в эпоху Токугава (1603–1868) новых форм выразительности, восприятия и переосмысления существовавшего миропорядка. Развлекательная литература *гэсаку*, в том числе и сочинение Икку, стали воплощением подобного концепта, основанного, прежде всего, на карнавальном переворачивании привычной, официальной реальности. «Культура игры» репрезентируется в «То:кайдо:тю хидзакуригэ» посредством определённых нарративных стратегий, в числе которых хронотоп произведения, коммуникативная система персонажей и особая событийная структура. Внутреннее пространство сочинения Икку представляет собой гротескный мир, в котором довлеет телесность и связанный с ней грубоватый комизм. Конструирование такого мира производится, прежде всего, с применением литературного приёма *угати* – совмещения в одной сцене противоположных, несопоставимых понятий и явлений. Формируется также и характерный тип времени, сконцентрированный на чистой бытийности, непрерывности круга жизненных циклов, перетекающих друг в друга. Особое внимание уделяется звучащим в пространстве произведения «голосам» многочисленных персонажей и их взаимодействию. Специфика речи героев становится единственно значимой характеристикой их портрета; полифония разнородных «голосов» позволяет Икку воссоздать картину бытовой жизни, максимально приближенной к действительности, и дать выход различным точкам зрения, не находившим отражения в официальной риторике. Особое положение в системе персонажей занимает фигура нарратора, который одновременно представляется и непосредственным участником событий, и бесстрастным наблюдателем, фиксирующим происходящее, то максимально отдаляясь, то концентрируясь на мельчайших деталях. Событийная структура произведения по форме приближена к театральной. Персонажи нередко являются носителями определённых амплуа, эпизоды имеют характерное развитие, часто с прямыми отсылками к известным театральным постановкам и комическим рассказам. Подобные юмористические профанации также становятся в произведении мощным инструментом игрового переосмысления действительности.

Ключевые слова: Япония, эпоха Токугава, *гэсаку*, юмористическая проза, культура игры, нарративная стратегия, хронотоп, *коккэйбон*, Дзиппэнся Икку.

Автор: Борькина Анастасия Юрьевна, старший преподаватель Департамента востоковедения и африканистики Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 190068 Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123). ORCID: 0000-0002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Борькина А.Ю. «Культура игры» в нарративных стратегиях «То:кайдō:тю: хидзакуригэ» Дзиппенся Икку // Японские исследования. 2021. № 3. С. 6–18. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-6-18

The “culture of play” in the narrative strategies of “Tōkaidōchū Hizakurige” by Jippensha Ikku

A.Yu. Borkina

Abstract. The paper examines the main narrative strategies of “Tōkaidōchū Hizakurige” (1802–1809) by Jippensha Ikku (1765–1831) in terms of the “culture of play” concept. The phenomenon of the “culture of play” was connected with the search for new forms of expression, perception, and rethinking of the social order carried out by the townspeople of the Tokugawa period (1603–1868) in Japan. Playful literature *gesaku*, including Ikku’s literary work, was the embodiment of this concept, based, mainly, on the carnivalesque overturn of the usual, official reality. The “culture of play” is represented in “Tōkaidōchū Hizakurige” by a number of narrative strategies, namely, the chronotope, the communicative system of characters, and the special structure of episodes. The inner space of Ikku’s *kokkeibon* is a grotesque world, where the sensual pleasures and the rude humor linked to it prevail. Construction of such world takes place with the use of a literary device called *ugachi* – a combination of opposite ideas and phenomena in one scene. There is also a special type of time represented, concentrated on the pure everyday being, the endless motion of the life cycle. Attention is paid to the “voices” of the numerous characters of “Tōkaidōchū Hizakurige” as well as to their interaction. The characteristics of their speech become the only personal traits of the characters’ portraits; the polyphony of different “voices” enables Ikku to create the panorama of everyday life, close to reality, and to represent many points of view not taken into consideration by the official rhetoric. The figure of a narrator occupies a unique space in this system of characters, on the one hand, taking part in the protagonists’ fictional journey, and, on the other, being just a spectator, recording the events, both from the widest perspective possible and in detail. The structure of episodes is close to that in theatre genres. The characters represent a certain stage type; the episodes contain a specific mechanism of development, often with the allusions to the famous plays and comic stories. Such humorous profanations become a powerful device for the playful rethinking of reality.

Keywords: Japan, Tokugawa period, *gesaku*, humorous fiction, the culture of play, narrative strategy, chronotope, *kokkeibon*, Jippensha Ikku.

Author: Borkina Anastasia Yu., Senior Lecturer at the Department of Asian and African studies, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University) (address: 123, Kanala Griboedova emb., Saint Petersburg, 190068, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Borkina A.Yu. (2021). «Kul’tura igrы» v narrativnykh strategiakh «To:kaydo:tyu: khidzakurige» Dzippensya Ikku [The “culture of play” in the narrative strategies of “Tōkaidōchū Hizakurige” by Jippensha Ikku]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 6–18. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-6-18

Введение

В ряду многочисленных специфических характеристик развлекательной художественной прозы *гэсаку* 戯作 в Японии эпохи Токугава (1603–1867) одной из основополагающих

исследователями признаётся её игровой характер. Беллетристика *гэсаку* заложила основы так называемой «культуры игры», феномена, который к концу XVIII в. фактически вышел за рамки исключительно культурного явления и стал основой для формирования принципиально нового типа мировоззрения, противостоявшего официальным идеологическим установкам и присущего, прежде всего, активно набиравшему вес в обществе городскому населению *тё:нин* 町人. Занимая низшую ступень в составлявшей ядро общественного устройства системе сословий *си-но:-ко:-сё:* 士農工商 (воины – крестьяне – ремесленники – торговцы), в условиях жёсткого государственного контроля *тё:нин* смогли выработать собственную образную систему, связанную, прежде всего, с комичным, карнавальным переворачиванием реальности, которое в иносказательной форме позволяло обнажить наиболее острые проблемы существовавшего миропорядка. С течением времени «культура игры» переросла уже в «игру культурами», демонстрируя усложнение общественной структуры, никак не отражавшееся в официальном устройстве социума. Произведения же *гэсаку* с их нарочито усложненным построением, соединением разнородных элементов, тесным взаимодействием с иными формами искусства и общественной жизни, в числе которых театр, изобразительное искусство и «весёлые кварталы», многочисленными аллюзиями к сочинениям предшественников и современников являли собой идеальное воплощение подобных процессов.

Игра становилась способом бытия для тех, кто больше не вписывался в общепринятый контекст; она давала участникам чувство свободы, выражавшееся, в том числе, в длинных, серийных повествованиях и произведениях о путешествиях, словно вновь инициировавших движение в застойном времени второй половины эпохи Токугава [Harootunian 1995, p. 58]. Одним из таких монументальных текстов стал *коккэйбон* 滑稽本 («забавные книги», один из жанров *гэсаку*) «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» (яп. 東海道中膝栗毛, «На своих двоих по тракту То:кайдо:», 1802–1809) авторства Дзиппэнся Икку 十返舎一九 (1765–1831). Как яркий пример реализации концепта «культуры игры» в литературе *гэсаку*, произведение представляет особый интерес для изучения в контексте использованных в связи с этим нарративных стратегий, анализ которых и будет находиться в центре рассмотрения данной статьи. Под нарративными стратегиями будут пониматься, прежде всего, хронотоп произведения, коммуникативная система взаимодействия голосов рассказчика, персонажей и читателя и событийная структура повествования.

Бренный мир в бесконечной бытийности настоящего

Путешествие двух персонажей-мужчин «То:кайдо:тю: хидзакуригэ», эдосских гуляк по имени Ядзиро:бэй и Китахати на запад, в святилище Исэ, а затем в Киото и Осака, пролегает в основном, как следует из названия произведения, по просторам тракта То:кайдо:, важного транспортного маршрута Японии эпохи Токугава. Придерживаясь, с одной стороны, каноничных установок своих литературных предшественников в изображении подобного пространства, Икку репрезентирует его через продвижение комичной пары персонажей сначала по пятидесяти трём почтовым станциям То:кайдо:, затем по сравнительно крупным поселениям и важнейшим районам городов Ямада, Фусими, Киото и Осака. С другой стороны, *коккэйбон* Икку, несомненно, выделяется на общем фоне, прежде всего, своей гиперреалистичностью и одновременной условностью, карнавальностью, выражающимися,

прежде всего, в сосредоточенности на самых обыденных, порой даже низменных сторонах путешествия в частности и функционирования мира в целом. Как творца «культуры игры», писателя привлекают подобные стороны бытия, изгнанные в официальной парадигме в область маргинального; они используются в качестве инструмента провокации и символического низвержения стерильной общественной идеологии.

Такая тенденция отмечается уже в самом выборе узловых локаций повествования – протагонистов и второстепенных персонажей «То:кайдо:тю: хидзакуригэ», в отличие от лирических героев путевых дневников прошлого и даже комичных путешественников Томиама До:я 富山道治 (1585–1634) и Асаи Рё:и 浅井了意 (?–1691), интересуют, в основном, увеселительные дома разного порядка, питейные заведения, забегаловки и прочие развлекательные учреждения. Утончённые пейзажи, места эпических сражений прошлого, величественные храмы и статуи же становятся объектами их внимания время от времени, но часто, опять же, лишь с точки зрения удовлетворения телесных потребностей. Сопряжение подобных элементов возвышенного и низменного в одной сцене нередко встречается на страницах *коккэйбон* Икку и реализуется с помощью литературного приема *угати* 穿ち, «осмеяния недостатков». *Угати*, по своей сути, представляет собой совмещение в одной сцене приятного и отвратительного, противоречие которых позволяет взглянуть на разворачивающуюся ситуацию под новым углом. Повествование в таких эпизодах часто создаёт крайне богатые визуальные образы, умело соединяя элементы лирического описания и тривиальные, комичные сцены [Miller 1988, p. 139]. Так, например, в начале восьмой книги «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» Икку вводит описание порта Осака [Икку 1958, с. 427–428], где максимально утончённые детали открывающейся перед глазами протагонистов картины («зацветает сакура», «любование светлячками», «заснеженные вершины в Токифунэтё») сопровождаются предельно сниженными подробностями времяпрепровождения в этих «знаменитых местах» («повсюду лодки, спешащие на пирушку», «пировать всю ночь напролет», «попивая сакэ из морской раковины»). Затем всё и вовсе сводится к вульгарности – любование цветением в конце концов объявляется тождественным наблюдению за «неувядающими цветами “весёлых кварталов”» – посещению девиц в публичных домах.

Телесность, текущая чувственность становятся для персонажей «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» новым способом бытия и познания мира. В первую очередь здесь, безусловно, довлеет мотив плотской любви. Начиная со взаимоотношений самих протагонистов, которые, как отмечается в главе «Начало путешествия», ещё до переезда в Эдо в родной провинции Суруга вступили в любовную связь, и заканчивая бесконечными поисками Ядзиро:бэй и Китахати чувственных наслаждений в бесконечной череде постоянных дворов, борделей и «весёлых кварталов», большая часть эпизодов сочинения Икку так или иначе подчинена этому мотиву. Некоторые исследователи усматривают подобные коннотации не только непосредственно в сюжетных событиях, но и, например, в географических наименованиях, списках-перечислениях знаменитых товаров *мэйбуцу* 名物 на почтовых станциях и многочисленных шутках, имеющих, зачастую, сексуализированный подтекст [Traganou 2005, p. 110].

Телесность сопряжена в мире «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» с многочисленными физиологическими её проявлениями, которые теперь из приватного явления переходят в фокус внимания, при этом подаются в мельчайшей детализации. Сочинение Икку

буквально переполнено эпизодами употребления еды и питья, справления естественной нужды, подробными описаниями разнообразных неприятных недугов и их проявлений и прочими подобными казусами, часто представляемыми в гротескной, гиперболизированной форме. Все эти процессы в произведении одновременно и подвергаются осмеянию, и, как ни странно, вписываются в общую картину миропорядка литературного пространства, так что смех практически не несёт в себе негативного элемента, но формирует «новую нормальность», освобождая телесное из рамок ограничений и возвращая течение жизни к реальному, в котором чувственные наслаждения составляют неотъемлемую, значительную часть [Nigano 2014, p. 82].

Сведены до банального, тривиального оказываются в пространстве «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» и основополагающие процессы жизненного цикла, в том числе рождение и смерть. Такова, например, сцена гибели в родах беременной О-Цубо, на которой из-за приданого хочет жениться Ядзиро:бэй и которую прячут в ящике, чтобы не раскрылись подробности аферы протагонистов. Если сам эпизод смерти ещё представляется хоть в некоторой мере напряжённым, пугающим, то дальнейшая подготовка героев к похоронному обряду выглядит уже чистейшей воды фарсом – приятель предлагает протагонистам отнести гроб, по виду ничем не отличающийся от кадушки, в которую складывают овощи на продажу, в храмовый квартал Тэрамати, «а там, глядишь, и покупатели найдутся», сводя, таким образом, погребальную церемонию к мелкой торговле вразнос («Свежие трупы! Привидения и оборотни только с грядки! Сушёные поминальные таблички!» [Икку 1958, с. 42]). Сцена похорон окрашивается в гротескные тона и благодаря ещё одному событию – после прибытия отца погибшей становится ясно, что герои уложили труп вверх ногами, так что, когда отец требует показать лицо покойницы, все присутствующие становятся свидетелями весьма неприличной сцены. Похожий тон имеет и другой эпизод, связанный со смертью – на постоялом дворе в Осака Ядзиро:бэй и Китахати оказываются из-за недостатка свободных мест в одной комнате с мужчиной из провинции Тамба, который за чаем угощает героев сладостями из небольшой коробочки. Ночью протагонисты тайком вытаскивают коробочку из корзины соседа, надеясь полакомиться, однако их постигает неудача – емкость полна странного на вкус порошка неизвестного происхождения, который оказывается прахом почившей жены провинциала – он везёт его на гору Коя, где находятся многочисленные буддийские храмы. «Съев», по обвинению соседа, «чужую жену», герои, однако, не испытывают ни малейшего угрызения совести – их захватывает всепоглощающий смех, утверждающий амбивалентность, двойственный характер всех явлений, сводящий воедино употребление пищи и смерть и провозглашающий, таким образом, неразрывность жизненного цикла и примат телесности [Бахтин 1990]. Не далеко от данных эпизодов уходит и сцена комичных родов – на одном из постоянных дворов Ядзиро:бэй испытывает приступ кишечной болезни, и одновременно у жены хозяина начинаются схватки. Явившаяся на зов повитуха в суматохе принимает спрятавшегося под одеялом, стонущего Ядзиро:бэй за роженицу и всячески старается оказать ему помощь, однако разрешиться от бремени герою удаётся, лишь вырвавшись из её крепких объятий и запершись в уборной. Гротескное соединение подобных процессов воплощает в себе всю сущность материально-телесного начала и полностью вписывает телесность в структуру окружающего мира, вновь передвигая её из сферы маргинального в центр миропорядка,

который, благодаря её рождающей, производительной мощи и преемственной неразрывности, получает надежду на обновление [Бахтин 1990].

«Культура игры» утверждает в мире «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» и новый тип времени, сконцентрированный теперь не на исторических веках или пресловутом «Золотом веке», но на повседневности. «Славные подвиги воинов былых эпох сохранились лишь на красочных столичных гравюрах, а луки и деревянные мечи отданы в храмы в качестве подношения могущественным божествам», отмечает рассказчик во вступлении к первой книге «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» [Икку 1958, с. 51], приглашая читателя буквально «последовать в путь» вслед за протагонистами, окунувшись в бесконечную бытийность настоящего, в которой и существуют герои. Темпоральный прогресс здесь, как и в ряде других жанров *гэсаку*, прежде всего, повестях о «весёлых кварталах» *сярэбон* 洒落本 и иллюстрированной прозе о жизни горожан *кибё:си* 黄表紙, становится, по сути, одним из главных двигателей сюжета, задаёт особый ритм повествования [McGee 2011, p. 50]. Действия персонажей зачастую расписаны по часам, при этом особенное внимание уделяется маркировкам конца и начала дня, которые чаще всего знаменуют завязку и развязку конфликта соответственно; временная шкала в *коккэйбон* Икку дробится на единичные бытовые эпизоды, бесконечно нанизывающиеся на стержень повествования и привлекающие внимание, прежде всего, к частному, незначительному, вынесенному на периферию сложившегося миропорядка и одновременно представлявшему центр бытовой, телесной жизни. Постоянное движение «весёлого времени» вперёд представляется механизмом для подвижки застывшей реальности, взглядом в возможное будущее, где социальные установки, наконец, приведены в соответствие с реально усложнившимися общественными отношениями и структурами.

Таким образом, на страницах «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» формируется измерение, соотносимое с «пространством карнавала» по М.М. Бахтину; гротескный, комичный мир, где объективная реальность переворачивается и дестабилизируется, подвергается всестороннему осмеянию. Всеобщий смех становится в этом пространстве одновременно и инструментом острашения, демонстрирующим привычные явления в иной плоскости, и средством для «игры культурами». В атмосфере «перевернутого смехом мира» разрушаются все привычные связи, а в соседстве оказываются совершенно противоположные, несочетаемые сущности, что в сочетании с «героизацией телесной жизни» позволяет кардинально пересмотреть основы миропорядка [Бахтин 1975, с. 226].

Деконструкция устойчивого миропорядка в полифонии голосов

Одним из наиболее ярких элементов структуры нарратива «То:кайдо:тю: хидзакуригэ», безусловно, следует признать коммуникационную систему взаимодействия голосов рассказчика и многочисленных персонажей. Данная стратегия была не нова для произведений *гэсаку*, однако в *коккэйбон* Икку она находит свою максимальную репрезентацию. Зарождение подобной системы коммуникации относится ещё к повестям о «весёлых кварталах» *сярэбон*, одному из ранних жанров *гэсаку*, чей расцвет пришёлся на вторую половину XVIII в. С точки зрения структуры, *сярэбон* представляли собой длинные диалоговые части, иногда перемежающиеся повествовательными фрагментами. Они всё ещё писались на литературном языке, однако в диалоговых фрагментах авторы повестей о «весёлых кварталах» постепенно начали развивать искусство передачи живой разговорной

речи, прежде всего, особого жаргона женщин из публичных домов и их посетителей, который с течением времени в условиях герметичных миров «весёлых кварталов» сформировался в совершенно особый язык, полный тонких намеков и условностей. Эта же искусственность, закрытость для понимания тех, кто не был в достаточной мере причастен к жизни «весёлых кварталов», в конце концов привела к снижению популярности подобных работ; при этом сам метод авторов *сярэбон* был перенят и в дальнейшем развит творцами других жанров *гэсаку*.

Придерживается подобного механизма и Дзиппэнся Икку в «То:кайдо:тю: хидзакуригэ». Произведение представляет собой бесконечную череду диалогов-взаимодействий персонажей, чаще всего в паре протагонисты – второстепенные герои, сопровождающихся время от времени авторскими ремарками, зачастую – пояснениями о месте и времени действия. Эти комментарии записываются более мелкими знаками по отношению к основному тексту. Нарратив, таким образом, сочетает в себе элементы подражания (мимесиса) и простого повествования (диегесиса) с явным преобладанием первого. Роль рассказчика в повествовании максимально ограничена. Единственные фрагменты, где авторский текст преобладает над диалогами, – вступления, предваряющие каждую последующую часть произведения. Именно через эти эпизоды становится ясна позиция рассказчика в «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» – вводя в каждой новой части очередной отрезок маршрута, который предстоит преодолеть протагонистам, нарратор призывает читателя вместе с ним последовать за героями, утверждая, таким образом, самодостаточность повествования, его неподконтрольность внешнему воздействию. Рассказчик перемещается словно камера в кинематографе [Araki 1969, p. 38], выхватывая из общего бесконечного потока жизни отдельные картины, то возносясь над событиями и демонстрируя максимально широкую панораму, как, например, во вступительных эпизодах («Спокойны были воды моря Тотоми¹, и не всколыхнулась ни единая иголочка на соснах, что росли вдоль тракта. Путники вежливо уступали друг другу дорогу, и повсюду царили мир и спокойствие...» [Икку 1958, с. 137]), то максимально, порой утрированно фокусируя внимание на самых мелочных, бытовых сценах, воспроизводимых с предельным приближением и детализацией («Видели бы вы рожу нашей хозяйки, когда её повешенной нашли. Глаза закатились, сопли свисают, зубы сжаты – прям как живая!» [Икку 1958, с. 171]).

Впрочем, иногда нарратор всё же обнаруживает себя в повествовании и более явно. Время от времени в авторских интерлюдиях прослеживается до некоторой степени приглашение к рефлексии, как рассказчика, так и читателя; при этом оно воплощено, скорее, в форме *каимами* 垣間見 – своеобразного «подглядывания», «снятия четвёртой стены», мимолетного вторжения в ход самодостаточного нарратива [Miller 1988, p. 146]. Такие вставки могут содержать, например, пояснения для читателя («Всё дело в том, что в Нагамати во всех конторах, подобных той, куда обратился Сахэйдзи, на внутренней стороне кимоно и хаори белыми нитками вышивался иероглиф “десять”»), саркастическую насмешку над очередной выходкой протагонистов («... приятели наши, Ядзи и Кита, всё ещё пребывали в блаженном неведении»), а порой и сочувствие их неудаче («Он так и не догадался, что над ним издеваются») [Икку 1958, с. 461–464]. Повествователь, Впрочем, ограничивается так называемой эмотивной функцией, никогда не переходя к идеологической,

¹ Море Тотоми – морская территория к югу от провинции Тотоми, ныне в составе префектуры Сидзуока.

не давая эксплицитной моральной оценки происходящим событиям [Женетт 1998, с. 264]. Активное вовлечение реципиента в нарратив путём подобного дружественного жеста, ненавязчивого приглашения представляет собой одну из важнейших характеристик такой коммуникативной системы. Несомненно, читатель занимал в ней весьма значительное место; некоторые исследователи и вовсе полагают, что *коккэйбон* в целом и «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» в частности изначально создавались для прочтения вслух, приближенного к театральному разыгрыванию. На это может указывать, прежде всего, тот факт, что, работая над имитацией разговорной речи, творцы «забавных книг» уделяли особое внимание проблеме точного воспроизведения на письме различных звуков, подчас создавая новые условные обозначения для маркировки, например, диалектного произношения, или смены темпа речи. В *коккэйбон* также повсеместно используются звукоподражания, а каждая реплика отмечается именем произносящего её персонажа, подобно структуре театрального либретто. Читатель, таким образом, вовлекается в своеобразную игру, получая возможность хотя бы на короткое время перейти из официального мира в пространство карнавала, театрализованного действия, в рамках которого становится возможна деконструкция условности и относительности реальности, пусть лишь и воображаемая.

Интересно отметить и степень соотнесенности нарратора с фигурой реального автора произведения, Дзиппэнся Икку. Известно, что Икку сам много путешествовал по Японии, и, предположительно, именно его двухнедельная поездка в Хаконэ в 1801 г. послужила источником вдохновения для написания «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» [Shores 2012, p. 48]. В тексте произведения, с одной стороны, рассказчик недвусмысленно соотносится с образом писателя, документирующего приключения протагонистов своей «неутомимой кистью». С другой стороны, в нескольких эпизодах текста читатель встречается со своеобразной рекурсией – именитый автор Дзиппэнся Икку становится одним из героев собственного повествования. Центральная сцена в подобном ряду – переход протагонистов между поселениями Сироко и Цу, где при встрече с провинциальным любителем поэзии Ядзиро:бэй представляется именем Икку, а Китахати притворяется его любимым учеником. Вскоре, впрочем, обман оказывается раскрыт – на пирушке Ядзиро:бэй присваивает одно из знаменитых стихотворений поэта Сэнсюан 千秋庵 (1731–1814), а затем хозяева и вовсе получают вести от настоящего Икку, который обещает в скором времени навестить их. Протагонисты же с позором изгоняются [Икку 1958, с. 260–272]. В итоге автор, наряду с персонажами и читателем, также становится участником игрового, карнавального действия, пародийного «переодевания». Несерьёзность эта, с одной стороны, была вполне в духе писателей-*гэсакуся* 戯作者, которые сами же в первую очередь и именовали свои произведения *муда* 無駄 – «пустыми», «бесполезными» [Shirane 2002, p. 451]. Поскольку проводники «культуры игры» всё же оставались частью регламентированного, официального мира, иная позиция в условиях ужесточившейся цензуры для них в принципе была невозможна, однако при всей своей лёгкости подобные пародийные моменты становились, тем не менее, весьма действенным инструментом переворачивания, дестабилизации действительности.

Обратимся теперь непосредственно к диалогической части нарратива «То:кайдо:тю: хидзакуригэ». Основной массив текста произведения, как уже отмечалось выше, представляет собой бесконечную цепочку коммуникативных взаимодействий протагонистов

с второстепенными персонажами. При этом Икку, как и многие другие творцы *гэсаку* и *коккэйбон* в частности, достиг высочайшего мастерства в технике репрезентации живой разговорной речи. Прежде всего это касается воспроизведения многочисленных провинциальных диалектов (проведение различий между говором двух столиц, Эдо и Киото; забавные особенности речи жителей глубинки) и жаргонов определённых социальных групп (в их числе, например, знаменитая бранная речь возниц, грубый говор которых Икку определяет как особый «этикет», принятый в их среде). В этот же ряд можно поставить и периодически встречающиеся на страницах произведения своего рода вставные новеллы, которые возникают независимо в потоке речи различных второстепенных персонажей и занимают подчас довольно большой текстовый объём (к таким, например, можно отнести историю паломника-*рокубу* о его неудачной попытке наладить торговлю коробками в Эдо; рассказ пилигрима о связи его дочери с божеством Грома и чудесном рождении внучки и прочие эпизоды подобного толка). Здесь важно отметить, что такие особенности речи в «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» «становятся как бы целостными образами, законченными типами речи и мышления, как бы языковыми масками» [Бахтин 1990, с. 511]. В условиях почти полного отсутствия описания объективного окружающего мира, а также максимально сниженной внешней персонификации героев, большая часть которых даже не обладает именами, речь персонажей становится единственной яркой чертой их портрета и характера. В некоторой степени это касается и пары протагонистов – будучи центром повествования, Ядзиро:бэй и Китахати, на самом деле, обладают весьма текучей, неопределённой индивидуальностью, они, как подобает авантюрному герою, занимают положение лиминальное, одновременно играя роль и идеальных наблюдателей широкой панорамы бытовой жизни, и дестабилизаторов рутинной повседневности, исполняя, по сути, «чистую функцию походов и приключений» [Бахтин 1929, 1963, с. 162].

В подобном разнголосье «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» удаётся представить многочисленные точки зрения, в официальной системе общественных взаимоотношений находившиеся на глубокой периферии. Мир произведения Икку множественен, в нём звучат голоса как весьма уважаемых выходцев из городского сословия, так и откровенно маргинализированных социальных групп, в числе которых и женщины лёгкого поведения, и бродячие артисты, и мошенники всех сортов. Впрочем, в рамках структуры *си-но:-ко:-сё:* все они оказываются примерно в равном невыгодном положении. «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» же предоставляет им своеобразную площадку для свободного высказывания, раскрытия собственной правды жизни; их голоса и сознания взаимодействуют, противостоят, дополняют и перетекают друг в друга. Диалог, таким образом, становится не простым взаимодействием, но способом бытия, действием [Бахтин 1929, 1963, с. 270–271], которое должно продолжаться беспрерывно, как и круг телесного жизненного цикла в бренном, «плывущем» мире *укиё* 浮世.

«Культура игры» в театрализованной событийности

Ещё одна нарративная стратегия «То:кайдо:тю: хидзакуригэ», заслуживающая отдельного упоминания, – это специфическая событийная структура произведения. Как уже отмечалось ранее, в «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» действие разворачивается в особом пространстве карнавала, в связи с чем механизм сюжетообразования также оказывается

максимально приближен к театрализованному действию. Литература *гэсаку* в целом тесно смыкалась с театральным и эстрадным миром, прежде всего, с театром *кабуки* 歌舞伎, фарсами *кё:гэн* 狂言, сказами *дзё:рури* 浄瑠璃 и комическими устными рассказами *ракуго* 落語. Театральная сфера являла собой яркое воплощение «культуры игры», будучи своеобразным «постоянным карнавальным пространством для игры, наслаждения и фантазии» [Gerstle 2005, p. 194], на чьё существование официальная власть смотрела сквозь пальцы, не запрещая окончательно, но и не поощряя, вынося в сферу маргинального – подобно «весёлым кварталам» существовали аналогичные театральные. Используя в своём произведении внутренние механизмы «театрализованного представления», Икку усиливает эффект переворачивания, игрового переосмысления действительности.

Близость «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» с театральными жанрами прослеживается в ряде аспектов. Выше уже упоминалась структура построения произведения, внешне очень напоминающая либретто. Персонажи Икку, хоть и репрезентируют множество «голосов», тем не менее, в общей своей массе представляют набор весьма ограниченных амплуа – хозяин постоянного двора или чайного домика, служанка, девица из «весёлого квартала», мошенник и прочие – которые могут различаться по воплощению, но в своей сущности неизменно перетекают из эпизода в эпизод. Взаимодействие главных героев также заимствовано из театрального мира – Ядзиро:бэй и Китахати, по сути, могут быть соотнесены с парой актеров *ситэ* и *адо* из фарсов *кё:гэн*, одноактных комических или сатирических пьес о жизни крестьян и горожан, построенных в форме диалога. Событийные арки «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» выстраиваются чаще всего по неизменной схеме: завязка, связанная, прежде всего, с комичным поведением, гротескным снобизмом протагонистов; развитие и усугубление конфликта, сопровождаемое различными элементами карнавализованного действия (переодевание, пародия, профанация, подчеркнуто неправильная интерпретация, комическое переворачивание и так далее); развязка, в которой происходит разоблачение, низвержение и осмеяние протагонистов, высвобождение негативной энергии конфликта через смех. Некоторые эпизоды и вовсе представляют собой своеобразное переложение известных представлений *кабуки* и *кё:гэн*. Наконец, ряд сцен содержат в себе непосредственное разыгрывание «театрального представления» в литературной форме, при этом классические сюжеты постановок перерабатываются в юмористическом, порой даже гротескном духе. Так, например, в седьмой части герои разыгрывают на постоялом дворе в Киото знаменитую сцену из пьесы *кабуки* «Хирагана сэйсуйки»², в которой гетера Умэгаэ, вспомнив легенду о волшебном колоколе Мугэн-но канэ, дарующем несметные богатства прозвонившему в него, ударяет ковшиком об умывальный таз в надежде получить деньги для спасения своего возлюбленного, воина Гэнта. Потуги героев, однако, выглядят, скорее, как пародийная, карнавальная профанация – Китахати, исполняющий роль Гэнта, не знает слов и безуспешно пытается импровизировать; роль прекрасной Умэгаэ исполняет старый буддийский монах с ввалившимся от сифилиса носом; аккомпанирует им юная дочь хозяина постоянного двора, норовящая подменить нужный текст шуточной девичьей песенкой; Ядзиро:бэй в роли матери Гэнта забирается на лестницу, а затем падает с неё, устраивая страшный переполох и нанося увечья монаху

² «Хирагана сэйсуйки» ひらがな盛衰記 – пьеса, первоначально написанная для кукольного театра; впервые была поставлена в 1739 г. в Осака. Вскоре была адаптирована для театра Кабуки.

и дочери хозяина [Икку 1958, с. 398–402]. Эпизоды «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» также сопровождаются, в духе театральности, непременно интерлюдией, представленной всякий раз сочетанием краткого авторского нарратива и юмористического стихотворения *кё:ка* 狂歌 – одного из подвидов пятистрочной поэтической формы *танка* 短歌. *Кё:ка* в *коккэйбон* Икку становятся одновременно способом рефлексии протагонистов по поводу каждого нового приключения, переживаемого ими, и средством соединения весьма самодостаточных эпизодов в единую структуру.

Не меньшее значение имеет и связь «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» с разговорными эстрадными жанрами. Сам Икку имел к этой сфере непосредственное отношение – он организовал весьма популярное впоследствии общество профессиональных рассказчиков Эйю:до: ханаси-но кай 栄邑堂咄の会, выпустившее под его руководством около тридцати сборников с лучшими историями [Shores 2012, p. 50]. «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» активно эксплуатирует как сами сюжеты комических рассказов, так и общий механизм выстраивания в них юмористического эпизода. В основном здесь задействуется тип юмора, основанный на игре слов – комичной подмене одного понятия другим, часто по принципу сходного звучания, либо ошибочной интерпретации некоторого понятия и возникающего в связи с этим несоответствия, которое затем порождает смех. Такова, например, сцена из первой части произведения, где протагонисты подвергают осмеянию приказанию верховых из процессии феодала на основании сходного звучания слов *тору* 取る («снимать» – верховой велит всем «снять шапки») и *то:ру* 通る («проходить» – Китахати удивляется подобному разрешению, ведь по общественным порядкам того времени горожане и крестьяне должны были, пав ниц, почтительно ждать, пока не проедет процессия) [Икку 1958, с. 54]; или эпизод из седьмой части, когда, будучи на представлении, Китахати слышит обращение *дайко* 大根 по отношению к артистам и неправильно интерпретирует его, попадая впросак [Икку 1958, с. 383–385]. Герой понимает слово по его первому значению, «редька», и решает, что артист, которого окликают подобным образом, имеет весьма странный сценический псевдоним, тогда как впоследствии выясняется, что в районе Камигата, где находятся на момент повествования персонажи, этим словом называют плохого актёра. Иногда, как и в случае с театральными жанрами, в произведении происходит буквальное воспроизведение искусства устного комического рассказа в текстовом воплощении, при этом перенос происходит чаще всего в форме «ироничного пересказа» каких-либо предшествовавших событий – намеренного включения объективной реальности в процесс игры и её обновленной, карнавализованной интерпретации.

Заключение

«То:кайдо:тю: хидзакуригэ», таким образом, являет собой яркое воплощение «культуры игры», важного концепта в мировосприятии городского населения в эпоху Токугава. Новая система ценностей «культуры игры» отражала реальные, не соответствовавшие официальной доктрине потребности горожан – телесные удовольствия, страсть, смех [Harootunian 1995], ставшие краеугольными камнями и в нарративе сочинения Икку. Создавая с помощью проанализированных выше нарративных стратегий, пусть и в иносказательной форме, новую, альтернативную реальность, «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» приоткрывало для читателя

возможность наслаждения жизнью вне строгих ограничительных рамок социальной системы. Реальный, чувственный мир, в котором существовали горожане *тё:нин*, в произведении перестаёт быть изолированным, вытесненным в сферу маргинального, и утверждается в качестве повсеместного пространства карнавала, вечного и цикличного, как сам жизненный круг. Именно в таком пространстве становится возможной и репрезентация широкого круга разнообразных точек зрения, «голосов» представителей всевозможных социальных групп, чья коммуникация и составляет основу нарратива «То:кайдо:тю: хидзакуригэ». Учитывая, однако, тот факт, что творцы «культуры игры» всё ещё оставались в рамках государственной системы, реализация подобной плюралистичности могла происходить лишь в форме условной, театрализованной событийности с довлеющим комическим, часто гротескным началом. Будучи порождением эпохи, ознаменовавшей в Японии начало кризисных, дезинтеграционных явлений, «То:кайдо:тю: хидзакуригэ», таким образом, должно рассматриваться не только как образец лёгкой юмористической прозы, но и как образное, иносказательное осмысление сложных общественных процессов и роли городского сословия в них – постепенно усугубляющуюся фрагментацию социума, персонализацию жизни и становление нового типа мироощущения, в основе которого – многообразие проявлений телесной жизни и их взаимодействие – «игра культурами».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо. 1929, 1963.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература. 1990.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература. 1975. С. 234–408.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс / пер. с фр. Перцовой Н. // Женетт Ж. Фигуры. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 1998. С. 60–280.

REFERENCES

Bakhtin, M.M. (1929, 1963). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Eksmo. (In Russian).

Bakhtin, M.M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rable and the popular culture of Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Bakhtin, M.M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and the chronotope in the novel]. In Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics] (pp. 234–408). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Genette, G. (1998). *Povestvovatel'nyi diskurs* [Narrative discourse] / Trans. by Pertsova N. In Genette, G. *Figury* [Figures] (pp. 60–280). Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. (In Russian).

* * *

Araki, J.T. (1969). Sharebon: Books for Men of Mode. *Monumenta Nipponica*, 24 (1/2), 31–45.

Gerstle, A.C. (2005). The Culture of Play: Kabuki and the Production of Texts. *Oral Tradition*, 20, 188–216.

Harootunian, H.D. (1995). Late Tokugawa Culture and Thoughts. In M.B. Janson (ed.), *The Emergence of Meiji Japan* (pp. 53–143). Cambridge University Press.

Hirano, K. (2014). *The Politics of Dialogic Imagination: Power and Popular Culture in Early Modern Japan*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Jippensha Ikku. (1958). *Tokaidochu Hizakurige* [Shank's Mare]. Tokyo: Iwanami shoten. Vol. 62. (In Japanese).

McGee, D. (2011). Turrets of Time: Clocks and Early Configurations of Chronometric Time in Edo Fiction (1780–1796). *Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal*, 19, 44–57.

Miller, J.S. (1988). The Hybrid Narrative of Kyōden's Sharebon. *Monumenta Nipponica*, 43 (2), 133–152.

Shirane, H. (ed.). (2002). *Early Modern Japanese Literature: an Anthology, 1600–1900*. New York: Columbia University Press.

Shores, M.W. (2012). Jippensha Ikku, *Hizakurige* and Comic Storytelling. *Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal*, 20, 46–75.

Traganou, J. (2005). *The Tōkaidō Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan*. Taylor & Francis e-Library.

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-19-39

Сборник девизов японского народа – «ключ к разумению души и сердца» японцев или концентрированное выражение национализма?

Ю.С. Пестушко, Н.А. Пестушко, Д.С. Русская, Ю.Н. Бирюкова

Аннотация. Представленная работа посвящена концептуальному анализу сборника национальных девизов японского народа, который был опубликован в 1944 г. в Маньчжоу-Го. В книгу вошли мысли и высказывания японских политических и государственных деятелей, военных, философов (в том числе и китайских), писателей и поэтов. Хронологически материал сборника охватывает время от появления первых произведений китайской философии, датируемых примерно VII в. до н.э., до начала XX столетия. Сборник появился в непростое для Японии и всего мира время, когда в Европе и на Тихом океане шла война. Для Японской империи перелом в войне не в её пользу наступил ещё летом 1942 г., в ходе сражения у атолла Мидуэй. С этого момента Япония постепенно утрачивает инициативу в проведении наступательных операций против американцев и их союзников на Тихом океане. Вслед за ухудшением военного положения Японии правительство этой страны начинает усиливать меры пропагандистского характера, направленные на укрепление общей, по мнению Токио, для всех восточноазиатских народов идеи противостояния европейскому колониализму под эгидой Страны восходящего солнца. В рамках этой кампании харбинским отделением японского телеграфного агентства «Ниссо» и «Патриотической ассоциацией литераторов» был выпущен сборник девизов японского народа, который был призван «духовно объединить» проживавших в Маньчжоу-Го подданных Японии и способствовать росту понимания японского менталитета и японской культуры со стороны русскоязычного населения Восточной Азии. Расчёт на русских делался не случайно: Япония планировала заручиться поддержкой проживавших в Азии выходцев из России. Рассматриваемый в статье сборник сегодня стал библиографической редкостью. Содержащиеся в нём философские изречения, суждения и призывы представляют интерес с точки зрения изучения прошлого Страны восходящего солнца, её идеологии времен Второй мировой войны, понимания сущности японского национализма. Вошедшие в сборник девизы раскрывают общенациональные черты японцев, их отношение к жизни и смерти, а также к таким понятиям, как «долг», «родина», «честь».

Ключевые слова: Япония, Маньчжоу-го, девизы, персуазивность, национализм, Вторая мировая война, победа, поражение.

Авторы:

Пестушко Юрий Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии, Хабаровский государственный институт культуры (адрес: 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112). ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: yuripestushko@mail.ru

Пестушко Наталья Анатольевна, ведущий документовед, Институт непрерывного профессионального образования и аккредитации при Дальневосточном государственном медицинском

университете (адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 35). ORCID: 0000-0003-4479-2292; E-mail: nap-khv@yandex.ru

Русская Дарья Сергеевна, студентка факультета востоковедения и истории, Тихоокеанский государственный университет (адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68). E-mail: kureba@bk.ru

Бирюкова Юлия Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, Российский университет дружбы народов (адрес: 117198, ЮЗАО, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0002-5977-4081; E-mail: yu.biryukova@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пестушко Ю.С., Пестушко Н.А., Русская Д.С., Бирюкова Ю.Н. Сборник девизов японского народа – «ключ к разумению души и сердца» японцев или концентрированное выражение национализма? // Японские исследования. 2021. № 3. С. 19–39. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-19-39

The collection of mottos of the Japanese nation – “The key to understanding its heart and soul” or a concentrated expression of nationalism?

Yu.S. Pestushko, N.A. Pestushko, D.S. Russkaya, Yu.N. Biryukova

Abstract. This article is devoted to the conceptual analysis of the collection of national mottos of the Japanese nation, which was published in 1944 in Manchukuo. The book includes thoughts and statements of Japanese political and public figures, soldiers, philosophers (including Chinese ones), writers and poets. Chronologically, the collection covers the time from the appearance of the first written works of the Chinese philosophy (approximately 7th century BC) to the beginning of the 20th century. The book was released at a difficult time for Japan and the world, when war was going on in Europe and the Pacific. For the Japanese Empire, the point of the war turning against its favor occurred in the summer of 1942, during the Battle of Midway. From this time on, Japan gradually loses the initiative in conducting offensive operations against the Americans and their allies in the Pacific Ocean. Since the Japanese military situation deteriorated, the government began to strengthen its propaganda measures aimed at strengthening the idea of opposing European colonialism under the aegis of the Country of the Rising Sun, which was, in Tokyo's view, shared by all East Asian nations. Apparently, as a part of this campaign, the Harbin branch of the Japanese Telegraph Agency “Nisso” and the Patriotic Association of Writers published a collection of mottos of the Japanese nation, which was intended to “spiritually unite” the Japanese subjects living in Manchukuo and promote an increased understanding of the Japanese mentality and Japanese culture among the Russian-speaking population of East Asia. Targeting Russian population did not happen by chance. In the conditions of “common misery for all”¹, Japan, apparently, planned to enlist Russian emigrants living in Asia. The collection considered in the article has become a bibliographic rarity today. The philosophical sayings, judgments, and appeals contained in it are of great interest for studying the past of the Country of the Rising Sun, as well as its ideology during World War II, and for understanding the essence of Japanese nationalism. The mottos included in the brochure reveal the general ethnic features of the Japanese, their attitude towards life and death, as well as such concepts as “duty”, “homeland”, and “honor”.

Keywords: Japan, Manchukuo, mottos, persuasiveness, nationalism, Second World War, victory, defeat.

¹ In the text of the collection – “needs”.

Authors:

Pestushko Yurii S., Doctor of Historical Science, Khabarovsk State Institute of Culture, Department of Cultural Studies and Museology (address: 112, Krasnorechenskaya Str., Khabarovsk, Russian Federation, 680045). ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: yuripestushko@mail.ru

Pestushko Natalia A., Chief Document Expert, Institute of Continuing Education and Accreditation, The Far Eastern State Medical University (address: 35, K. Marx Str., Khabarovsk, Russian Federation, 680000). ORCID: 0000-0003-4479-2292; E-mail: nap-khv@yandex.ru

Russkaya Daria S., Student, Faculty of Oriental Studies and History, Pacific National University (address: 68, K. Marx Str., Khabarovsk, Russian Federation, 680000). E-mail: kureba@bk.ru

Biryukova Yulia N., Associate Prof., PhD, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Department of the Russian Language (address: 6, Miklukho Maclay Str., Moscow, Russian Federation, 117198). ORCID: 0000-0002-5977-4081; E-mail: yu.biryukova@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Pestushko Yu.S., Pestushko N.A., Russkaya D.S., Biryukova Yu.N. (2021). Sbornik devizov yaponskogo naroda – «klyuch k razumeniyu dushi i serdtsa» yapontsev ili kontsentriruyemye vyrazheniya natsionalizma? [The collection of mottos of the Japanese nation – “The key to understanding its heart and soul” or a concentrated expression of nationalism?]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 19–39. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-19-39

В 1944 г.² харбинское отделение японского телеграфного агентства «Ниссо» (日蘇通信社) выпустило в свет на русском и японском языках тиражом в 1000 экземпляров небольшую брошюру – сборник национальных девизов «Кокумин дзаямэй» 国民座右銘 (название на русском языке – «Девизы³ ниппонского народа»). В указанное издание вошли изречения японских и китайских философов, политиков, писателей и поэтов. Согласно вступительной статье к указанному сборнику, его основной целью являлось воодушевление народа Японии в дни войны. Кроме того, указывалось, что «Патриотическая ассоциация ниппонских (японских – Ю.П., Н.П., Д.Р., Ю.Б.) литераторов (日本文学報国会), внося свою лепту в дело духовного единения всего народа, выбрала из обширного литературного наследия от предшествующих поколений 366 изречений, по одному на каждый день этого года» [Девизы 1944, с. III].

Издатели ориентировались не только на японоязычную аудиторию, но и на русских, проживавших в Восточной Азии: «Нельзя представить более удачной вещи (публикации сборника национальных девизов – Ю.П., Н.П., Д.Р., Ю.Б.) во всеобщей нужде, и мы надеемся, что каждый русский, изучающий Японию и японский язык, найдёт в этом достойный материал для проработки и согласится с нами, что “Кокумин дзаямэй” даёт ключ к разумению души и сердца японского народа» [Девизы 1944, с. III].

² С датировкой возникла небольшая путаница. Как следует из вступительной статьи, издание было опубликовано в 19 г. эпохи Сёва, то есть в 1944 г. Однако в выходных данных сказано, что брошюра издана 27 февраля 12-го года Кан-Дэ. В 1934–1945 гг. император Маньчжоу-Го был последний китайский император из маньчжурской династии Цин Пу И, девиз правления которого был Кан-Дэ 康德 (яп. *котоку* – «Мир и добродетель»). 12-й год эпохи Кан-Дэ соответствует 1945 г.

³ Следует, очевидно, пояснить, что слово 座右銘 *дзаямэй* можно перевести на русский язык как «девиз» достаточно условно. Практически весь перевод сборника на русский язык малопрофессионален. С точки зрения норм русского языка и содержания сборника, в данном случае больше подходит слово «афоризм».

На сегодняшний день сборник девизов успел стать библиографической редкостью. Между тем, он представляет несомненный научный интерес с точки зрения анализа прошлого Японии. Особого внимания сборник японских национальных девизов заслуживает с позиций изучения истории идеологии Японской империи и японского национализма как совокупности исторически сложившихся мировоззренческих установок. На протяжении первой половины XX столетия, вплоть до завершения Второй мировой войны, крайние формы национализма и идеи превосходства японской нации над другими народами Восточной Азии являлись неотъемлемой частью государственной идеологии Страны восходящего солнца. Идея превосходства японцев над другими народами вышла на первый план на рубеже XIX–XX вв. В дальнейшем, в 1930-е гг., понятие национального превосходства превратилось в концепцию «особой миссии Японии» как освободителя народов Азии от западного империализма и колониализма и создания «Великой Азии» под гегемонией Японии [Малова 1996, с. 110]. При этом Япония заявляла «... о своей непревзойдённой духовности, а это означало, что люди на Западе души не имеют» [Мещеряков 2020, с. 176].

В определённой степени сегодня можно говорить о ренессансе национализма в Японии, где не только пересматриваются учебники по истории, но и раздаются призывы к пересмотру «пацифистской» конституции 1947 г. В этом смысле обращение к японской идеологии времен Второй мировой войны, анализ концептуального содержания японских национальных девизов рассматриваемого периода имеет важное значение для формирования целостного и объективного понимания мировоззренческих установок, составляющих основу японского националистического дискурса.

Цели статьи – проанализировать девизы и изречения, вошедшие в сборник «Кокумин дзаяомэй», предложить классификацию девизов исходя из их семантической и концептуальной наполненности, проанализировать, следует ли рассматривать японские национальные девизы в качестве идеологического оправдания японской агрессии в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также показать, насколько «Девизы японского народа» способствуют пониманию менталитета японцев и их этнопсихологических особенностей.

В общем смысле понятие «девиз» можно охарактеризовать как краткое изречение, содержащее в себе философскую или поучительную идею или афоризм. «Конститутивными признаками жанра девиза являются универсальность и наличие какой-либо ценности, руководящей идеи деятельности или поведения» [Барышников 2009, с. 56]. На первый взгляд, нельзя ставить знак равенства между девизами и лозунгами с одной стороны, и философскими изречениями и афоризмами – с другой. Первые выполняют, главным образом, пропагандистско-мобилизующую функцию, тогда как изречения и афоризмы представляют собой оригинальные и выразительные идеи, записанные в лаконичной текстовой форме. В то же время философские изречения и афоризмы могут выступать в качестве составной части идеологического или агитационного дискурса. Инструментарий девизов, лозунгов, философских изречений и афоризмов может использоваться в качестве достаточно эффективного средства управления общественным сознанием. Например, он может применяться для купирования существующих проблем в политике и экономике с целью духовной мобилизации населения и формирования у него чувства национальной общности.

Умелое владение языковыми средствами позволяет выводить на первый план необходимую информацию, и тем самым воздействовать на целевую аудиторию. В

частности, А.Р. Рюкова и Е.А. Филимонова в качестве стилистических приёмов воздействия на целевую аудиторию и управления ею называют стилистические персуазивные средства: использование метафорических моделей, антитез, «аффективов» (эмоционально-оценочных слов), эвфемизацию, номинализацию (перевод глаголов в абстрактные существительные), диалогизацию. В результате использования вышеперечисленных средств происходит психологическое воздействие на слушателя, построение им «нужной» картины мира. Кроме того, на целевую аудиторию может оказываться суггестивное воздействие, чтобы полностью или частично блокировать её рациональное сознание. В этом случае информация начинает восприниматься на веру, без попыток её критического осмысления [Рюкова, Филимонова 2016, с. 431–432].

На наш взгляд, японские национальные девизы, вошедшие в сборник «Кокумин дзаюмэй», следует рассматривать прежде всего в качестве одного из примеров имплементации персуазивной стратегии его составителей. Указанный подход подтверждается названием сборника, а также целями и задачами, которые преследовали телеграфное агентство «Ниссо» и Патриотическая ассоциация (японских) литераторов, – объединение военных усилий своей страны и «духовное единение всего народа» [Девизы 1944, с. II–III].

Проведённый в ходе исследования анализ 366⁴ девизов позволил выделить их основные типы, а также рассмотреть наиболее часто используемые в них концепты (содержание понятия, смысловое значение имени или знака). Существуют различные классификации девизов. Например, М.С. Барышников называет три типа девизов – политико-идеологические, религиозно-идеологические, историко-традиционные. Указанные три группы подразделяются автором на подгруппы – консолидирующие, демократизирующие, укрепляющие институт религии, обращающиеся к Библии, патриотизирующие, развивающие и т.д. Э.А. Калыкова выделяет четыре основных типа девизов – политико-стратегические, военно-тактические, религиозно-идеологические, историко-традиционные [Калыкова 2015, с. 139].

Принимая за основу и развивая рассмотренные классификации, а также учитывая семантические и лингвокультурные особенности японских национальных девизов, вошедших в рассматриваемый сборник, авторы настоящей статьи классифицировали их по шести группам – государственно-националистические, религиозные, военно-патриотические, изречения китайских мыслителей, девизы, относящиеся к императорам, философские суждения и афоризмы. Предложенная в работе классификация японских национальных девизов не претендует на законченность и универсальность и является попыткой выделить основные типы девизов, исходя из их концептуальной наполненности.

Следует охарактеризовать структуру «словарных статей», в которых представлены рассматриваемые девизы. Вначале идёт текст девиза на японском языке, далее – его транскрипция и перевод на русский язык (таким образом, каждая новая словарная статья начинается с текста девиза на японском языке). Пояснения авторов сборника, относящиеся к тому или иному изречению, приведены в виде цитат со ссылкой на цитируемую страницу.

⁴ В копии брошюры «Кокумин дзаюмэй», оказавшейся в распоряжении авторов, отсутствуют стр. 120–121. Каждая страница книги содержит три девиза. Таким образом, общее число проанализированных девизов составило 360. При написании статьи использовался перевод японских национальных девизов на русский язык, сделанный составителями сборника. Однако в перевод вносились незначительные стилистические правки и дополнения.

После пояснений авторов сборника следует биографическая справка и другие пояснения авторов данной научной статьи. В работе приведено 52 девиза из 360, вошедших в сборник.

Государственно-националистические девизы

К их числу относятся изречения, легитимизирующие уникальность японского государства и духа Ямато, а также провозглашающие Японию и её политические институты примером для других стран:

「大和心し畏くば」 (Яматогокороси касикокуба; «Поскольку величественен дух Ямато...») [Девизы 1944, с. 25–26].

Акадзомэ Эмон, японская поэтесса эпохи Хэйан (956–1041). «Вышеприведенное есть часть её “вака”, в котором говорится, что поскольку величественен дух Ямато, горящий в сердце женщины, она сможет вскормить ребёнка даже с тощей материнской грудью» [Девизы 1944, с. 25–26]. Акадзомэ Эмон является одной из известнейших японских поэтесс. Её литературные произведения представлены в «Сборнике Акадзомэ Эмон». Входит в число «36 бессмертных поэтов Средневековья».

「本是れ神州清潔の民」 (Мото-ва корэ синсю сэйкэцу-но тами; «Я, прежде всего, ничем не замаранный подданный Божественной страны») [Девизы 1944, с. 100].

Томобаяси Мицухира (1813–1864), «Один из самоотверженных героев движения за Реставрацию Мэйдзи» [Девизы 1944, с. 100]. Японский учёный, монархист, государственный деятель. Был арестован и обезглавлен за принадлежность к монархической организации.

「皇国学は我が大和魂を磨くにあり」 (Микуни манаби-ва вага яматодама-о мигаку-ни ари; «Цель науки о нашей Империи состоит в шлифовке духа Ямато») [Девизы 1944, с. 54].

Ёсида Норие (1791–1844), учёный, вассал клана Мито, живший в конце периода Токугава [Девизы 1944, с. 54].

「神勅相違なければ日本は亡びず」 (Синтёку соинакэрэба нихон-ва хоробидзу; «[Япония] не может погибнуть, поскольку Божественное послание от Аматаэрасу Омиками содержит Великую правду» [Девизы 1944, с. 109].

Ёсида Сёин (1830–1859), который «... был духовным лидером лойялистского движения конца Токугавского периода. ... основал частную школу в Мацумото-мура. Среди его учеников были: Такасуги Синсаку, Кидо Такаёси, Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо» [Девизы 1944, с. 14]. Японский политический деятель, философ и педагог. Один из теоретиков реставрации Мэйдзи. Был казнён в возрасте 29 лет после неудачного заговора против Манабэ Акикацу (1804–1884) – одного из сторонников подписания японо-американского договора о сотрудничестве 1858 г.

「皇大御国は大地の最初に成れる国にして世界万国の根本なり」 (Сумэраомикуни-ва дайти-но сайсё-ни нарэру кuni-ни ситэ сэкай банкоку-но компон нари; «Страна Великого государства Божественного монарха была создана первой в мире, и поэтому она есть основа для всех других государств мира») [Девизы 1944, с. 27–28].

Сато Нобухиро (1769–1850), «... выдающийся учёный конца Токугавского периода, один из тех, кто возродил идеологические корни, на которых выросло движение за Реставрацию Мэйдзи» [Девизы 1944, с. 27–28]. Являлся сторонником вестернизации Японии, пытался объединить западную науку с концепциями японской политики и философии. Один

из сторонников расширения японских национальных интересов в Восточной Азии и мирового доминирования Японии.

「凡そ皇国に生れては宜しく吾が宇内に尊き所以を知るべし」 (Оёсо кококу-ни умарэтэ-ва ёросику вага удай-ни таттоки юэн-о сиру бэси; «Все, кто родились в Империи, должны знать, почему наше государство бесподобно во вселенной» [Девизы 1944, с. 79].

Ёсида Сёин (см. выше).

「それわが朝は神国なり、神は心なり、森羅万象一心に出でざるなし」 (Сорэ вага тё-ва синкоку нари ками-ва кокоро нари синрабансё иссин-ни идэдзари наси; «Наше царство – Божественная страна. Божество – это ядро, из которого исходит совокупность всех феноменов и нуменов (сущность вещей, непознаваемая опытом – Ю.П., Н.П., Д.Р., Ю.Б.) вселенной» [Девизы 1944, с. 83].

Тоётоми Хидэёси (1536–1598), который «... завершил великое дело объединения страны, начатое Ода Нобунага с целью прекращения смуты периода Сэнгоку» [Девизы 1944, с. 83]. Происходил из крестьянской семьи. Благодаря своему уму и таланту военного смог продвинуться на самые верхи военной иерархии. К 1590 г. фактически стал единоличным правителем Японии. Автор реформ в аграрной сфере. Составил общепонский земельный кадастр и закрепил земельные владения за обрабатывавшими их крестьянами. Являлся противником деятельности в Японии христианских миссионеров.

「皇国正大の道を過る事なかれ」 (Кококу сэйдай-но мити-о аямару кото накарэ; «Не восприми ошибочно великий путь справедливости Империи») [Девизы 1944, с. 58].

Хирата Ацутанэ (1776–1843), учёный периода Токугава. Один из наиболее известных идеологов синтоизма. Идеи Хирата Ацутанэ во многом способствовали теоретическому обоснованию политики изоляции страны в период Токугава, когда «... Японию часто характеризуют как страну “божественную” (синкоку) – созданную синтоистскими божествами» [Мещеряков 2016, с. 83–84]. Сторонник уникальности Японии, «превосходных качеств земли Японии» [Мещеряков 2016, с. 85], которую он противопоставлял другим «ущербным» государствам.

「大和魂は女も何か劣れるや」 (Яматодамасий-ва онна-мо наника оторэру я; «И чем женщины уступают в духе Ямато?») [Девизы 1944, с. 92].

Камо-но Мабути (1697–1769). «... учёный, знаток древней ниппонской литературы, один из подготовивших почву для возрождения верноподданнической идеологии учёных конца Токугавского периода» [Девизы 1944, с. 10]. Камо-но Мабути является одним из представителей школы кокугаку, последователи которой стремились противопоставить традиционную японскую культуру и историю идеям неоконфуцианства. Будучи членом Общества по изучению «Манъёсю», Камо-но Мабути посвятил свою жизнь исследованию памятников древнеяпонской литературы – «Манъёсю», «Гэндзи моногатари», «Кокинвакасю».

「天地正大の気粹然として神州に鍾る」 (Тэнти сэйдай-но ки суйдзэн тоситэ синсю-ни ацумару; «Дух величия и справедливости вселенной по своей сущности концентрируется в нашей Божественной стране») [Девизы 1944, с. 111].

Фудзита Токо (1806–1855), японский учёный. Происходил из самурайского сословия. Был одним из вдохновителей антисёгунского движения, восстановившего в стране власть императора.

Религиозные девизы

Их основная цель – укрепление института религии, поддержание традиционного для Японии культа предков, напоминание о «божественном» происхождении Японии и японцев:

「大日本は神国なり」 (Дай ниппон-ва ками-но куни нари; «Великая Япония – страна богов») [Девизы 1944, с. 1].

Как следует из комментария составителей брошюры к данному изречению, Япония – страна божественного происхождения, поскольку богиня Аматаэрасу Омиками послала своего внука править японским народом и тем самым положила начало вечной линии императорской фамилии, составляющее единое и неделимое целое со своим подданным народом – Японией. «Эта истина, живущая в сердце каждого верноподданного Тэнно (императора Японии – Ю.П., Н.П., Д.Р., Ю.Б.), выражена в вышеприведённой форме впервые в книге “Дзинно Сётоки”, написанной Китабатакэ Тикафуса (1292–1354), выдающимся историком, разъяснившим этой книгой великие основы государственной политики Ниппон» [Девизы 1944, с. 1].

「天地の始は今日を始とす」 (Амэцуги-но хадзимэ-ва кё-о хадзимэ тосу; «Считай сегодня началом неба и земли») [Девизы 1944, с. 2].

Китабатакэ Тикафуса (см. выше).

Приведённое изречение взято составителями «Девизов» из исторического трактата «Дзинно Сётоки» 神皇正統記 («История правильной преемственности божественных императоров»). Идея данного высказывания является примером проявления «истинной японской идеологии». Речь идёт о том, что течение времени не есть «... нудное перебирание чётков многих тысяч лет повторного существования. Каждый день есть преддверие в будущее и каждое сегодня мы кладем в основу нашей жизни завтра» [Девизы 1944, с. 2].

「神の御めぐみ疑ひ思召すべからず候」 (Ками-но онмэгуми утагаи обосимэсу бэкарадзу соро; «Не усомнись в Божественной милости») [Девизы 1944, с. 18].

Сайгё (1118–1189), поэт, годы жизни которого пришлись на рубеж периодов Хэйан и Камакура. Выходец из аристократической семьи. Отец Сайгё принадлежал к северной ветви клана Фудзивара, а мать происходила из рода Минамото. В возрасте 22 лет подстригся в монахи, после чего много путешествовал по северным районам Японии.

「夫れ祭祀は政教の本づく所、敬神尊祖孝敬の義天下に達す」 (Сорэ сайси-ва сэйкё-но мотодзуку токоро, кэйсин сонсо кокэй-но ги тэнка-ни тассу; «Богослужение является основой правления страной и воспитания народа. С его помощью распространяются в стране принципы покорности богам, почитания предков и любви к родителям») [Девизы 1944, с. 96].

Токугава Нариаки (1800–1860), «... даймё из Мито, известен своей преданностью Императорской Фамилии, несмотря на то что был членом семьи Токугавского сёгуната» [Девизы 1944, с. 51]. Государственный деятель эпохи Эдо. Один из лидеров антисёгунской оппозиции и движения Сонно Дзёи («Да здравствует Император, долой варваров!»). Во время репрессий годов Ансэй был заключён под пожизненный домашний арест.

「神習へ、青人草習ふな」 (Ками нараэ, аохитогуса нарафуна; «Учись у богов. Не учись у презренного люда») [Девизы 1944, с. 96].

Окуни Такамаса (1792–1871), учёный конца периода Эдо. Происходил из самурайского сословия. Представитель школы кокугаку и ученик Хирата Ацутанэ – одного из ревностных сторонников японского нативизма и идеи превосходства синтоизма.

Военно-патриотические девизы

Вошедшие в эту группу высказывания и суждения содержат указание на то, как можно одержать победу над противником, несут в себе идеи воинской доблести, готовности пожертвовать жизнью, а также сплочения перед лицом общего врага. В девизах также нередко прослеживается мысль о том, что война является неотъемлемой частью жизни человека.

「兵の勝敗は人にありて器にあらず」 (Хэй-но сёхай-ва хито-ни аритэ ки-ни арадзу; «Победа и поражение в битве зависят от человека, а не от оружия») [Девизы 1944, с. 4].

Рай Санъё (1780–1832), «... талантливый историк, написавший «Нихон Гайси», откуда приводится данное изречение. Этот труд является также сокровищем ниппонской литературы» [Девизы 1944, с. 4]. Настоящее имя Рай Хисатаро Нобору – учёный-конфуцианец, историк, поэт и художник. Автор труда «Неофициальная истории Японии» (Нихон гайси), оказавшего большое влияние на возникновение движения Сонно Дзёи.

「訓練を実戦と思へ、実戦を訓練と思へ」 (Кунрэн-о дзиссэн-то омоэ, дзиссэн-о кунрэн-то омоэ; «В учении будь как в бою, в бою – будь как на учении») [Девизы 1944, с. 6].

Того Хэйхатиро (1846–1936), «... командующий императорским флотом в Цусимском сражении» [Девизы 1944, с. 6]. Участник гражданской войны Босин сэнсо. Выпускник морского училища в Токио. В течение семи лет учился в Великобритании. С 1903 г. – командующий Объединённым флотом Японии. После Цусимского сражения был назначен начальником Главного морского штаба. После Первой мировой войны вышел в отставку.

「兵の剛なると申すは、最後の死を申すなり」 (Хэй-но го нару-то мосу-ва, сайго-но си-о мосу нари; «Когда говорят о доблести воина, говорят о том, как он положил жизнь») [Девизы 1944, с. 7–8].

Имаи Канэхиро (1152–1184) – военачальник эпохи Хэйан. Приходился Минамото-но Ёсинака молочным братом. Этими словами Имаи Канэхиро обратился к своему даймё – Минамото-но Ёсинака, когда его войско было разбито в ходе сражения 1184 г. После гибели Минамото-но Ёсинака Имаи Канэхиро покончил с собой [Девизы 1944, с. 7–8].

「卒伍として起たん」 (Соцуго тоситэ татан; «Я встану в ряды солдат...») [Девизы 1944, с. 16].

Эти слова были сказаны Ито Хиробуми после заседания Верховного тайного совета 3 февраля 1904 г., когда было решено объявить войну России. «Ито, бывший в то время председателем Верховного Тайного совета, сказал: “Если Россия вторгнется в нашу страну, я стану рядовым, и моя жена будет варить солдатам рис”» [Девизы 1944, с. 16]. Ито Хиробуми (1841–1909) – японский политический деятель. Происходил из крестьян. Был усыновлен самурайской семьёй Ито. За годы политической деятельности занимал пост премьер-министра, генерал-резидента Кореи, а также председателя Тайного совета. Автор проекта японской Конституции 1889 г.

「武士道といふは死ぬ事と見付けたり」 (Бусидо-то ифу-ва сину кото-то мицукэтари; «Смысл Бусидо в лицемерии смерти») [Девизы 1944, с. 16–17].

Ямамото Цунэтомо (1659–1719), самурай клана Сага. Был учеником Исида Иттэй в конфуцианской доктрине и священнослужителем Таннэн в буддийском учении. После смерти своего даймё Набэсима Мицусигэ отошёл от мирских дел, сделавшись буддийским монахом [Девизы 1944, с. 16–17].

「人退くとも退かず、人進めば我いよいよ進む」 (Хито сиридзоку томо сиридзокадзу, хито сусумэба варэ иёиё сусуму; «Другие отступают, я не отступаю. Другие идут вперед, я иду ещё дальше») [Девизы 1944, с. 13, 18].

Такуан (Сохо) (1573–1645) – дзэнский монах, поэт, каллиграф, художник. Первый настоятель буддийского храма Токайдзи. Оказал заметное влияние на формирование и становление идеологии Бусидо [Девизы 1944, с. 13, 18].

「常に戦場に在り」 (Цунэ-ни сэндзё-ни ари; «Всегда на поле брани») [Девизы 1944, с. 3].

Макино Нарисада (1525–1566), приходился дедом Макино Таданори – основателю клана Нагаока провинции Этиго. Указанный девиз переходил из поколения в поколение в клане Нагаока и оказал существенное влияние на адмирала Ямамото Исороку, который родился в провинции Этиго [Девизы 1944, с. 3].

「刀剣短くば一步を進めて長くすべし」 (Токэн мидзикакуба иппо-о сусумэтэ нагаку субэси; «Если лезвие меча коротко, удлини меч одним шагом вперед») [Девизы 1944, с. 33].

Ягю Мунэнори (1571–1646), мастер кэндо, учитель Токугава Иэмицу.

「総員死方用意」 (Соин си-ни ката ёй; «Вся команда, изготовься умирать») [Девизы 1944, с. 33].

Номура Тадаси (1845–1899), адмирал флота, родственник адмирала Ямамото Исороку и близкий друг адмирала Того Хэйхатиро. Сказанные слова воодушевили подчинённых Номура Тадаси, и корабль под его командой благополучно справился с непростой ситуацией, возникшей во время сильного тайфуна [Девизы 1944, с. 33].

「生を必する者は死し、死を必する者は生く」 (Сэй-о хиссуру моно-ва си си, си-о хиссуру моно-ва ику; «Жажущий жизни умрёт, жаждущий смерти будет жить») [Девизы 1944, с. 28].

Уэсуги Кэнсин (1530–1578), даймё провинции Этиго. Во время соляного голода послал соль из собственных запасов своему врагу Такэда Сингэн, добавив при этом, что он воюет не солью, а мечом [Девизы 1944, с. 28].

「吾恐るところは敵にあらずして我に有り」 (Вага осоруру токоро-ва тэки-ни арадзу сите варэ-ни ари; «То, чего я боюсь, находится не у врага, находится у нас») [Девизы 1944, с. 34].

Хирано Куниоми (1828–1864), активный участник движения за Реставрацию Мэйдзи. После неудачного сражения с силами сёгуната был взят в плен и казнён в Киото. Под этими словами Хирано Куниоми подразумевал, что разногласия среди своего окружения страшнее самого врага [Девизы 1944, с. 34].

「細心の餘り畏縮せざらん事を戒めたり」 (Сайсин-но амари исюку сэдзаран кото-о имасимэтари; «Я наставлял так, чтобы излишняя мелочная предосторожность не породила трусости») [Девизы 1944, с. 40–41].

Сакума Цутому (1879–1910), командир одной из первых субмарин ВМС Японии, трагически погибший 15 апреля 1910 г. Когда подводная лодка была поднята на поверхность, все члены команды, несмотря на медленную смерть от удушья, были найдены на своих

местах. Перед Сакума Цутому лежали его записи, которые он продолжал вести до последней минуты жизни. В записях приведены причины аварии и описано, как каждый член экипажа выполнил свой долг [Девизы 1944, с. 40–41].

「勅を奉じて死す、死すとも猶ほ生けるがごとし」 (Тёку-о ходзитэ сису, сису томо нао икэру-га готоси; «Умереть, выполняя Высочайшее Повеление, – это, умерев, всё ещё жить») [Девизы 1944, с. 46].

Ёсида Сёин (см. выше).

「隣国の来り犯す時苟にも遲疑する勿れ」 (Рингоку-но китари окасу токи карисомэ-нимо тиги суру накарэ: «И в призраке не должно быть колебания тогда, когда соседняя страна придёт с войной») [Девизы 1944, с. 82].

Ода Нобунага (1534–1582), военно-политический деятель и реформатор эпохи сэнгоку («воюющие провинции»), один из объединителей Японии.

Изречения китайских мыслителей

Высказывания китайских философов и военных деятелей о человеческой жизни, истине, общечеловеческих ценностях. Приводятся в переводе на японский язык. Философские концепции Срединного государства сыграли определённую роль при составлении сборника национальных девизов, однако они представлены в нём не столь широко, как высказывания японских философов, писателей и государственных деятелей.

「彼を知り己を知れば百戦殆からず」 (Карэ-о сири онорэ-о сирэба хякусэн аяукарадзу; «Знать врага и знать себя – значит быть непобедимым во всех битвах») [Девизы 1944, с. 9].

Сунь-цзы (544–496 до н.э.), китайский стратег и мыслитель, автор трактата «Искусство войны».

「日に新に日目に新に又日に新ならん」 (Хи-ни аратани хиби-ни аратани мата хи-ни арата наран; «Каждый день обновлённой душой, изо дня в день обновленной душой и ещё день мы встретим обновлённой душой») [Девизы 1944, с. 12].

Да Сюэ (яп. Дайгаку) – одна из книг конфуцианского Четверокнижия (V–III вв. до н.э.). Цитируемый текст был выгравирован (на китайском языке – Ю.П., Н.П., Д.Р., Ю.Б.) на умывальнике одного из китайских императоров [Девизы 1944, с. 12].

「朝に道を聞けば夕に死すとも可なり」 (Асита-ни мити-о кикэба юбэ-ни сису томо канари; «Если я утром услышу истину, я буду готов умереть вечером») [Девизы 1944, с. 14–15].

Конфуций (551–479 до н.э.). Эти слова были записаны в Лунь Юй – китайском литературном памятнике, являющемся частью конфуцианского Четверокнижия [Девизы 1944, с. 14–15].

「一夫耕さざれば、天下その飢を受け、一婦織らざれば、天下その寒を受く」 (Иппу тагаясадзарэба, тэнка соно уэ-о укэ, иппу орадзарэба, тэнка соно кан-о уку; «Один мужчина не пашет – настолько же более мир чувствует голод; одна женщина не ткёт – настолько же более мир чувствует холод») [Девизы 1944, с. 8].

Ван-фу, китайский философ-конфуцианец периода Хань (25–220).

「君子の徳は風なり、小人の徳は草なり。草之に風を尚ふれば必ず偃す」 (Кунси-но току-ва кадзэ нари, сёнин-но току-ва куса нари куса корэ-ни кадзэ-о кувафурэба канарадзу

фусу; «Добродетель великого человека – это ветер. Добродетель маленького человека – это трава. Трава всегда пригибается, когда дует ветер») [Девизы 1944, с. 20].

Конфуций.

「行路の難きこと水にあらず山にあらず、只人情反覆の間にあり」 (Коро-но катаки кото мидзу-ни арадзу яма-ни арадзу, тада ниндзё хампуку-но кан-ни ари; «Трудности жизненного пути не в горных перевалах, не в речных потоках, а в изменчивости человеческого чувства») [Девизы 1944, с. 34].

Бо Лэтянь (772–846), китайский поэт династии Тан.

「自ら返みて縮くんば千万人と雖も吾れ往かん」 (Мидзукара каэримитэ наокумба сэнманнин-то издомо варэ юкан; «Если я, сам рассудив, найду правду, то я пойду за неё и против десяти миллионов людей») [Девизы 1944, с. 50].

Мэн-цзы (372–289 до н.э.), китайский философ. Один из представителей традиций конфуцианства.

「之を思ひ之を思ふて得ざれば鬼神之を教ふ」 (Корэ-о омохи корэ-о омофутэ эдзарэба кисин корэ-о осифу; «Божество научит тому, что человек не может понять собственными силами») [Девизы 1944, с. 68].

Гуань Чжун (720–645 до н.э.), китайский политический деятель периода Чуньцю, основоположник легизма.

「盡く書を信ずれば書無きに如かず」 (Котоготоку сё-о синдзурэба сё наки-ни сикадзу) «Верить всему, что написано в книгах, хуже, чем не иметь никаких книг») [Девизы 1944, с. 91].

Мэн-цзы.

Девизы, относящиеся к императорам

Изречения и высказывания, ставящие своей целью прославление и сакрализацию института императорской власти в Японии.

「世を安んじ、国を案んずるを、忠となし孝となす」 (Ё-о ясундзи, куни-о ясундзуру-о, тю-то наси ко-то насу; «Стремиться к спокойствию людей и к спокойствию страны составляет цель выполнения долга верности Государю и почитания своих предков») [Девизы 1944, с. 45].

Нитирэн (1222–1282), буддийский монах, основавший школу Нитирэн-сю.

「万古天皇を仰ぐ」 (Банко тэнно-о аогу; «Во все века чтить Императора») [Девизы 1944, с. 45].

Фудзита Токо (см. выше).

「七生まで唯同じ人間に生れて、朝敵を滅さん」 (Ситисё-мадэ тада онадзи нингэн-ни умарэтэ, тётэки-о хоробосан; «Чтобы побивать врагов Императора, я хотел бы родиться одним и тем же человеком и семь раз») [Девизы 1944, с. 55].

Кусуноки Масасуэ (?–1336) – младший брат Кусунокэ Масасигэ (1294–1336) – политического деятеля эпохи Намбокутё. Эти слова были сказаны перед тем, как оба брата покончили с собой после битвы при Минатогава [Девизы 1944, с. 55].

「一には皇神の道義を明らめ一には言霊の風雅を慕へ」 (Ицу-нива субэгами-но доги-о акирамэ ицу-нива котодама-но фуга-о ситаэ; «Первое – объясняй нравственные

принципы, преподанные Божествами – Предками Монарха. Второе – стремись к изяществу слова, духа, языка Ниппон») [Девизы 1944, с. 84].

Камоти Масадзуми (1791–1858), создатель классического комментария «Манъёсю-коги», «... один из учёных-лоялистов Токугавского периода, воскресивших дух древней культуры Ниппон и тем подготовивших идеологически великое движение за Реставрацию Мэйдзи» [Девизы 1944, с. 84].

「凡そ王土にはらまれて忠をいたし命をすつるは人臣の道なり」 (Оёсо одо-ни харамарэтэ тю-о итаси иноти-о суцуру-ва дзинсин-но мити нари; «В верности и в смерти во имя Монарха – путь верноподданничества для всех, родившихся в стране Монарха») [Девизы 1944, с. 101].

Китабатакэ Тикафуса (см. выше).

「朝夕に長田狭田の稲のたねをくふも皇恩なり」 (Асита юбэ-ни нагата сата-но инэ-но танэ-о куфу-мо коон нари; «То, что ты утром и вечером ешь рис, собранный с полей, также есть милость Монарха») [Девизы 1944, с. 118].

Китабатакэ Тикафуса (см. выше).

Философские суждения и афоризмы

Так называемая общефилософская категория, в которую входят высказывания, отражающие сущность отдельных понятий и вещей, отношение к жизни и смерти, а также изречения, представляющие собой квинтэссенцию взглядов и суждений определенного человека.

「朝夕の食事はうまからずとも褒めて食ふべし」 (Асаю-но сёкудзи-ва умакарадзутото хомэтэ куу бэси; «Нужно есть утром и вечером, расхваливая пищу, даже если она невкусна») [Девизы 1944, с. 4].

Датэ Масамунэ (1565–1636), представитель самурайского сословия, годы жизни которого пришлись на период Адзути-Момояма и начало периода Эдо. Известен как основатель г. Сэндай и покровитель христианства. Был сторонником простого образа жизни.

「不惜身命なり、但惜身命なり」 (Фусяку синмё нари, тандзяку синмё нари; «Ничего не стоящая жизнь, но дорогая жизнь». Второй вариант перевода оригинала: «Ничего не стоит пожертвовать жизнью, но она дорога тем, что ею можно пожертвовать») [Девизы 1944, с. 5–6].

Догэн (1200–1253), основоположник доктрины Сото японского буддизма, своей оригинальностью мышления резко выделяется из всей группы японских толкователей буддизма периода Камакура – эпохи расцвета буддизма в Японии [Девизы 1944, с. 5–6].

「何しに劣るべきと思ひて一度打向へば最早其の道に入りたるなり」 (Нани си-ни отору бэки-то омохитэ хитотаби ути мукаэба мохая соно мити-ни ирита-ру нари; «Если один раз ты противопоставишь себя своему противнику с убеждением, что ты не должен быть побитым, то ты уже стоишь на пути к овладению мастерством») [Девизы 1944, с. 8].

Исида Иттэй (1649–1693).

「する事のかたきにあらず、よくする事のかたきなり」 (Суру кото-но катаки-ни арадзу, ёку суру кото-но катаки нари; «Нетрудно делать, трудно делать хорошо») [Девизы 1944, с. 6].

Дзиккинсё («Сборник нравоучений в десяти разделах», 1252 г.).

「凡そ思慮は、平生黙坐静思の際に於てすべし」 (Оёсо сирё-ва, хэйдзэй мокудза сэйси-но сай-ни ойтэ субэси; «Размышлять нужно лишь в минуты молчаливого спокойствия») [Девизы 1944, с. 11].

Сайго Такаори (1827–1877), один из лидеров Реставрации Мэйдзи. По словам составителей сборника, «... исключительно выдающаяся личность, оставившая огромный след в истории» современной Японии [Девизы 1944, с. 11].

「古に稽へて今を照らす」 (Инисизэ-ни кангаэтэ има-о тэрасу; «Устремли мысленный взор в глубину прошедших веков и просвещай современный мир») [Девизы 1944, с. 10–11].

О-но Ясумаро (?–723). Изречение взято из предисловия к «Кодзики» – одного из первых памятников литературы древней Японии, труд по составлению которого был закончен О-но Ясумаро в 712 г. [Девизы 1944, с. 10–11].

「勉強忍耐は才力智徳の種子なり」 (Бэнкё нинтай-ва сайрёку титоку-но сюси нари; «Усердие и упорство суть семена, из которых вырастают сила ума, знание и добродетель») [Девизы 1944, с. 65].

Ноги Марэсукэ (1849–1912) в годы русско-японской войны был главнокомандующим Третьей армией, сформированной для осады Порт-Артура. После смерти императора Мэйдзи совершил сэппуку вместе с женой.

「難にあふとも、難を避けて身をのがるべからず」 (Нан-ни афу томо, нан-о сакэтэ ми-о ногару бэкарадзу; «Попав в затруднение, не спасай себя избеганием его») [Девизы 1944, с. 87].

Кайбара Экиэн (1630–1714), врач и философ, оказавший своей научной деятельностью заметное влияние на рецепцию конфуцианства в Японии.

Таблица 1. Список авторов изречений / источников (Имя – годы жизни / год издания – количество изречений)

Аидзава Сэйсисай (1782–1863) – 2	Наканэ Тори (1694–1765) – 3
Акадзмомэ Эмон (956–1041) – 1	Накаэ Тодзю (1608–1648) – 3
Араи Хакуга (1715–1792) – 1	Нарусэ Дзиндзо (1858–1919) – 2
Асака Гонсай (1791–1860) – 1	Нарутоми Хёго (1630–1704) – 1
Асака Тампаку (1656–1738) – 1	Нацумэ Сосэки (1867–1916) – 3
Байчжан Хуайхай (720–814) – 1	Ниномия Сонтоку (1787–1856) – 10
Бань Чао (32–102) – 1	Нисикава Дзёкэн (1648–1724) – 1
Би янь лу / Хэкиганроку (1300 г. – ?) – 1	Нитирэн (1222–1282) – 6
Бито Дзисю (1745–1814) – 1	Нитта Ёсисада (1301–1338) – 1
Бо Лэтянь (772–846) – 1	Нихон сёки (720) – 2
Ван Синмин (1071–1110) – 1	Ноги Марэсукэ (1849–1912) – 3
Ван Фу (?–179) – 1	Номура Тадаси (1845–1899) – 1
Ван Янмин (1472–1529) – 1	О-но Ясумаро (?–723) – 1
Вэй Чжэн (580–643) – 1	Ода Нобунага (1534–1582) – 2
Гань Мао (?–?) – 1	Оиси Ёсио (1659–1703) – 1
Гонда Наосукэ (1809–1887) – 1	Оиси Ёсио (1659–1703) – 1
Гуань Чжун (720–645 до н.э.) – 1	Окакура Какудзо (1863–1913) – 1
Гэнсин (942–1017) – 1	Окуни Такамаса (1793–1871) – 2
Гэнсэй (1623–1668) – 4	Рай Санъё (1780–1832) – 2
Да Сюэ (V–III вв. до н.э.) – 1	Рютацу (1527–1611) – 1

Дадзаи Сундаи (1680–1747) – 3	Саваянаги Масатаро (1865–1927) – 1
Дайдодзи Юдзан (1639–1730) – 1	Сайгё (1118–1190) – 2
Датэ Масамунэ (1567–1636) – 2	Сайго Такамори (1828–1877) – 2
Дзикинсё (1252) – 2	Сайтё (767–822) – 4
Дзицугокё (Ранний Хэйан) – 1	Сайто Санэмори (1111–1183) – 1
Дзиэн (1155–1225) – 1	Сакума Сёдзан (1811–1864) – 5
Дзэами Мотокиё (1363–1443) – 4	Сакума Цутому (1879–1910) – 1
Догэн (1200–1253) – 6	Сакура Адзумао (1811–1860) – 1
Ёкои Сёнан (1809–1869) – 2	Санка тётюка (Эпоха Эдо) – 1
Ёсида Кэнко (1283–1350) – 6	Сато Иссаи (1772–1859) – 4
Ёсида Норие (1791–1844) – 1	Сато Нобухира (1769–1850) – 1
Ёсида Сёин (1830–1859) – 8	Сато Нобухиро (1769–1850) – 1
И цзин (ок. 700 до н.э.) – 1	Сёку нихонги (797) – 1
Идзава Банрю (1668–1730) – 1	Сиба Ёсимаса (1350–1410) – 2
Имаи Канэхира (1152–1184) – 1	Симадзу Нариакира (1809–1858) – 1
Иноуэ Энрё (1858–1919) – 1	Синран (1173–1263) – 1
Исида Байган (1685–1744) – 1	Сога моногатари (1546) – 2
Исида Иттэй (1649–1693) – 1	Соги (1421–1502) – 3
Исикава Рикиносукэ (1844–1914) – 2	Су Ши (Су Дунпо) (1037–1101) – 1
Ито Дзинсаи (1627–1705) – 2	Су-Лао-Цюань (1009–1066) – 1
Ито Тогай (1672–1738) – 2	Сугавара Митидзанэ (845–903) – 1
Ито Хиробуми (1841–1909) – 1	Сугимото Горо (1900–1937) – 1
Ихара Сайкаку (1642–1693) – 1	Сугиура Дзюго (1855–1924) – 2
Каваи Цугуносукэ (1827–1868) – 1	Судзуки Сёсан (1579–1655) – 1
Кагами Сико (1665–1731) – 1	Сун Хун (?–40) – 1
Кайбара Экиэн (1630–1714) – 5	Сунь-цзы (544–496 до н.э.) – 2
Какиномото но Хитомаро (662–710) – 1	Сэй Сёнагон (966–1025) – 1
Камидзима Оницура (1661–1738) – 2	Сэн-но Рикю (1522–1591) – 1
Камо-но Тёмэй (1154–1216) – 1	Сюнь-цзы (313–238 до н.э.) – 2
Камо-но Мабути (1697–1769) – 3	Сюэ Цзин Сюань (1389–1464) – 3
Камоти Масадзumi (1791–1858) – 1	Такаяма Содзэй (?–1455) – 1
Кано Морохира (1806–1857) – 1	Такаяма Тёгю (1871–1902) – 1
Касуга Сэнан (1811–1878) – 2	Такуан (1573–1645) – 6
Като Киёмаса (1561–1611) – 1	Такэда Сингэн (1521–1573) – 1
Кацу Кайсю (1823–1899) – 2	Такэути Сикибу (1712–1768) – 1
Кёдзава Манси (1863–1903) – 6	Татибана Акэми (1812–1868) – 1
Ки-но Цураюки (866–945) – 1	Того Масуко (1812–1901) – 1
Кидо Такаёси (1833–1777) – 1	Того Хэйхатио (1848–1934) – 5
Китабатакэ Тикафуса (1293–1354) – 4	Тоётоми Хидэёси (1536–1598) – 1
Кобаякава Такакагэ (1533–1597) – 1	Токугава Мицукуни (1628–1701) – 2
Кобаяси Исса (1763–1828) – 1	Токугава Нариаки (1800–1860) – 2
Кобэн (Мёэ) (1173–1232) – 1	Томобаяси Мицухира (1813–1864) – 1
Кого Сюи (794–1185) – 1	Тэрада Торахико (1878–1935) – 1
Кодзики (713 г.) – 2	Уэда Акинари (1734–1809) – 2
Кодокан гакусюку (1838 г.) – 1	Уэда Бин (1874–1916) – 1
Конфуций (551–479 до н.э.) – 8	Уэсуги Кэнсин (1530–1578) – 1
Кукай (774–835) – 4	Фудзита Токо (1806–1855) – 3
Кумадзава Бандзан (1619–1691) – 2	Фукуда Гёкай (1809/1806–1888) – 1
Куроода Ёситака (1546–1604) – 2	Хакуин Экаку (1686–1769) – 1
Куродзumi Мунэтада (1780–1850) – 2	Хасимото Санаи (1834–1859) – 1

Кусака Гэндзуй (1840–1864) – 1	Хигути Итиё (1872–1896) – 1
Кусуноки Масасигэ (1294–1336) – 2	Хирано Куниоми (1828–1864) – 1
Кусуноки Масасуэ (?–1336) – 1	Хирата Ацутанэ (1776–1843) – 2
Кэфукигуса (1645 г.) – 1	Хираяма Хэйгэн (1759–1828) – 2
Лао-цзы (604 г. до н.э.–V в. до н.э.) – 1	Ходзё Сигэтоки (1198–1261) – 1
Маки Идзуми (1813–1864) – 3	Хоккугё / Дхаммапада (III в. до н.э.) – 2
Макино Нарисада (1525–1566) – 1	Хонэн (1133–1212) – 2
Манасэ Досан (1507–1594) – 1	Цзо-чжуань (IV в. до н.э.) – 1
Масаока Сики (1867–1902) – 1	Цзы-Ся (507–420 до н.э.) – 1
Мацудайра Саданобу (1759–1829) – 1	Чжу Си (1130–1200) – 1
Мацуо Басё (1644–1694) – 9	Чжуан-цзы (369–286 до н.э.) – 1
Мёдзэн (1167–1242) – 1	Чжун Юн (V в. до н.э.) – 1
Миёси Киёцура (847–918) – 1	Чэн Мин-дао (1032–1085) – 1
Миура Байэн (1723–1789) – 1	Ши Тяньцзи (1695–?) – 3
Миямото Мусаси (1584–1645) – 4	Ши цзи (между 109 и 91 до н. э.) – 2
Мори Огай (1862–1922) – 2	Ши цзин (XI–VII вв. до н.э.) – 1
Морикава Кёроку (1656–1715) – 1	Шу цзин (?) – 1
Мотоори Норинага (1730–1801) – 4	Энгисики норито (967) – 2
Мотоори Эсё (?) – 1	Юймагё гисё (610-е гг.) – 1
Мураока Нобунага (1654–1729) – 1	Ягю Мунэнори (1571–1646) – 2
Мурасаки Сикибу (970–1016) – 1	Ямага Соко (1622–1685) – 6
Мурата Дзюко (1422–1502) – 1	Ямагути Содо (1642–1716) – 1
Муро Кюсо (1658–1734) – 1	Ямадзаки Ясуё (1891–1943) – 1
Мусо Сосэки (1275–1351) – 2	Ямамото Исороку (1884–1943) – 1
Мэното-но соси (?) – 1	Ямамото Цунэтомо (1659–1719) – 4
Мэнцзы (372–289 до н.э.) – 4	Яманака Юкимори (1545–1578) – 1
Набэсима Наосигэ (1538–1618) – 1	Ямаока Тэссью (1836–1888) – 2
Накабаяси Наримаса (1776–1853) – 1	Яматохимэ-но-Микото (?–?) – 1
Накадзава Дони (1725–1803) – 1	

В сборник девизов японского народа вошли изречения 197 авторов и цитат из источников. Наибольшее количество цитат (более трёх) приходится на Гэнсэй (4), Дзэми Мотокиё (4), Китабатакэ Тикафуса (4), Кукай (4), Миямото Мусаси (4), Мотоори Норинага (4), Мэн-цзы (4), Сайтё (4), Сато Иссаи (4), Ямамото Цунэтомо (4), Кайбара Экиэн (5), Того Хэйхатио (5), Сакума Сёдзан (5), Догэн (6), Ёсида Кэнко (6), Кёдзава Манси (6), Нитирэн (6), Такуан (6), Ямага Соко (6), Конфуция (8), Ёсида Сёин (8), Мацуо Басё (9), Ниномия Сонтоку (10). Таким образом, в годы Второй мировой войны официальная идеология Японии ориентировалась, главным образом, на высказывания японских религиозных деятелей, философов, деятелей науки и культуры, политиков и военачальников, а также на конфуцианское учение. Хронологически эти высказывания охватывают время от VI в. до н.э. до начала XX столетия.

Следует также остановиться на авторах и источниках девизов, которые цитируются в рассматриваемом сборнике на национальные праздники Маньчжоу-Го – Новый год, День рождения императора, День основания Маньчжоу-Го, День молений об урожае, День богини-прародительницы Аматерасу Омиками. Эти данные приведены в табл. 2.

Таблица 2. Национальные праздники Маньчжоу-Го и девизы

Национальный праздник	Девиз	Автор
1 января – Новый год	「大日本は神国なり」 (Дай ниппон ва ками но куни нари; «Великая Япония – страна богов»)	Китабатакэ Тикафуса (1292–1354)
7 февраля – День рождения императора	「朝に道を聞けば夕に死すとも可なり」 (Асита ни мити о кикэба юбэ ни сису томо канари; «Если я утром услышу истину, я буду готов умереть вечером»)	Конфуций (551–479 до н.э.)
1 марта – День основания Маньчжоу-Го	「誠は天の道なり、之を誠にするは人の道なり」 (Макото ва тэн но мити нари, корэ о макото ни суру ва хито но мити нари; «Правда – это путь небес. Быть правдивым – это путь человека»)	Чжун Юн (V в. до н.э.)
20 апреля – День молений об урожае	「撃つべきの機は、その間に髪を容れず」 (Уцу бэки но ки ва, соно кан ни хацу о ирэдзу; «Момент, когда нужно ударить, не удлинить и на толщину волоска»)	Рай Санъё (1780–1832)
15 июля – День богини-прародительницы Аматерасу Омиками	「施して報を願はず受けて恩を忘れず」 (Ходокоситэ хо о нэгавадзу укэтэ он о васурэдзу; «Давая, не проси воздаяния. Получая, не забывай благодарности»)	Наканэ Тори (1694–1765)

Таким образом, национальные праздники Маньчжоу-Го представлены в сборнике изречениями японских и китайских мыслителей, государственных деятелей, учёных.

Заключение

Выход в свет сборника японских национальных девизов пришёлся на завершающий этап Второй мировой войны. Для Японии это было особенно непростым временем. Ещё в июне 1942 г. в ходе сражения у атолла Мидуэй Объединённый флот Японии понёс серьёзные потери, лишившись четырёх авианосцев, одного тяжёлого крейсера, 248 самолетов [Сидорчик 2019] и хорошо подготовленных военных летчиков. Тем самым на Тихоокеанском театре военных действий у Японской империи резко уменьшились возможности проводить стратегические наступательные операции [История Японии 1998, с. 410]. Сражение у атолла Мидуэй стало поворотным моментом в войне, после которого Япония утратила инициативу в проведении военных операций и была вынуждена перейти, главным образом, к действиям оборонительного характера.

Одновременно с ухудшением позиций Японской империи на Тихоокеанском театре военных действий происходили изменения в политике Токио по отношению к оккупированным территориям. В ходе первого этапа войны на Тихом океане (1941–1943) управление перешедшими под контроль Японии колониями США, Франции и Великобритании (о. Гуам, Французский Индокитай, Британская Индия, Соломоновы острова и т.д.) по сути носило

колониальный характер. Оккупированные территории и государственные формирования полностью контролировались Токио и не имели какой-либо самостоятельности во внутренней и внешней политике.

Однако в дальнейшем, начиная с 1943 г., японские военно-политические круги приходят к выводу о необходимости предоставления формальной «независимости» части оккупированных стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Сторонники данного шага делали ставку на сплочение азиатских народов под эгидой Японии перед лицом общей для всех угрозы – реставрации в Азии западной колониальной системы. Последовавший вскоре «парад независимости» восточноазиатских государств (Бирма, Филиппинская республика, Свободная Индия, Королевство Камбоджа) явился практическим шагом Японии на пути к реализации поставленной цели.

Не будет ошибкой утверждать, что издание сборника девизов японского народа было предпринято в рамках проводимой кампании по «объединению» народов оккупированных Японией территорий под эгидой Японии. В условиях, когда грядущее поражение Страны восходящего солнца и её союзников в войне становилось всё более очевидным фактом, поднятие духа нации и её сплочение перед общим противником стали важными задачами для военно-политических кругов Японии. Определённая ставка делалась и на рост прояпонских настроений среди русскоязычной части эмигрантского населения, в первую очередь, Маньчжурии (всё же сомнительно, чтобы книга, изданная небольшим тиражом в 1000 экз., получила бы широкое распространение за пределами Китая) и его духовное единение с японским народом перед лицом общей угрозы.

Сборник девизов японского народа следует рассматривать, в первую очередь, как инструмент идеологии и пропаганды, если исходить из той цели, ради которой он задумывался: «19-й год эпохи Сёва (1944 г. – Ю.П., Н.П., Д.Р., Ю.Б.) – это третий год великой войны за освобождение народов Азии, которую ведёт народ [Японии], следуя Высочайшему Повелению. И ни один день этого года [японец] не желает терять для всеобщего военного усилия своей страны и каждое сегодня этого года, чтобы быть в духовной гармонии со всем народом [Японии], повторяет в своём сердце одно из изречений, оставленных ему славными сынами его великой родины» [Девизы 1944, с. II–III].

С известными оговорками данный сборник можно также назвать собранием националистических девизов. В данном случае авторы исходят из дуалистической основы национализма. С одной стороны, национализм представляет собой консолидирующую идеологию, сыгравшую важную роль в становлении отдельных наций и государств. Нельзя, например, не согласиться с утверждением, что «... на протяжении последних двух столетий национализм оказал существенное влияние на процесс консолидации во Франции, объединения – в Италии и Германии, восстановления политической независимости – в Польше, Финляндии и Греции» [Никитина, Терентьева 2017, с. 20]. В то же время не следует ставить знак равенства между национализмом, играющим роль идеологического фундамента сохранения национальной самобытности, и шовинизмом – крайней формой национализма, когда последний превращается в идеологию национальной исключительности и национального превосходства.

Так называемый японский национализм включает в себя нижеследующие базовые понятия: этнический национализм *миндзокусюги* 民族主義 (обоснование уникальности японского этноса), политический национализм *кокуминсюги* 国民主義 (в его основе –

определение японцев как политической нации и обоснование права на её существование), государственный национализм *коккасюги* 国家主義 (рассматривает японское государство в качестве совершенной формы организации японской политической нации) [Кожевников 2013, с. 142].

Указанные понятия и концепты представлены в сборнике японских национальных девизов: «... величественен дух Ямато», «... подданный Божественной страны», «Страна Великого государства Божественного монарха – основа для всех других государств мира», «... наше государство бесподобно во вселенной», «Наше царство – Божественная страна...» и т.д. Японские национальные девизы несут в себе идеи уникальности и универсальности Японии и японцев. Однако при этом их основной посыл носит не только националистический, но и консолидирующий характер.

Японские национальные девизы позволяют лучше понять особенности японского (в широком смысле – восточноазиатского) менталитета. На основе их анализа можно попытаться выделить общенациональные и общенационально-жизненные характеристики японской нации, к числу которых следует отнести этноцентризм, развитое чувство коллективизма и групповой конформизм, подчинение этических норм сложившейся ситуации, безусловное почитание традиций, сакрализацию института императорской власти [Некоторые особенности национально-психологического характера японцев 2000]. Содержание представленных в сборнике девизов и изречений раскрывает морально-этические установки японского военного сословия, являющиеся частью общенациональной духовной культуры и жизненных принципов населения Японских островов: мужество, верность долгу, сохранение чести и достоинства, готовность умереть за свою страну. Преобладание в девизах таких концептов, как «вера», «смерть», «победа», «воин», «враг», «война» и т.д., можно объяснить временем появления сборника и его главной целью – необходимостью духовной консолидации японского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барышников М.С. Девиз на монете в семантическом и прагматическом аспектах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2009. № 2 (36). С. 56–59.

Бейня М.В. Лингвистические особенности политического дискурса. http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2018/yazik_kultura/2/bejny.pdf (дата обращения: 05.04.2020).

Девизы ниппонского народа. Харбин: Издание агентства НИСКО. 1944.

История Японии. Т. II. 1868–1998 / отв. ред. А.Е. Жуков. Москва: Институт востоковедения РАН. 1998.

Калыкова Э.А. Символические характеристики шотландских девизов и прецедентных событий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 7 (102). С. 138–142.

Кожевников В.В. Национализм во внешней политике Японии на современном этапе: миф или реальность // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 1. С. 141–147.

Малова К.В. Концепции паназиатизма в Японии (30-е годы XX в.) // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1996. № 3. С. 109–120.

Мещеряков А.Н. Восприятие среды обитания в Японии эпохи Токугава (1603–1867) // История и современность. 2016. № 2. С. 78–97.

Мещеряков А.Н. Страна Япония: быть японцем. Москва: Лингвистика; СПб.: Петербургское Востоковедение. 2020.

Некоторые особенности национально-психологического характера японцев. Хабаровск: Войсковая часть 03134. 2000.

Никитина Т.А., Терентьева И.А. Национализм в контексте политологического анализа // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 3. С. 19–24.

Рюкова А.Р., Филимонова Е.А. Языковые способы реализации персуазивности // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 431–435.

Сидорчик А. Мидуэй. Настоящая история кровавой бойни на Тихом океане // Аргументы и факты. 15.11.2019 16:01.
https://aif.ru/society/history/miduey_nastoyashchaya_istoriya_krovavoy_boyni_na_tihom_okeane
 (дата обращения: 20.05.2020).

REFERENCES

Baryshnikov, M.S. (2009). Deviz na monete v semanticheskom i pragmaticheskom aspektakh [Coin Mottoes in the Aspects of Semantics and Grammar]. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta, Seriya: Filologicheskiye nauki*, 2 (36), 56–59. (In Russian).

Beynya, M.V. (2010). *Lingvisticheskiye osobennosti politicheskogo diskursa* [Linguistic Features of the Political Discourse]. Retrieved April 5, 2020, from www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2018/yazik_kultura/2/bejny.pdf (In Russian).

Devizy nipponskogo Naroda [The Mottoes of the Japanese Nation]. (1944). Kharbin: Nisso. (In Russian and Japanese).

Istoriya Yaponii [The History of Japan]. (1998). Moscow: IV RAN. (In Russian).

Kalykova, E.A. (2015). Simvolicheskiye kharakteristiki shotlandskikh devizov i pretsedentnykh sobytii [The Symbolic Characteristics of the Scottish Mottoes and Precedent Events]. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 7 (102), 138–142. (In Russian).

Kozhevnikov, V.V. (2013) Natsionalizm vo vneshnei politike Yaponii na sovremennom etape: mif ili real'nost' [Nationalism in the Japanese Foreign Policy at the Present Stage: Myth or Reality]. *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya Rossiyskoy Akademii Nauk*, 1: 141–147. (In Russian).

Malova, K.V. (1996). Kontseptsii panaziatizma v Yaponii (30-e gody XX v.) [Pan-Asiatic concepts in Japan in the 30-s of the 20th century]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta Dal'nevostochnogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 3: 109–120. (In Russian).

Mesheryakov, A.N. (2016). Vospriyatie sredy obitaniya v Yaponii ehpokhi Tokugava (1603–1867 gg.) [Perception of Habitat in Japan During the Tokugawa Period, 1603–1867]. *Istoriya i Sovremennost'*, 2: 78–97. (In Russian).

Mesheryakov, A.N. (2020). *Strana Yaponiya: byt' yapontsem* [The Country of Japan: Being Japanese]. Moscow: Lingvistika; Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Nekotoryye osobennosti natsional'no-psikhologicheskogo kharaktera yapontsev [Some Features of the National Psychological Nature of the Japanese]. (2000). Khabarovsk: Voyskovaya chast' 03134. (In Russian).

Nikitina, T.A., Terent'yeva, I.A. (2017). Natsionalizm v kontekste politologicheskogo analiza [Nationalism in the Context of Political Science Analysis]. *Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya*, 17 (3), 19–24. (In Russian).

Ryukova, A.R., Filimonova, E.A. (2016). Yazykovyye sposoby realizatsii persuazivnosti [Linguistic Ways to the Implement of Persuasiveness]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 21 (2), 431–435. (In Russian).

Sidorchik, A. (2019). *Miduei. Nastoyashchaya istoriya krovavoi boini na Tikhom okeane* [Midway Atoll. The True Story of the Pacific Massacre]. Retrieved May 20, 2020, from https://aif.ru/society/history/miduey_nastoyashchaya_istoriya_krovavoy_boyni_na_tihom_okeane. (In Russian).

Поступила в редакцию 09.05.2021

Received 9 May 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-40-56

Развитие гуманитарных областей партнёрства Евросоюза с Японией: здравоохранение, образование, наука, культура, защита окружающей среды

К.Г. Муратшина, Д.В. Бусыгина

Аннотация. Европейский союз и Япония на современном этапе являются стратегическими партнёрами, развивающими двустороннее взаимодействие комплексно, практически по всем возможным направлениям международных связей. Данное исследование посвящено изучению того, как в европейско-японском стратегическом партнёрстве представлены гуманитарные области. В статье последовательно рассмотрено, как ЕС и Япония осуществляют взаимодействие в сферах здравоохранения, образования, науки, культуры и защиты окружающей среды. Изучены такие инструменты, как двусторонние предметные диалоги, профессиональные обмены между людьми, совместные образовательные программы, совместные исследования и иные партнёрские инициативы.

Авторы приходят к выводу, что гуманитарные связи сторон в последние годы развиваются достаточно интенсивно. В первую очередь активно ведётся взаимодействие в области науки. Это обусловлено экономическими приоритетами сторон и их желанием развивать стратегически важные отрасли на научной базе. Второй по интенсивности контактов можно назвать сферу здравоохранения, что стало результатом активизации сотрудничества по борьбе с пандемией и другими общими вызовами. Связи в сфере образования и культурные обмены между ЕС и Японией пока демонстрируют не очень много совместных проектов, проведённых на практике, но некоторые уже начали реализовываться после заключения первых договоренностей. Что касается сферы защиты окружающей среды, то она пока представлена, главным образом, координацией позиций на международной арене.

Инициативной стороной в отношениях является Евросоюз, тогда как Япония принимает инициативы своего партнёра и готова использовать ситуацию для собственной выгоды. В то же время потенциальная выгода этого сотрудничества взаимна, поскольку партнёры имеют сопоставимый уровень развития экономики и оба заинтересованы в её дальнейшей модернизации.

Ключевые слова: Европейский союз, Япония, сотрудничество, здравоохранение, образование, наука, культура, защита окружающей среды.

Авторы:

Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет (адрес: 620002, Екатеринбург, пр. Ленина, 51). ORCID: 0000-0001-7952-6299; E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Бусыгина Дарья Викторовна, студент 4 курса кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет (адрес: 620002, Екатеринбург, пр. Ленина, 51). E-mail: busygina.darya@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10060.

Для цитирования: Муратшина К.Г., Бусыгина Д.В. Развитие гуманитарных областей партнёрства Евросоюза с Японией: здравоохранение, образование, наука, культура, защита окружающей среды // Японские исследования. 2021. № 3. С. 40–56. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-40-56

EU – Japan cooperation in humanitarian areas: Healthcare, education, science, culture, environmental protection

K.G. Muratshina, D.V. Busygina

Abstract. At current stage, European Union and Japan are strategic partners, developing comprehensive bilateral interaction nearly in all possible aspects of international relations. This research is aimed at the analysis of the humanitarian areas of their partnership. The paper discusses the EU – Japan interaction in healthcare, education, science, culture, and environmental protection, including such aspects as bilateral dialogues, people-to-people exchanges, joint education programs, joint research projects, and other initiatives.

The authors conclude that the humanitarian track of the relations has developed considerably over the last few years. The most intense cooperation can be seen in science, which is determined by the economic needs of both partners and their desire to develop strategic industries. Cooperation in healthcare comes second in terms of intensity, which has been caused by the pandemic and other common threats. Education and culture ties demonstrate fewer joint projects. However, the realization of the first region-to-country agreements between the EU and Japan has been started in these areas, too. Finally, environmental protection as an area of bilateral cooperation is mainly represented by the coordination of the parties' international policies.

The research also demonstrates that the EU is the initiator and an active party of the cooperation. Meanwhile, Japan accepts the initiatives of its partner and can use the situation in order to fulfill its interests. At the same time, the cooperation is potentially beneficial for both partners, thanks to their compatible level of economic development and common interests.

Keywords: European Union, Japan, cooperation, healthcare, education, science, culture, environmental issues.

Authors:

Muratshina Ksenia G., Candidate of Sciences (History), Associate professor, Ural Federal University (address: 51, Lenin Av., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7952-6299; E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Busygina Darya V., 4th year student of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University (address: 51, Lenin Av., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation). E-mail: busygina.darya@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation grant № 19-78-10060.

For citation: Muratshina K.G., Busygina D.V. (2021). Razvitiye gumanitarnykh oblastey partnyorstva Evrosoyuza s Yaponiyey: zdravookhraneniye, obrazovaniye, nauka, kul'tura, zashchita okruzhayushchey sredy [EU – Japan cooperation in humanitarian areas: Healthcare, education, science, culture, environmental protection]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 3, 40–56. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-40-56

Введение

Евросоюз и Япония – далекие географически, но интенсивно взаимодействующие в разных сферах и традиционно декларирующие общие ценности партнёры, чьё сотрудничество привлекает к себе всё большее внимание исследователей. Оба актора ведут свою политическую линию на мировой арене с претензией на роль глобальных держав, оба заинтересованы в развитии своих экономик и сотрудничестве с надёжными партнёрами на перспективу. Как в России [Гладков 2018; Дронишинец 2019; Носов 2010; Носов 2015; Чижевская 2018; Чижевская 2019], так и за рубежом [Berkofsky 2012; Felbermayr et al. 2019; Fukunari 2018; Godement 2018; Grübler et al. 2021; Hosoi 2019; Sekine 2020; Simón 2018; Stanley-Lockman 2018; Vosse 2018; Watanabe 2013] активно изучаются европейско-японские контакты в сфере безопасности и экономическое партнёрство. Авторы данной статьи посвятили своё исследование развивающимся, но пока привлекавшим меньше внимания гуманитарным аспектам двустороннего взаимодействия – европейско-японскому сотрудничеству в сферах здравоохранения, образования, науки, культуры и защиты окружающей среды.

Развитие этих областей сотрудничества между государствами-партнёрами или в рамках крупных международных объединений в современных международных отношениях приобретает всё большую значимость. Даже в период пандемии страны находят возможности осуществления гуманитарных контактов. Внешние гуманитарные связи, как вид международных контактов, на практике решают целый ряд задач: они позволяют развивать неформальные связи между обществами, осуществлять постоянную коммуникацию между ними, формировать благоприятный образ государства на мировой арене, распространять культурное влияние, увеличивать заинтересованность партнёра в развитии отношений и расширять их постоянную социальную базу. С этой точки зрения, кейс отношений ЕС с Японией очень интересен методологически, чтобы посмотреть, как два значимых актора современных международных отношений развивают между собой гуманитарную сферу связей, учитывая, что оба они уделяют своему культурному влиянию в мире значительное внимание и пользуются различными средствами для поддержания этого направления своей внешней политики [Казаков 2014; Чугров 2015; Лебедева 2017; Катасонова 2017; Богатырева, Табаринцева, Козыкина 2018; Yazovskaya, Gudova 2020]. Кроме того, представляет интерес проанализировать, что даёт двустороннее гуманитарное сотрудничество ЕС и Японии в общем контексте их взаимоотношений, как его активное развитие вписывается в контекст их внешней политики и почему занимает всё более значительное место.

Для анализа выбран период с 2016 г. до настоящего времени (2021 г.), что обусловлено принятием в 2016 г. новой Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и безопасности, которая выделила развитие отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и в том числе с Японией в качестве одного из ключевых приоритетов Союза¹. Кстати, что касается программных документов внешней политики Японии, то в последних Голубых книгах по дипломатии МИД Японии позиция страны по отношениям с ЕС выражена

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // European External Action Service. https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 06.07.2018).

примерно схожим образом: Европейский союз называется в числе важных для Японии партнёров, с которыми необходимо развивать как экономическое сотрудничество, так и политический диалог, и совместно работать над решением глобальных проблем современности².

Сфера здравоохранения

До пандемии здравоохранение как аспект двусторонних связей ЕС и Японии присутствовало главным образом в повестке дня экономического сотрудничества. Медицинская техника и фармпрепараты были представлены в небольшом, но стабильном объёме в товарообороте между двумя сторонами, как в экспорте, так и в импорте³, что соответствовало сопоставимо высокому уровню развития медицины у обеих сторон. В 2018 г. Европейско-японский центр промышленного сотрудничества провёл исследование и выпустил для ЕС брошюру о японском секторе биотехнологий и возможностях сотрудничества с японскими компаниями в этой отрасли. В материале отмечается, что к тому моменту уже был сформирован опыт лицензионных соглашений по производству и распространению фармпрепаратов друг друга между европейскими и японскими компаниями [Rodergas 2018, p. 3]. В 2020 г. центр организовал для европейских компаний вебинар о возможностях получения контрактов в сфере здравоохранения Японии⁴. Однако распространение пандемии по миру усложнило все контакты. Закупки лекарств в это же время предсказуемо возросли. По итогам пандемийного 2020 г. доля фармацевтической продукции в импорте ЕС из Японии выросла на 40 % и составила более 1,5 млрд евро, а доля в экспорте из ЕС в Японию незначительно снизилась, но составила более 7 млрд евро⁵.

В 2020–2021 гг. Япония начала осуществлять закупки в Евросоюзе противокоронавирусных вакцин – британско-шведской AstraZeneca и американо-немецкой Pfizer-BioNTech. Первую партию вакцины (это был препарат Pfizer-BioNTech) в Японию доставили самолётом из Бельгии в феврале 2021 г. Для этой и последующих поставок власти Евросоюза выдавали отдельные разрешения, чтобы не помешать распределению вакцины внутри ЕС⁶. Когда стало известно о побочных эффектах препарата AstraZeneca, Япония стала ориентироваться на позицию Европейского агентства лекарственных средств (ЕМА) и на правительственном уровне отслеживала ситуацию с исследованием побочных эффектов вакцины и её признания затем всё же «безопасной и эффективной»⁷. В совместном заявлении

² Diplomatic Bluebook 2012 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2012. https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2012/pdfs/chapter2_p17_29.pdf (дата обращения: 19.12.2020); Diplomatic Bluebook 2014 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2014. <https://www.mofa.go.jp/files/000055801.pdf> (дата обращения: 19.12.2020); Diplomatic Bluebook 2020 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2020. <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2020/pdf/2-4.pdf> (дата обращения: 19.12.2020).

³ Japan // European Commission. <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/japan/> (дата обращения: 13.05.2019).

⁴ EPA helpdesk webinar 13: public procurement & healthcare 2020 // EU–Japan Centre for Industrial Cooperation. 14.01.2020. <https://www.eu-japan.eu/events/epa-helpdesk-webinar-13-public-procurement-healthcare> (дата обращения: 16.05.2021).

⁵ European Union trade in goods with Japan // European Commission. https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_japan_en.pdf (дата обращения: 15.06.2021).

⁶ Токио приложит усилия к налаживанию в стране производства вакцины от COVID-19 – премьер // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 17.02.2021.

⁷ Япония с облегчением восприняла новость о безопасности вакцины от AstraZeneca // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 19.03.2021.

по итогам саммита ЕС – Япония в мае 2021 г. зафиксировано, что японская сторона признаёт «лидирующую роль ЕС как поставщика вакцин в глобальном масштабе»⁸. В свою очередь, ЕС выразил поддержку идее проведения в 2021 г. Олимпийских игр в Токио при условии соблюдения всех противоэпидемических мер⁹.

Заметным направлением европейско-японских взаимоотношений стали совместные проекты в области здравоохранения. Соглашение ЕС и Японии о стратегическом партнёрстве 2018 г. содержит следующее положение (ст. 31): стороны обязуются на постоянной основе обмениваться мнениями, информацией и опытом с целью эффективного решения трансграничных проблем здравоохранения путём сотрудничества в деле предотвращения и распространения инфекционных и неинфекционных заболеваний, включая заключение необходимых для этого международных соглашений¹⁰.

Одним из успешных примеров сотрудничества стало участие Японии в инициированном ЕС международном проекте Му-АНА («Моё активное и здоровое старение»), который реализовывался с 2016 г. в рамках программы «Горизонт-2020». Проект направлен на сохранение здоровья людей в возрасте путём улучшения физической активности и когнитивных функций, психологического состояния, социальных ресурсов, питания, сна и общего благополучия. Японию представляли инновационное предприятие JINS MEME и университет Тохоку. В рамках проекта стороны совместно разработали специальные очки, которые могут обнаружить признаки болезней Паркинсона и Альцгеймера на ранней стадии благодаря отслеживанию ежедневных действий пользователя¹¹. На фоне этого успешного опыта совместное заявление по итогам саммита ЕС – Япония 2020 г. анонсирует дальнейшие совместные исследования сторон в области медицины¹².

Кроме того, обе стороны с 2020 г. участвуют в международном альянсе COVAX, через который благодаря взносам в его бюджет предполагается в перспективе обеспечить наиболее бедные страны вакцинами против коронавирусной инфекции¹³, и заявляют об общей «приверженности глобальному сотрудничеству и обеспечению стабильного финансирования разработки и распределения эффективных противовирусных препаратов, методов диагностики и вакцин ради того, чтобы у всех была возможность приобрести их по доступной цене» и о том, что вакцины должны быть «глобальным общим благом»¹⁴. Наконец, можно упомянуть о том, что ЕС и Япония выразили солидарность в призывах

⁸ EU-Japan Summit 2021 Joint Statement // European Council. 27.05.2021. <https://www.consilium.europa.eu/media/49922/eu-japan-summit-may-2021-statement.pdf> (дата обращения: 09.06.2021).

⁹ Ibidem.

¹⁰ Strategic Partnership Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Japan, of the other part // Official Journal of the European Union. 24.08.2018. Vol. 61. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2018:216:FULL&from=EN> (дата обращения: 13.06.2021).

¹¹ プロジェクトの目的 // 日欧産業協力センター. <https://www.ncp-japan.jp/casestudy-2/my-aha> (дата обращения: 15.06.2021).

¹² Joint press release: Japan-EU Leaders' meeting // European Council. 26.05.2020. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/05/26/joint-press-release-japan-eu-leaders-meeting/> (дата обращения: 09.06.2021).

¹³ 6月にワクチンサミット 途上国向け確保へ拠出拡大 // 日本経済新聞. 15.04.2021. <https://www.nikkei.com/article/DGXZQODE1572R0V10C21A4000000/> (дата обращения: 15.06.2021).

¹⁴ Лидеры ЕС и Японии выступили за признание вакцины от коронавируса мировым достоянием // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 26.05.2020.

к объективному расследованию причин возникновения пандемии, что зафиксировано в совместном заявлении по итогам двустороннего саммита 2020 г.¹⁵.

Образование

Первый двусторонний Диалог по образованию, культуре и спорту был проведён Евросоюзом и Японией в октябре 2018 г. Чуть ранее Соглашение о стратегическом партнёрстве ЕС и Японии 2018 г. предписало сторонам «расширять обмен мнениями и информацией в областях образования, молодёжи и спорта» и «способствовать, когда это целесообразно, совместным проектам, обмену знаниями и опытом, обменам между людьми»¹⁶. Диалог же представлял собой встречу еврокомиссара по вопросам образования, культуры, молодёжи и спорта Т. Наврачича с министром образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии Ё. Хаяси. Несмотря на расширенное название, стороны пока начали развивать лишь одну его составляющую – образовательную. Сотрудничество в области образования стало центральной темой обсуждения двух представителей. Оба лидера подтвердили важность развития этого направления, кроме того, была проведена дискуссия о роли, которую должно играть образование в современном обществе. В качестве ведущей программы, предлагающей отличный инструмент для содействия международной мобильности и позволяющей студентам развивать все необходимые навыки, а также способствующей повышению актуальности и качества образования, сторонами был выделен европейский проект Erasmus+. Т. Наврачич и Ё. Хаяси выступили с двумя новыми совместными инициативами ЕС и Японии. Во-первых, они выдвинули предложение по совместному финансированию консорциумов ведущих европейских и японских университетов для разработки высокоинтегрированных магистерских программ и предоставления стипендий талантливым студентам из Европы и Японии для обучения за рубежом. Во-вторых, стороны предложили развивать краткосрочный обмен персоналом для должностных лиц ЕС и Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии с целью поощрения совместного обучения и расширения сотрудничества¹⁷.

Стоит отметить, что уже в 2019 г. были запущены первые три совместные магистерские программы: по робототехнике (участники – Варшавский политехнический университет, Университет Кейо, Университет Генуи), по публичной истории (участники – Флорентийский университет, Новый Университет Лиссабона, Токийский университет международных исследований) и по межкультурной коммуникации и информационным технологиям (участники – Католический университет Лёвена, Университет Жана Монне в Сен-Этьене и Технологический университет Тойохаси)¹⁸.

¹⁵ Joint press release: Japan–EU Leaders' meeting.

¹⁶ Strategic Partnership Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Japan, of the other part.

¹⁷ Statement on EU–Japan policy dialogue in education, culture and sport 2018 // EU cultural relations platform. 01.10.2018. <https://www.cultureinexternalrelations.eu/2018/10/01/statement-on-eu-japan-policy-dialogue-in-education-culture-and-sport/> (дата обращения: 03.05.2021).

¹⁸ ERASMUS+ project results 2019 // European Commission. [https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/projects/#search/project/keyword=EPPKA1-JMD-MOB-JP&programmes\[0\]=31046216&actions\[0\]=31046220&actionsTypes\[0\]=31046261&fundingYears\[0\]=2019&countries\[0\]=JP&matchAllCountries=false](https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/projects/#search/project/keyword=EPPKA1-JMD-MOB-JP&programmes[0]=31046216&actions[0]=31046220&actionsTypes[0]=31046261&fundingYears[0]=2019&countries[0]=JP&matchAllCountries=false) (дата обращения: 10.05.2021).

Второй Диалог между ЕС и Японией по вопросам образования, культуры и спорта был проведён в мае 2021 г. в онлайн-формате еврокомиссаром по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и молодёжи М. Габриэль и министром образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии К. Хагиуда. Стороны отметили, что важность взаимодействия и обмена опытом в этих сферах приобрела новое значение во время пандемии COVID-19, которая сильно ударила по всем упомянутым секторам. Тем не менее, в совместном заявлении подчёркивается, что сотрудничество будет развиваться и вести к лучшему взаимопониманию между Европой и Японией. Учитывая продолжающуюся пандемию, М. Габриэль и К. Хагиуда подчеркнули эффективность онлайн-обучения с использованием цифровых технологий на всех уровнях образования и выделили важность повышения цифровых навыков участников образовательного процесса, отметили значительное влияние COVID-19 на функционирование высшего образования в Японии и Европе и согласились с необходимостью создания новых стратегий для высшего образования и обмена людьми между сторонами. Также была достигнута договоренность о новом направлении сотрудничества – стимулировании возможностей для японских и европейских учёных в проведении в перспективе исследований в ЕС и Японии в рамках флагманской программы ЕС по обмену научными сотрудниками – Плана действий Марии Склодовской-Кюри¹⁹.

Наука

Научные связи между ЕС и Японией целесообразно также выделить в качестве интенсивно развивающегося отдельного направления. Им стороны начали уделять внимание гораздо раньше: в 2009 г. было подписано и в 2011 г. вступило в силу двустороннее рамочное соглашение о сотрудничестве в этой сфере. Стороны договорились вовлекать как можно больше своих организаций и представителей в развитие связей, обмениваться передовым опытом в исследованиях в целях ускорения промышленного роста и повышения конкурентоспособности и таким образом содействовать развитию дружественных взаимоотношений²⁰.

Для реализации Соглашения 2011 г. был создан двусторонний Комитет по научно-техническому сотрудничеству, который начал проводить совместные консультации. В 2013 г. Комитетом были выделены приоритетные отрасли сотрудничества, представляющие наибольший взаимный интерес: критически важные материалы, авиация и информационно-коммуникационные технологии. По ним стороны начали проводить более предметные тематические консультации и запустили рабочие группы²¹.

В 2011–2016 гг. был реализован крупный совместный проект в области микро- и нанотехнологий – Программа EUJO-LIMMS. Она заключалась в получении доступа европейским исследователям в Лабораторию интегрированных микромехатронных систем

¹⁹ Second EU–Japan Policy Dialogue on Education, Culture and Sport 2021 // European Commission. 10.05.2021. https://ec.europa.eu/education/news/second-eu-japan-policy-dialogue-education-culture-sport_en (дата обращения: 10.05.2021).

²⁰ Agreement between the European Community and the Government of Japan on cooperation in science and technology // European Commission. 30.01.2009. https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/japan_agreement.pdf (дата обращения: 13.01.2021).

²¹ Towards a new strategic partnership in Research and Innovation between the European Commission and the Government of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2015. <https://www.mofa.go.jp/files/000082821.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).

в Токио и проведении совместных работ. В программе приняли участие учёные из Национального центра научных исследований Франции, Университета Твенте, Университета Фрайбурга, Финского исследовательского технологического центра и швейцарской Федеральной политехнической школы в Лозанне, известной своими научными исследованиями, хотя и представляющей не входящую в ЕС страну. Общее финансирование проекта составило более 2,3 млн евро, из которых почти 2 млн было вложено Еврокомиссией²².

В период с 2013 по 2017 г. был реализован проект JEUPISTE. Его задачей была организация постоянного диалога между ЕС и Японией по вопросам политики в области науки, технологий и инноваций, оказание информационных услуг, проведение сетевых мероприятий, открытых лекций, взаимных визитов²³. С 2013 по 2019 г. сторонами были реализованы десятки совместных проектов²⁴. Крупнейшие из них – исследование изменения климата и моделей устойчивого развития (участниками стали австрийский Институт прикладного анализа, Потсдамский институт по изучению климата, Евро-Средиземноморский центр исследования изменений климата (Италия), Министерство инфраструктуры и окружающей среды Нидерландов, греческий Институт коммуникаций и компьютерных систем, Вагенингенский университет, Университет Восточной Англии, французский Институт исследований устойчивого развития и международных отношений, японские Национальный институт исследований окружающей среды и Исследовательский институт инновационных технологий для Земли, а также ряд университетов-партнёров из России, Южной Кореи, Индии, Китая и Бразилии, общие расходы составили более 5,2 млн евро, из которых 5 млн были вложены Еврокомиссией²⁵; исследование генома и генетики рыб (участники – университет Бирмингема, британский Имперский колледж науки, технологии и медицины, Институт Макса Планка, один из крупнейших научных центров Швеции – Каролинский институт, Королевский колледж Лондона, Университет Льежа, британская научная организация Genome Research Limited, Технологический институт Карлсруэ, японский Институт физико-химических исследований «Рикен», испанский Институт биомедицинских исследований клинического госпиталя Барселоны, датская исследовательская компания BGI и университет Орегона (США), общая стоимость проекта составила почти 4 млн евро, при этом он был полностью профинансирован Еврокомиссией²⁶; исследование технологий обеспечения связи 5G в области фотоники (участники – Университет Дуйсбург-Эссен, Осацкий университет, Университет Кента, Университет Досиса, японские Институт исследований электронной навигации и Центральный институт исследований электроэнергетики, а также ряд производственных компаний, работающих в области высоких технологий: японские Hitachi и Kodan Techno Info,

²² Europe–Japan opening of LIMMS // European Commission. 22.03.2017. <https://cordis.europa.eu/project/id/295089> (дата обращения: 16.05.2021).

²³ Europe and Japan team up to boost science, technology and innovation capacity // European Commission. <https://cordis.europa.eu/article/id/203942-europe-and-japan-team-up-to-boost-science-technology-and-innovation-capacity> (дата обращения: 16.05.2021).

²⁴ 60 projects with Japanese organisations in Horizon 2020 // JEUPISTE. 2017. <http://www.jeupiste.eu/news/60-projects-japanese-organisations-in-horizon-2020> (дата обращения: 15.06.2021).

²⁵ CD-LINKS の日欧協力について // 日欧産業協力センター. <https://www.ncp-japan.jp/casestudy-2/cd-links> (дата обращения: 15.06.2021).

²⁶ ZENCODE-ITN の日欧協力について // 日欧産業協力センター. <https://www.ncp-japan.jp/casestudy-2/zencode> (дата обращения: 15.06.2021).

немецкая Corning Optical Communications GmbH & Co, польская EXATEL S.A. и израильская Siklu Communication Ltd, стоимость проекта составила более 1,5 млн евро, и он также был полностью профинансирован Еврокомиссией²⁷).

В 2015 г. стороны в совместном заявлении констатировали «прогресс» по всем направлениям научного взаимодействия и высказались за углубление стратегического сотрудничества и расширение отраслей, затронутых им²⁸. Соглашение о стратегическом партнёрстве ЕС и Японии 2018 г. предписывает участникам «расширять сотрудничество в областях науки, технологии и инноваций с особым акцентом на сферах, представляющих взаимный интерес»²⁹. В совместном заявлении по итогам саммита ЕС – Япония 2019 г. стороны заявили, что будут развивать «стратегическое партнёрство в области исследований и инноваций». С этой целью они взяли на себя обязательство изыскать фонды для более широкого финансирования совместных проектов Европейского исследовательского совета с Японским агентством по науке и технологиям³⁰.

В Письме о намерениях по укреплению сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций между сторонами, подписанном в мае 2020 г., содержится информация о том, что ЕС и Японией реализуются совместные исследования в областях искусственного интеллекта, квантовых технологий, изменения климата и умных городов, а в перспективе стороны планируют «синергизировать» свои программы приоритетных научных исследований – европейскую Horizon Europe и японскую Moonshot, что позволит учёным более свободно сотрудничать в решении глобальных проблем, в том числе посредством открытого доступа к данным и результатам исследований³¹. Это достаточно серьёзная заявка на более плотное сотрудничество в будущем и серьёзные обязательства, которые стороны не боятся на себя брать, а значит, в определённом смысле демонстрация доверия между ними.

Согласно совместному заявлению по итогам саммита ЕС – Япония 2021 г., в ближайшем будущем стороны планируют начать развивать новые виды сотрудничества: научный обмен данными спутникового наблюдения и другое взаимодействие в области космоса, исследования в областях квантовых технологий, новых материалов, сетей связи 5G и 6G, искусственного интеллекта и даже, хотя Япония и не имеет никакого географического отношения к Арктике, «арктические научные исследования»³². Последнее может говорить о том, что Евросоюз готов идти навстречу пожеланиям своего стратегического партнёра (ведущего собственную арктическую политику [Стрельцов 2012; Надараджа и др. 2016]) даже в такой, казалось бы, геополитически чувствительной области, а это опять же

²⁷ RAPID の日欧協力について // 日欧産業協力センター. <https://www.ncp-japan.jp/casestudy-2/rapid> (дата обращения: 15.06.2021).

²⁸ Towards a new strategic partnership in Research and Innovation between the European Commission and the Government of Japan.

²⁹ Strategic Partnership Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Japan, of the other part.

³⁰ EU–Japan Summit 2019 Joint Statement // European Council. 25.04.2019. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/04/25/joint-statement-of-the-26th-eu-japan-summit/> (дата обращения: 07.06.2021).

³¹ Letter of Intent on Strengthening Cooperation in Science, Technology and Innovation between the European Commission and the Cabinet Office of the Government of Japan // European Commission. 26.05.2020. https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/documents/e_c_rtd_loi-eu-jp.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

³² EU–Japan Summit 2021 Joint Statement; ЕС и Япония надеются, что 30 % населения мира будет вакцинировано к концу года // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 27.05.2021.

сигнализирует, во-первых, о доверии между сторонами, а во-вторых, о том, что сложившийся уровень сотрудничества устраивает обе стороны настолько, что они готовы расширять его и на кардинально новые области.

Наконец, можно отметить, что оборудование для научных исследований составляет одну из статей товарооборота между ЕС и Японией и стабильно в течение последних пяти лет держится на отметке около 3 млн евро в год, как в европейском экспорте в Японию, так и в японском в ЕС³³, что свидетельствует о достаточно устойчивых, сложившихся связях и, как и в здравоохранении, соответствует сопоставимо высокому уровню развития научной сферы у обеих сторон.

Культура

Вопрос о связях в области культуры в повестке дня европейско-японского сотрудничества, как и в случае с другими гуманитарными сферами, был активизирован Соглашением о стратегическом партнёрстве ЕС и Японии 2018 г. По нему стороны обязались способствовать расширению культурных обменов, организовывать совместные проекты и стремиться, чтобы это помогало более интенсивному взаимодействию между представителями гражданского общества³⁴. В ходе первого двустороннего Диалога по образованию, культуре и спорту, который проходил в октябре 2018 г., представители Евросоюза и Японии отметили возможность развития сотрудничества в этой области и выразили надежду на дальнейшее, более конкретное обсуждение³⁵. Вскоре, в ноябре 2018 г., в Токио был организован Европейский литературный фестиваль, а в декабре того же года Япония приняла четверых европейских авторов, ставших победителями литературных премий ЕС, – писателей из Великобритании, Словении, Северной Македонии и Мальты, которые в рамках программы «Креативная Европа» отправились на Окинаву для того, чтобы пожить там неделю, познакомиться с местными жителями, историей, культурой и современными проблемами³⁶. В своих отзывах по итогам поездки европейцы отметили, что собрали много чрезвычайно интересного «материала» и получили «вдохновение» для того, чтобы отразить это в своих будущих произведениях³⁷. Нужно отметить, что, хотя программа получилась односторонней, с участниками только от ЕС, она всё равно примечательна своим творческим замыслом, как вид связей, и указывает на важность межличностных обменов в отношениях между сторонами.

В 2019 г. Европейско-японский центр промышленного сотрудничества организовал серию семинаров «О Японии» для того, чтобы познакомить европейские компании с основными принципами деловой культуры японцев³⁸. Цель семинаров заключалась в подготовке

³³ European Union trade in goods with Japan.

³⁴ Strategic Partnership Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Japan, of the other part.

³⁵ Statement on EU–Japan policy dialogue in education, culture and sport 2018.

³⁶ EU–Japan cultural relations: Writing Residency in Okinawa // Cultural Relations Platform. 26.11.2018. <https://www.cultureinexternalrelations.eu/2018/11/26/writing-residency-in-okinawa/> (дата обращения: 12.05.2021).

³⁷ Four European authors explored the territory of Okinawa, Japan, during a week-long writing residency // Cultural Relations Platform. 22.02.2019. <https://www.cultureinexternalrelations.eu/2019/02/22/writing-residency-in-okinawa-2/> (дата обращения: 12.05.2021).

³⁸ ½-day “About Japan” Cross-cultural Workshop Series in the EU // EU–Japan Centre for Industrial Cooperation. 2019. <https://www.eu-japan.eu/cross-cultural-workshops> (дата обращения: 12.05.2021).

европейских фирм к ведению бизнеса с Японией и представлении потенциальных выгод от реализации Соглашения об экономическом партнёрстве. В 2020 г. центром был проведён аналогичный семинар «Вопросы кросс-культурного взаимодействия: эффективная коммуникация с японскими партнёрами», но уже в онлайн-формате. На вебинаре были рассмотрены культурные различия между Японией и Европой в реалиях бизнеса и проблемы, с которыми сталкиваются европейские компании, работающие в Японии, и японские фирмы, действующие в Европе³⁹.

В ходе второго Диалога между ЕС и Японией по вопросам образования, культуры и спорта, состоявшегося в 2021 г., стороны отметили необходимость активизации культурных связей и расширения обменов между японскими и европейскими культурными столицами⁴⁰, однако когда и как это будет реализовано в условиях продолжающейся пандемии, пока не ясно.

Защита окружающей среды

Теме защиты окружающей среды в европейско-японских контактах последних лет уделяется всё больше внимания. В совместном заявлении по итогам саммита ЕС – Япония 2017 г. стороны берут на себя обязательство вместе придерживаться реализации Парижского соглашения по климату и сокращать выбросы парниковых газов, работать над энергоэффективностью и энергосберегающими технологиями и стремиться к углеродной нейтральности во второй половине XXI в.⁴¹. Соглашение о стратегическом партнёрстве 2018 г. также уделяет внимание экологическим аспектам. Стороны берут на себя обязательства на постоянной основе обмениваться информацией о своих «лучших практиках» и политике в областях эффективного ресурсопользования, биоразнообразия, устойчивого производства и потребления, о технологиях, товарах и услугах, имеющих отношение к защите окружающей среды, устойчивом лесном хозяйстве и борьбе с нелегальными вырубками. Кроме того, согласно этому же документу, Евросоюз и Япония будут развивать сотрудничество в сфере защиты окружающей среды в рамках международных организаций и планируют «возглавлять борьбу против изменений климата и его негативных последствий» и выполнять свои международные обязательства по снижению выбросов парниковых газов. Также они готовы в данной области осуществлять помощь «третьим странам»⁴².

В Соглашении об экономическом партнёрстве 2018 г. подчёркивается, что ЕС и Япония будут поддерживать существующие экологические стандарты, принимать новые меры по защите окружающей среды, развивать диалог по устойчивому природопользованию и эффективно выполнять свои обязательства по многосторонним природоохранным соглашениям, таким как Рамочная конвенция ООН по изменению климата, Парижское

³⁹ EU–Japan Centre webinar 150: cross cultural issues: communicating effectively with Japanese partners // European Cluster Cooperation Platform. 2020. <https://clustercollaboration.eu/event-calendar/eu-japan-centre-webinar-150-cross-cultural-issues-communicating-effectively> (дата обращения: 12.05.2021).

⁴⁰ Second EU–Japan Policy Dialogue on Education, Culture and Sport 2021.

⁴¹ Statement following the 24th EU–Japan Summit // European Council. 06.07.2017. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/07/06/eu-japan-summit-statement/> (дата обращения: 14.06.2021).

⁴² Strategic Partnership Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Japan, of the other part.

соглашение, Конвенция о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой уничтожения, и Конвенция о биологическом разнообразии⁴³.

В совместном заявлении по итогам двустороннего саммита 2019 г. зафиксировано обязательство координировать свои позиции и сотрудничать в рамках переговоров по вопросам экологии в ООН⁴⁴. Документ по итогам переговоров в этом же формате 2021 г. выдвигает ещё одну амбициозную идею на перспективу: Евросоюз и Япония заявляют, что ими будет запущен двусторонний «Зелёный альянс», что подразумевает комплексное углубление связей в области новых источников энергии, защиты окружающей среды, научных исследований в данной сфере, устойчивой экономики и помощи в движении по этому пути «третьим странам». Также стороны в этом совместном заявлении берут на себя конкретное обязательство по заявленным ранее планам сотрудничать в ООН: ЕС и Япония будут продвигать вопрос о борьбе с загрязнением океанов пластиком в рамках Программы ООН по окружающей среде и выступать за всеобщую ратификацию документа Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, направленного на борьбу с нелегальным рыболовством⁴⁵.

Как можно увидеть, пока главным во взаимодействии сторон в сфере защиты окружающей среды остаётся международный аспект. Об эффективности этого взаимодействия судить пока рано, поскольку все многосторонние соглашения, которые стороны планируют продвигать, по-прежнему остаются подписанными и выполняемыми далеко не всеми участниками международного сообщества. Собственные обязательства по сокращению негативного воздействия на окружающую среду ЕС и Япония могли бы исправно выполнять и без соглашений между собой, а перечисленные договоренности, скорее, могут носить имиджевый характер, показывая, что для партнёров важны общие ценности устойчивого развития и общие взгляды на будущее мира. Примеров конкретных совместных проектов, реализованных на практике в формате «Евросоюз–Япония», пока немного, но можно привести уже упоминавшееся в разделе «наука» исследование проблем изменения климата; кроме того, в 2017 г. представители 40 предприятий Евросоюза, занимающих лидирующие позиции в инновациях в «зелёной энергетике», были приглашены в Осаку для участия в выставке World Smart Energy Week show и нашли партнёров среди заинтересованных японских компаний⁴⁶. Одной из наиболее вероятных ближайших перспектив «зелёного» направления сотрудничества для ЕС и Японии, по мнению некоторых японских исследователей, может стать взаимодействие в «построении общества, основанного на использовании водорода», поскольку обе стороны уделяют водородным технологиям большое внимание и достигли значимых результатов [Sekine 2020].

⁴³ Japan-EU Economic Partnership Agreement // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2018. <https://www.mofa.go.jp/files/000382106.pdf> (дата обращения: 16.01.2021).

⁴⁴ EU-Japan Summit 2019 Joint Statement.

⁴⁵ EU-Japan Summit 2021 Joint Statement.

⁴⁶ Europe's Innovative Green Energy Firms Coming to Osaka // European Union External Action Service. 01.08.2017. https://eeas.europa.eu/delegations/japan/30578/europe's-innovative-green-energy-firms-coming-osaka_en (дата обращения: 21.04.2021).

Выводы

Подводя итог рассмотрению темы, можно отметить следующее.

Взаимодействие между ЕС и Японией в гуманитарных сферах в последние годы начало достаточно интенсивно развиваться, пусть не наравне с экономическим, но дополняя его и обеспечивая обмены между людьми, направленные на достижение лучшего взаимопонимания сторон. Активной стороной в этих отношениях выглядит Евросоюз. Это можно проследить и по количеству проектов, предложенных европейской стороной, и по их финансированию. Заинтересованность ЕС можно объяснить не только желанием обеспечить социальную базу реализации соглашений об экономическом и стратегическом партнёрстве с Японией, в том числе применяя «мягкую силу», но и политическими соображениями: именно Япония может стать для европейской стороны наиболее сильным противовесом, который поддержит баланс в европейской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не даст ей стать сфокусированной на одном Китае и не даст Китаю считать Евросоюз исключительно «своим» партнёром, которому он может диктовать условия. Япония же принимает инициативу ЕС и, в свою очередь, тоже может рассчитывать на баланс, противовес своим основным партнёрам – США и Китаю. Исследователями отмечается более дружественный настрой японских граждан по отношению к Европе в целом, чем по отношению ко всем остальным партнёрам Японии, за исключением США [Казаков 2018, с. 281].

Наиболее активно из всех рассмотренных гуманитарных сфер европейско-японского сотрудничества, с широкой реализацией на практике развиваются контакты в области науки. Такую ситуацию можно объяснить тем, что обеим сторонам требуется поддерживать конкурентоспособность своей промышленности за счёт новейших материалов и технологических решений и лидерство в академической науке, для чего чрезвычайно важен подходящий по уровню развития партнёр. Здесь ЕС и Япония буквально нашли друг друга как партнёры для дальнейшей модернизации своих науки и промышленности.

Второй по интенсивности контактов можно назвать сферу здравоохранения. Отчасти это связано с пандемией, отчасти – тоже с сопоставимым уровнем развития экономик, отчасти – со схожей проблемой старения населения, с которой столкнулись обе стороны.

Что касается областей культуры и образования, стороны также начали диалог по ним, уже есть первые реализованные совместные проекты, и, хотя пандемия приостановила основные контакты, в перспективе, скорее всего, они возобновятся и будут реализовывать заключенные договоренности. Ещё одна область – защита окружающей среды – пока представлена, главным образом, договоренностями о взаимодействии на международной арене, но со временем они становятся всё более конкретными и реализуют, прежде всего, ценностную составляющую европейско-японского сотрудничества.

Тезис об общности ценностей зафиксирован во многих европейско-японских совместных документах, его постоянно повторяют политические деятели и исследователи обеих стран. Если Европейский союз позиционирует себя как образец продвижения верховенства права, прав человека, демократии, защиты окружающей среды и других ценностей глобального порядка [Herlin-Karnell 2012], то Япония, с одной стороны, подписываясь под этими понятиями в совместных с ЕС документах, с другой стороны, подразумевает нечто большее, своё видение мира в той картине, где она противостоит Китаю

в борьбе за лидерство в Азии и в мировом масштабе в целом. Об этом, в частности, говорит заявление премьера С. Абэ в его программной речи на открытии сессии парламента в январе 2020 г.: «Мы будем стремиться к построению свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства вместе с Европейским союзом, Индией, Австралией, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и другими странами, с которыми разделяем основные ценности»⁴⁷. В целом, получается, что для Японии отношения с ЕС – даже не просто балансир в её политике, но полномасштабный пример курса, который можно условно обозначить как дружба против конкретной третьей стороны. А гуманитарная сфера этих отношений – очень хорошая среда для проявления перед всем миром тех самых «общих ценностей». Желание продемонстрировать их, на наш взгляд, в случае ЕС и Японии является главным двигателем и импульсом гуманитарных связей столь далеких друг от друга и столь различных культур. Но политическая подоплёка связей не отменяет их значимости для общества: такие отношения дают возможность выстраивать контакты между людьми и между компаниями в перспективных сферах сотрудничества и использовать ситуацию как для собственного профессионального роста, так и для вклада в развитие экономики своей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богатырева О.Н., Козыкина Н.В., Табаринцева-Романова К.М.* Гуманитарная дипломатия Европейского Союза в XXI веке // Научный диалог. 2018. № 4. С. 191–204. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-191-204
- Гладков И.С.* Внешнеторговые связи ЕС и партнёрство ЕС с Японией, Республикой Корея // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 3 (15). С. 19–30.
- Дронишинец Н.П.* Сотрудничество между ЕС и Японией в области безопасности // Известия Уральского Федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 2 (188). С. 117–130.
- Казаков О.И.* «Мягкая сила» Японии и информационные войны // Япония наших дней. 2014. № 2 (20). С. 20–35.
- Казаков О.И.* Об отношении японцев к другим странам в 2017 году // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С. 279–291.
- Катасонова Е.Л.* Япония и проблемы «мягкой силы» // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 3. С. 56–70.
- Лебедева М.М.* «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
- Надараджа Х., Петровский В.Е., Попадюк О.А., Стрельцов Д.В., Федоровский А.Н.* Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Москва: Российский совет по международным делам. 2016.
- Носов М.Г.* Европа и Азия: экономика, политика, безопасность. Москва: Институт Европы РАН. 2010.
- Носов М.Г.* ЕС–Япония. Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Москва: Весь мир. 2015. С. 288–305.

⁴⁷ Япония стремится к нормализации с КНДР и открытию новой эры в связях с Китаем – премьер // Пульс планеты–Азия ИТАР-ТАСС. 20.01.2020.

Стрельцов Д.В. Политика Японии в Арктике // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 93–103. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103

Чижевская М.П. О роли Японии в политике Европейского Союза // Современная Европа. 2019. № 1 (87). С. 113–119. DOI: 10.15211/soveurope12019113118

Чижевская М.П. «Стратегическое партнёрство» ЕС и Японии // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 1 (52). С. 105–115. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.9

Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 53–67. DOI: 10.17976/jpps/2015.06.08

REFERENCES

Bogatyрева, O., Kozykina, N., Tabarintseva-Romanova, K. (2018). Gumanitarnaya diplomatiya Evropeiskogo Soyuza v XXI veke [Humanitarian Diplomacy of the European Union in the 21st Century]. *Nauchnyi dialog*, 4, 191–204. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-191-204. (In Russian).

Chizhevskaya, M. (2018). “Strategicheskoe partnerstvo” ES i Yaponii [Strategic partnership between the EU and Japan], *Mezhdunarodnye processy*, 1, 105–115. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.9. (In Russian).

Chizhevskaya, M. (2019). O roli Yaponii v politike Evropejskogo Soyuza [The role of Japan in the EU’s vision of East Asia]. *Sovremennaya Evropa*, 1, 113–119. DOI: 10.15211/soveurope12019113118. (In Russian).

Chugrov, S. (2015). Myagkoe prityazhenie Yaponii [Soft attraction of Japan]. *Polis. Political Studies*, 6, 53–67. DOI: 10.17976/jpps/2015.06.08. (In Russian).

Dronishinets, N. (2019). Sotrudnichestvo mezhdru ES i Yaponiei v oblasti bezopasnosti [Cooperation between the EU and Japan in global and regional security]. *Izvestia. Journal of the Ural Federal University. Social Sciences*, 2, 117–130. (In Russian).

Gladkov, I. (2010). Vneshnetorgovye svyazi ES i partnerstvo ES s Yaponiei, Respublikoi Koreya [Foreign trade relations of the European Union and the EU partnership with Japan, the Republic of Korea]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 3, 19–30. (In Russian).

Katasonova, E. (2017). Yaponiya i problemy “myagkoi sily” [Japan and the problems of the “soft power”]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, 3, 56–70. (In Russian).

Kazakov, O. (2014). “Myagkaya sila” Yaponii i informatsionnye voyny [Japan’s “soft power” and information wars]. *Yaponiya nashikh dnei*, 2(20), 20–35. (In Russian).

Kazakov, O. (2018). Ob otnoshenii yaponcev k drugim stranam v 2017 godu [Attitude of Japanese to other countries in 2017]. *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii*, 32, 279–291. (In Russian).

Lebedeva, M. (2017). “Myagkaya sila”: ponyatie i podkhody [Soft power: the concept and approaches]. *MGIMO Review of International Relations*, 3(54), 212–223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. (In Russian).

Nadaraja, H., Petrovsky, V., Popadyuk, O., Streltsov, D., Fedorovsky, A. (2016). *Aziatskie igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy* [Asian players in the Arctic: interests, opportunities, prospects]. Moscow: Russian International Affairs Council. (In Russian).

Nosov, M. (2010). *Evropa i Aziya: ekonomika, politika, bezopasnost'* [Europe and Asia: economy, politics, security]. Moscow: RAS Institute of Europe. (In Russian).

Nosov, M. (2015). ES–Yaponiya [EU–Japan]. In *Evropejskij soyuz v poiske global'noj roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [European Union in search of a new global role: politics, economy, security] (pp. 288–305). Moscow: Ves' mir. (In Russian).

Streletsov, D. (2017). Politika Yaponii v Arktike [Japan's Arctic policy]. *Comparative Politics*, 1, 93–103. DOI: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103> (In Russian).

* * *

Berkofsky, A. (2012). EU–Japan relations from 2001 to today: achievements, failures and prospects. *Japan Forum*, 24(3), 266–288. DOI: <https://doi.org/10.1080/09555803.2012.699453>

Felbermayr, G., Kimura, F., Okubo, T., Steininger, M. (2019). Quantifying the EU–Japan Economic Partnership Agreement. *Journal of the Japanese and International Economies*, 51, 110–128. DOI: 10.1016/j.jjie.2018.12.007

Fukunari, K. (2018). The Significance of the Japan–EU Economic Partnership Agreement. *Nippon.com*. Retrieved September 15, 2021, from https://www.nippon.com/en/currents/d00437/?cx_recs_click=true

Godement, F. (2018). Big in Asia: Behind the rhetoric of EU relations with China and Japan. European Council on Foreign Relations. Retrieved September 15, 2021, from https://ecfr.eu/article/commentary_big_in_asia_behind_the_rhetoric_eu_relations_china_and_japan/

Grübler, J., Reiter, O., Stehrer, R. (2021). *On the new gold standard in EU trade integration: reviewing the EU–Japan EPA*. Empirica-Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10663-021-09506-9>.

Herlin-Karnell, E. (2012). The EU as a Promoter of Values and the European Global Project. *German Law Journal*, 13(11), 1225–1246. DOI: 10.1017/S207183220001782X

Hosoi, Y. (2019). Japan–EU relations after World War II and strategic partnership. *Asia Europe Journal*, 17, 295–307. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00555-1>

Rodergas, E. (2018). *Opportunities for cooperation between EU and Japan on biotechnology in healthcare: Japan bioventures landscape 2020*. Tokyo: EU–Japan Centre for Industrial Cooperation.

Sekine, H. (2020). Partners in a Post Covid-19 International Order? The EU–Japan Strategic Partnership Agreement (SPA). *Institute for Security & Development Policy*. Retrieved September 15, 2021, from <https://isdsp.eu/publication/eu-japan-strategic-partnership-agreement-spa/>

Simón, L. (2018). Natural partners? Europe, Japan and security in the Indo-Pacific. *Real Instituto Elcano*. Retrieved September 15, 2021, from <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/e1b07fbd-ac5f-4d8d-874c-1fe1b7ff1892/Policy-Paper-2018-Natural-Partners-Europe-Japan-security-Indo-Pacific.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=e1b07fbd-ac5f-4d8d-874c-1fe1b7ff1892>

Stanley-Lockman, Z. (2018). New Opportunities for EU–Japan Defense Relations. *The Diplomat*. Retrieved September 15, 2021, from <https://thediplomat.com/2018/08/new-opportunities-for-eu-japan-defense-relations/>

Vosse, W. (2018). Renewable Energy Strategies Leading to Closer Europe–Japan Cooperation after 3/11. *Asian International Studies Review*, 19(2), 61–85. DOI: 10.16934/isr.19.2.201812.61

Watanabe, H. (2013). Japan–Europe Relations at the Multilateral Level. *The Japan Institute of International Affairs*. Retrieved September 15, 2021, from https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/digital_library/japan_s_diplomacy/160330_Hirotaka_Watanabe.pdf

Yazovskaya, O., Gudova, Iu. (2020). Problems of the Phenomenon of Empireness in the Postcolonial Era and Its Expression in Various Forms of Media Imperialism via the Examples of the USA, Japan and Russia. In: *Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity* (pp. 459–475). Ekaterinburg: Ural University Press. DOI: 10.15826/B978-5-7996-3081-2.32

Поступила в редакцию 21.06.2021

Received 21 June 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-57-75

Пандемия COVID-19 и её влияние на экономику Японии

Я.В. Дёмина, М.Г. Мазитова

Аннотация. Статья содержит обзор ситуации с распространением COVID-19 в Японии и оценку влияния пандемии на экономику страны. По состоянию на начало августа 2021 г. число случаев заражения коронавирусом в Японии превысило 0,9 млн, из них летальных исходов – более 15 тыс. В то же время в мире число инфицированных превысило 198 млн, а летальных исходов – 4,2 млн. В первую пятёрку стран по количеству случаев заражения входят США, Индия, Бразилия, Россия и Франция. Япония по этому показателю занимает 33-е место в мире. В стране Восходящего солнца ситуация с распространением коронавируса не столь серьёзная, как в упомянутых государствах, однако её экономика также понесла существенный урон. По итогам 2020 г. ВВП Японии снизился на 4,7 % (его спад оценивался разными международными организациями в пределах от 4,7 до 7,3 %). Принятие трёх дополнительных бюджетов для финансирования пакетов антикризисных мер увеличило нагрузку на государственный бюджет. В итоге доля заимствований в годовых поступлениях составила 64,1 %, что существенно превышает показатели 2009 г. (52,1 %), когда в мире разразился финансовый кризис. Также выросла безработица (впервые за 11 лет), а в числе наиболее пострадавших от пандемии отраслей оказались автомобилестроение, туризм и общественное питание. Олимпийские игры в Токио прошли без зрителей (как иностранных, так и местных), соответственно, 4 трлн иен, в которые оценивались расходы зарубежных туристов, местные фирмы не получили. Пандемия также отрицательно сказалась на функционировании цепочек поставок, снизив объёмы внешней торговли Японии в первой половине 2020 г. Однако её динамика быстро продемонстрировала положительный тренд. Распространение коронавируса вызвало рост продаж в онлайн-торговле, а также спровоцировало «перестройку» национального рынка труда (в связи с введением противоэпидемиологических мер существенно увеличилась доля работающих дистанционно). В целом пандемия негативно сказалась на экономике и обществе Японии. Но правительство страны в каждом кризисе видит возможности. Так, ожидается, что одним из последствий пандемии станут структурные изменения в экономике, а местные фирмы будут больше инвестировать в цифровизацию и зелёные технологии.

Ключевые слова: Япония, пандемия COVID-19, коронавирус, последствия пандемии, экономическая политика, меры государственной поддержки, внешняя торговля.

Авторы:

Дёмина Яна Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (адрес: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153). ORCID: 0000-0001-5208-7273; E-mail: yandemi@yandex.com

Мазитова Марина Гамиловна, научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (адрес: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153). ORCID: 0000-0002-7978-7904; E-mail: mazitova@ecrin.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Пандемия COVID-19 и её влияние на экономику Японии // Японские исследования. 2021. № 3. С. 57–75. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-57-75

The COVID-19 pandemic and its impact on the Japanese economy

Ya.V. Dyomina, M.G. Mazitova

Abstract. The article overviews the COVID-19 situation in Japan and its impact on the country's economy. As of the beginning of August 2021, the cumulative cases of coronavirus in Japan reached 0.9 million, of which about 15 thousand were lethal. At the same time, the cumulative cases in the world exceeded 198 million, and deaths – 4.2 million. The top five countries in terms of cumulative cases include the United States, India, Brazil, Russia, and France. According to this indicator, Japan ranks 33rd in the world. In Japan, the COVID-19 situation is not as serious as in the abovementioned states. However, its economy has also suffered significant damage. Japan's GDP decreased by 4.7 % in 2020 (its decline was estimated in the range from 4.7 to 7.3 %). Three additional budgets to finance anti-crisis packages have increased state budget borrowings. As a result, the share of borrowings amounted to 64.1 %, which is significantly higher than in 2009 (52.1 %) – the year of the global financial crisis. Unemployment increased for the first time in 11 years, and automotive industry, tourism, and public catering were among the industries most affected by the pandemic. The Olympic Games in Tokyo were held without spectators (both foreign and local), and local firms could not gain the 4 trillion yen which was estimated to be the expenses of foreign tourists. The pandemic also had a negative impact on value chains, reducing Japan's foreign trade in the first half of 2020. However, its dynamics recovered quickly. COVID-19 caused an increase in online trade, and also provoked a "restructuring" of the national labor market (due to anti-epidemic measures, the share of remote workers has significantly increased). In general, the pandemic has had a negative impact on the economy and society of Japan. But the national government sees an opportunity in every crisis. Thus, it is expected that one of the consequences of the pandemic will be structural changes in the economy, and local firms will invest more in digitalization and green technologies.

Keywords: Japan, COVID-19 pandemic, coronavirus, consequences of the pandemic, economic policy, government support measures, foreign trade.

Authors:

Dyomina Yana V., PhD (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-5208-7273; E-mail: yandemi@yandex.com

Mazitova Marina G., Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7978-7904; E-mail: mazitova@ecrin.ru

Conflict of interests. The authors declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Dyomina Ya.V., Mazitova M.G. (2021). Pandemiya COVID-19 i eyo vliyaniye na ekonomiku Yaponii [The COVID-19 pandemic and its impact on the Japanese economy]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 57–75. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-57-75

Как известно, активное распространение вируса SARS-CoV-2 (COVID-19) началось после вспышки этого заболевания в китайском городе Ухань. В настоящее время в мире выявлено более 198 млн¹ случаев заражения коронавирусом. В результате пандемии правительства многих стран были вынуждены закрыть границы и ввести ограничения на функционирование многих сфер экономической деятельности.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в Японии зафиксировано более 944 тыс.² случаев заражения (рис. 1). Среди стран мира по этому показателю Япония занимает 33-е место. В первую десятку входят США (34,8 млн случаев), Индия (31,7 млн случаев), Бразилия (19,9 млн случаев), Россия (6,3 млн случаев), Франция (6 млн случаев), Великобритания (5,9 млн случаев), Турция (5,8 млн случаев), Аргентина (4,9 млн случаев), Колумбия (4,8 млн случаев) и Испания (4,5 млн случаев).

По числу случаев заражения на 100 тыс. чел. среди рассматриваемых стран Аргентина занимает 1-е место – 10,9 тыс. (рис. 1). За ней следуют США (10,5 тыс.), Испания (9,6 тыс.), Бразилия и Колумбия (по 9,4 тыс.). Для Японии этот показатель равен 0,7 тыс.

Рис. 1. Число подтвержденных случаев заражения коронавирусом

Примечание: число случаев заражения – левая шкала, число случаев заражения на 100 тыс. чел. – правая шкала.

Источник: составлено по WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard (2021, August 4). World Health Organization. Retrieved August 4, 2021, from <https://covid19.who.int/table>

Число летальных исходов в Японии (15,2 тыс. чел.) было гораздо ниже, чем в вышеуказанных странах (рис. 2). В США смертность составила 608,3 тыс. чел., в Бразилии – 556,8 тыс. чел., в Индии – 425,2 тыс. чел.

¹ WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard (2021, August 4). World Health Organization. Retrieved August 4, 2021, from <https://covid19.who.int/table>

² По состоянию на 4 августа 2021 г.

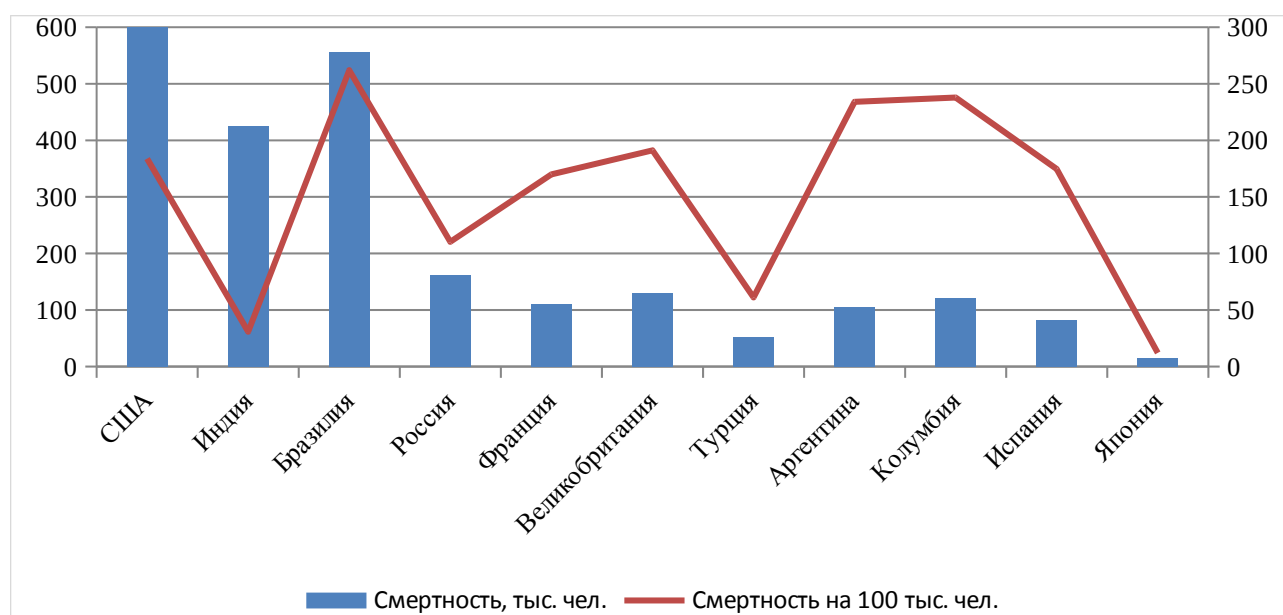

Рис. 2. Число летальных исходов от заражения коронавирусом

Примечание: смертность – левая шкала, смертность на 100 тыс. чел. – правая шкала.

Источник: составлено по WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard (2021, August 4). World Health Organization. Retrieved August 4, 2021, from <https://covid19.who.int/table>

Показатель смертности в расчёте на 100 тыс. чел. для Японии (12) был также существенно ниже, чем в других рассматриваемых странах (рис. 2). Так, для Бразилии он равен 262, для Колумбии – 237,8, для Аргентины – 234.

Противоэпидемиологические меры, принятые в Японии

Первый подтвержденный случай заболевания COVID-19 в Японии был зарегистрирован 16 января 2020 г.³ В ответ на вспышку коронавируса власти страны приняли ряд мер, направленных на охрану здоровья населения и сдерживание эпидемии. В связи с пандемией Олимпийские игры 2020 года в Токио были перенесены на 23 июля – 8 августа 2021 г. Также Япония ввела ограничения на въезд иностранцев из 159 стран⁴ (запрет действует в отношении лиц, посетивших территории, затронутые COVID-19, в течение последних 14 дней).

Можно выделить четыре периода (четыре волны коронавируса) введения и отмены режима чрезвычайного положения (ЧП) в Японии. Впервые премьер-министр С. Абэ объявил чрезвычайное положение 7 апреля 2020 г. в семи префектурах (Токио, Сайтама, Канагава, Тиба, Осака, Хёго и Фукуока). 16 апреля режим ЧП было решено ввести на всей территории страны (начиная с 6 мая). Это позволило губернаторам префектур просить людей оставаться дома, закрывать школы и общественные учреждения, строить временные

³ Policy Responses to COVID-19 (2021, April 1). *International Monetary Fund*. Retrieved August 3, 2021. <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19#J>

⁴ Border enforcement measures to prevent the spread of novel coronavirus (COVID-19) (2021, August 2). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. Retrieved August 3, 2021. https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e_001053.html

медицинские учреждения и принимать меры по поддержке поставок медицинских и продовольственных товаров.

На фоне снижения новых подтвержденных случаев заболевания COVID-19 14 мая чрезвычайное положение было отменено в 39 из 47 префектур, а в префектурах Осака, Киото и Хёго – 21 мая. На всей территории страны режим ЧП был отменен 25 мая. Ограничения на поездки между префектурами были сняты 19 июня.

Второй период ограничений начался 15 июля, когда в Токио были введены максимально жёсткие меры. Власти просили жителей воздержаться от поездок за пределы Токио, а караоке-залы и рестораны, где продают алкоголь, должны были закрываться к 10 часам вечера. В августе префектуры Айти, Осака, Миядзаки и Окинава приняли аналогичные меры. В сентябре в связи со снижением числа инфицированных меры по ограничению часов работы ресторанов и караоке-залов были отменены.

Новая волна заражений привела к тому, что 19 ноября уровень опасности COVID-19 в Токио был поднят до самого высокого. Власти попросили жителей воздержаться от выхода на улицу, а караоке-залы и рестораны, где продают алкоголь, снова должны были закрываться к 10 часам вечера. Ещё семь префектур (Хоккайдо, Ибараки, Сайтама, Тиба, Канагава, Айти и Осака) также ввели такие ограничения. В то же время Саппоро и Осака были временно исключены из правительственной программы субсидирования внутренних поездок (Go-to-Travel). Кампания Go-to-Travel на общенациональном уровне была временно приостановлена 14 декабря (ограничения начали действовать с 28 декабря 2020 г.).

Режим ЧП в Токио и трёх соседних префектурах (Сайтама, Канагава и Тиба) был объявлен 7 января 2021 г. Через неделю – 14 января – премьер-министр Ё. Суга добавил к этому списку ещё семь префектур (Гифу, Айти, Киото, Осака, Хёго, Тотиги и Фукуока). Правительство сократило рабочее время ресторанов и баров до 8 часов вечера, ограничило число зрителей на крупных мероприятиях до 5 тыс. человек, а также призвало компании уменьшить число сотрудников в офисах на 70 % и перевести их на дистанционную работу. Жителям рекомендовали оставаться дома и воздерживаться от посещения общественных мест, особенно после 8 часов вечера. 26 февраля режим ЧП был отменён, за исключением района Большого Токио (Токио, Сайтама, Канагава и Тиба). В этих четырёх префектурах чрезвычайное положение было отменено 21 марта. Однако уже в конце марта число вновь зарегистрированных случаев заражения в Осаке превысило показатели января, что дало повод губернатору префектуры Ё. Хирофуми говорить о начале четвёртой волны COVID-19 в Японии [Takahashi 2021].

Накануне проведения Олимпийских игр (8 июля 2021 г.) в Токио был введён очередной режим ЧП⁵. Зрителям запретили посещать олимпийские объекты в Токио и трёх соседних префектурах – Канагава, Тиба и Сайтама⁶. Таким образом, Игры стартовали 23 июля на Национальном стадионе в Токио при пустых трибунах. Несмотря на то, что ежедневный показатель новых случаев заболевания COVID-19 достиг в конце июля рекордных уровней,

⁵ Токио вводит ЧП перед Олимпиадой, зрителям запретят посещение Игр. *Nippon.com*. 8.07.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/reu20210708KCN2EE10M-ORUTP/> (дата обращения: 03.08.2021).

⁶ Олимпийские объекты в районе Токио будут закрыты для зрителей. *Nippon.com*. 9.07.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021070801134/> (дата обращения: 03.08.2021).

премьер-министр Ё. Суга отверг возможность прекращения Олимпийских игр⁷. Однако 30 июля власти страны решили ввести режим ЧП в префектурах Сайтама, Тиба, Канагава и Осака, а также продлить его действие в префектурах Токио и Окинава до 31 августа. Усиленные антивирусные ограничения были введены в префектурах Хоккайдо, Исигава, Хёго, Киото и Фукуока⁸.

Стоит отметить, что, несмотря на введение режима ЧП и отмену занятий в школах и университетах, все регламентации властей носили рекомендательный характер (так как ограничение прав человека считается в стране недопустимым). При этом особенность японского общества состоит в том, что данные «просьбы» воспринимаются как «требования», и их неисполнение влечёт за собой «потерю лица» [Белов, Тихоцкая 2020, с. 16]. Так, ряд японских чиновников были оштрафованы, получили предупреждения или лишились своих должностей, а несколько парламентариев покинули свои партии в связи с нарушением введённых ограничений⁹.

Что касается международных поездок, то с сентября 2020 г. Япония разрешила въезд в страну всех иностранных граждан, имеющих статус резидента. Для стимулирования двусторонних деловых поездок были введены *Business Track* и *Residence Track*. Договор был подписан с 11 странами: Брунеем, Камбоджей, Китаем, Лаосом, Мьянмой, Малайзией, Сингапуром, Республикой Корея, Тайванем, Таиландом и Вьетнамом.

Residence Track позволяет трансграничным путешественникам въезжать, в исключительных случаях, в Японию, но требует, чтобы они оставались дома или в определённых местах в течение 14 дней. Эта система предназначена в основном для долгосрочных путешествий.

Business Track позволяет трансграничным путешественникам въезжать, в исключительных случаях, в Японию или соседнюю с ней страну. Кроме того, эта система позволяет им заниматься некоторыми видами деловой активности¹⁰ в течение 14-дневного периода пребывания дома (частично ослабляет ограничения на такую деятельность) при условии, что они соблюдают дополнительные карантинные меры. *Business Track* предназначен в основном для краткосрочных деловых поездок.

30 октября правительство Японии приняло решение снять запрет на въезд в страну для граждан Австралии, Брунея, Китая (включая Гонконг и Макао), Новой Зеландии, Республики Корея, Сингапура, Тайваня, Таиланда и Вьетнама. Однако с 18 марта 2021 г. действие

⁷ Премьер-министр Японии отвергает возможность прекращения Олимпийских игр из-за всплеска заражений. *Nippon.com*. 28.07.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021072701071/> (дата обращения: 03.08.2021).

⁸ Власти Японии приняли решение расширить действие режима ЧС. *NHK World – Japan*. 30.07.2021. <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ru/news/313615/> (дата обращения: 4.08.2021).

⁹ В Японии начальник отдела Министерства здравоохранения смещён с должности из-за участия в позднем застолье. *Nippon.com*. 31.03.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021033001173> (дата обращения: 3.08.2021); Депутат японского парламента покидает Либерально-демократическую партию из-за посещения ночного клуба во время чрезвычайного положения. *Nippon.com*. 18.02.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021021700877/> (дата обращения: 03.08.2021); Депутат партии правящей коалиции парламента Японии оставит должность депутата, три депутата от ЛДП выходят из партии из-за того, что посещали хостес-клубы во время чрезвычайного положения. *Nippon.com*. 2.02.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021020100614/> (дата обращения: 03.08.2021).

¹⁰ Деловая активность должна быть ограничена необходимым минимумом (поездки между домом и офисом), нельзя пользоваться общественным транспортом, необходимо избегать мест массового скопления людей.

Business Track и *Residence Track* было приостановлено до тех пор, пока не будет отменен режим ЧП¹¹.

С 19 марта 2021 г. все путешественники, включая граждан Японии, при въезде в страну должны представить сертификат об отрицательном результате теста на коронавирус, проведённого за 72 часа до времени вылета рейса¹². Тем, кто не представит справку об отрицательном результате теста, будет отказано во въезде в Японию в соответствии с Законом о карантине. Авиакомпании будут отказывать в посадке тем, у кого её нет.

Для сдерживания эпидемии коронавируса правительство Японии также приняло решение о вакцинации населения. Она началась 17 февраля 2021 г. с медицинских работников¹³. Вакцинация пожилых людей (65 лет и старше, примерно 36 млн человек) проводится с 12 апреля¹⁴; людей в возрасте от 18 до 64 лет – с 17 июня¹⁵. Премьер-министр Ё. Суга планировал завершить вакцинацию населения к ноябрю¹⁶.

Власти страны договорились о поставках вакцины трёх компаний: американских Pfizer Inc. (для 60 млн чел.) и Moderna Inc. (для 25 млн чел.) и британо-шведской AstraZeneca PLC (для 60 млн чел.) [Ishizaka 2020]. Жителям Японии предоставили право выбора вакцины. При этом международный опрос Всемирного экономического форума и французского социологического агентства Ipsos показал, что только 49 % японских респондентов готовы привиться от COVID-19 в течение месяца после того, как вакцина станет доступной. Для сравнения – в Великобритании и Бразилии положительно настроены 85 % опрошенных¹⁷. На конец июля 2021 г. менее четверти населения Японии были полностью привиты от COVID-19, при этом около 35 % получили по крайней мере один укол¹⁸.

¹¹ Application for Visa for foreign nationals eligible for Phased Measures toward Resuming Cross-Border Travel (2021, May 11). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. Retrieved August 3, 2021. https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page22e_000921.html

¹² Border enforcement measures to prevent the spread of novel coronavirus (COVID-19) (2021, August 2). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. Retrieved August 3, 2021. https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e_001053.html

¹³ В Японии началась вакцинация от нового коронавируса. *Nippon.com*. 18.02.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021021700144/> (дата обращения: 3.08.2021).

¹⁴ В Японии вакцинация пожилых людей от нового коронавируса начнётся 12 апреля. *Nippon.com*. 25.02.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021022400999/> (дата обращения: 03.08.2021).

¹⁵ Japan starts vaccinating people aged 18 or older at state-run centers (2021, June 17). *Kyodo News*. Retrieved August 3, 2021. <https://english.kyodonews.net/news/2021/06/16b2f5c663ec-japan-starts-vaccinating-people-aged-18-or-older-at-state-run-centers.html>

¹⁶ PM Suga vows to finish vaccinating Japan's population by November (2021, June 9). *Kyodo News*. Retrieved August 3, 2021. <https://english.kyodonews.net/news/2021/06/71bca85c4b65-japan-pm-aims-to-cut-olympic-visitors-finish-vaccination-by-nov.html>

¹⁷ Менее половины опрошенных в Японии хотели бы вакцинироваться в течение месяца с момента, когда вакцина станет доступна. *Nippon.com*. 16.03.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021031300309/> (дата обращения: 03.08.2021).

¹⁸ Japan PM Suga asks Pfizer CEO to bring forward COVID-19 delivery amid shortage (2021, July 23). *Kyodo News*. Retrieved August 3, 2021. <https://english.kyodonews.net/news/2021/07/cdca22a18aa1-suga-asks-pfizer-ceo-to-bring-forward-covid-19-delivery-amid-shortage.html>

Экономические меры борьбы с COVID-19

Чрезвычайный экономический пакет мер против COVID-19 был одобрен 7 апреля 2020 г. (частично пересмотрен 20 апреля) в размере 117 трлн иен¹⁹ (20,9 % ВВП 2019 г.). В него также были включены оставшиеся части ранее объявленных пакетов: пакет стимулирующих мер от декабря 2019 г. (принят в январе 2020 г.) и два пакета ответных мер против COVID-19 от 13 февраля и 10 марта 2020 г. Первый дополнительный бюджет на 2020 фин.г. для реализации этих мер был принят 30 апреля.

Апрельский пакет мер был направлен на следующие цели²⁰:

- разработка превентивных мер против распространения инфекции и строительство лечебных учреждений (расходы в размере 0,4 % ВВП в 2019 г.);
- поддержка занятости и бизнеса (15,8 % ВВП);
- восстановление экономической деятельности после отмены режима ЧП (1,5 % ВВП);
- восстановление устойчивости экономической структуры (2,8 % ВВП);
- повышение готовности к вызовам будущего (0,3 % ВВП).

Ключевые меры принятого в апреле Чрезвычайного пакета включают в себя денежные выплаты каждому резиденту Японии (в размере 100 тыс. иен) и пострадавшим фирмам (2 млн иен микро-, малому и среднему бизнесу и 1 млн иен индивидуальным предпринимателям), а также отсрочку налоговых платежей и взносов на социальное обеспечение и предоставление льготных кредитов государственных и частных финансовых учреждений.

27 мая правительство Японии объявило о втором проекте дополнительного бюджета на 2020 фин.г. (принят 12 июня) стоимостью 31,9 трлн иен²¹. Средства были выделены на поддержку бизнеса и домашних хозяйств, охрану здоровья, трансферты местным органам власти и увеличение резервного фонда COVID-19. Конкретные меры включают в себя следующее: расширение субсидий на поддержку занятости (страхование занятости и финансовая поддержка работников, занятых менее 20 часов в неделю), поддержка медицинских учреждений (снабжение медицинскими масками, финансирование разработки вакцин и др.), предоставление субординированных кредитов государственными финансовыми учреждениями пострадавшим фирмам, субсидии пострадавшим фирмам для покрытия арендных платежей и др.

8 декабря 2020 г. правительством Японии были приняты Всеобъемлющие экономические меры по защите жизни и жизнедеятельности населения (полное название – *Comprehensive Economic Measures to Secure People's Lives and Livelihoods toward Relief and Hope*). Для финансового обеспечения этих мер 15 декабря правительство утвердило проект

¹⁹ Emergency Economic Measures for Response to COVID-19 to protect the lives and lifestyles of the public and move toward economic recovery (2020, April 20). *Prime Minister of Japan and His Cabinet*. Retrieved August 3, 2021. http://japan.kantei.go.jp/ongoingtopics/_00019.html

²⁰ Policy Responses to COVID-19 (2021, April 1). *International Monetary Fund*. Retrieved August 3, 2021. <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19#J>

²¹ Second Supplementary Budget (Overview) (2020, June 12). *Prime Minister of Japan and His Cabinet*. Retrieved August 3, 2021. http://japan.kantei.go.jp/ongoingtopics/_00028.html

третьего дополнительного бюджета на 2020 фин.г. общей стоимостью 15,4 трлн иен²². Он включает расходы на сдерживание распространения COVID-19 (расширение текущих мер реагирования на COVID-19), содействие структурным изменениям в экономике после пандемии (стимулирование фирм инвестировать в цифровизацию и зелёные технологии), обеспечение безопасности и оказание чрезвычайной помощи в связи со стихийными бедствиями и т.д.

16 марта 2021 г. правительство Японии одобрило ряд чрезвычайных мер по финансовой поддержке населения. Домохозяйства с низким доходом, имеющие детей, получают по 50 тыс. иен на каждого ребёнка. Пакет мер также включает расширение субсидий для некоммерческих организаций, которые управляют кафетериями «детские столовые» (*кодомо сёкудо*), предоставляющими бесплатное питание нуждающимся детям. Для реализации этих мер правительство использует резервные фонды на сумму более 500 млрд иен²³.

Для поддержки экономики страны в условиях эпидемии Банк Японии решил проводить сверхмягкую кредитно-денежную политику. Среди мер Банка – программа по предоставлению средств на выгодных условиях финансовым учреждениям, по сути означающая предоставление беспроцентных необеспеченных кредитов малому бизнесу. Кроме того, Банк Японии существенно увеличил объём покупок коммерческих бумаг и корпоративных облигаций для поддержки крупных компаний.

Влияние пандемии на экономику Японии

И японские, и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что ущерб экономике страны, нанесённый COVID-19, достаточно велик. Уровень безработицы вырос впервые за 11 лет, составив 2,8 % в 2020 г. Число безработных достигло 1,91 млн человек, а временно отстраненных от работы сотрудников – 2,56 млн чел., что является самым высоким показателем с 1968 г.²⁴.

В число наиболее пострадавших отраслей экономики попали автомобилестроение (спад продаж автомобилей внутри страны по итогам 2020 г. оценивается в 8 %, в целом в мире – на 17 %) [Белов, Тихоцкая 2020, с. 18], туризм (въездной туризм практически полностью прекратился, для стимулирования внутреннего туризма была принята программа Go-to-Travel) и общественное питание.

Автомобильная промышленность пострадала не только из-за снижения спроса на транспортные средства и приостановки сборочных линий в связи с распространением коронавируса, но и из-за глобальной нехватки чипов (вызванной повышенным спросом на полупроводники, используемые в самых разных продуктах, от ноутбуков и игровых консолей до автомобилей). Однако по итогам первого полугодия 2021 г. продажи автомобилей в Японии и в целом в мире возросли, лидером второй год подряд стала

²² Зависимость от госзаказов на уровне 64,1 %: разбухание расходов в третьем допбюджете на 2020 финансовый год из-за мер борьбы с коронавирусом. *Nippon.com*. 19.12.2020. <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00893/> (дата обращения: 3.08.2021).

²³ В Японии готовят новые меры поддержки нуждающихся. *Nippon.com*. 17.03.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021031600178/> (дата обращения: 03.08.2021).

²⁴ В Японии ухудшается ситуация с занятостью: безработица растёт впервые за 11 лет. *Nippon.com*. 6.02.2021. <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00930/> (дата обращения: 03.08.2021).

японская корпорация Toyota. Устойчивый спрос в Северной Америке и Китае позволил Toyota и другим автогигантам существенно увеличить объёмы продаж по сравнению с 2020 г. (31,3 % прирост продаж у Toyota, 27,9 % – у Volkswagen, 25,8 % – у Honda и 21,5 % – у Nissan)²⁵.

Въездной туризм практически полностью отсутствует из-за действующих запретов, внутренний – существенно снизился из-за опасений распространения пандемии. К тому же многие японские школы сократили летние каникулы в 2020 г., чтобы компенсировать приостановку занятий весной. Так, в период летних каникул 2019 г. было зафиксировано 75,4 млн туристов (из них жителей Японии – 72,4 млн чел.), 2020 г. – 38,05 млн туристов (жителей Японии – 38 млн чел.). В 2021 г. поток внутренних туристов оценивается в 40 млн чел.²⁶.

В связи с пандемией расходы населения на рестораны и прочие заведения общественного питания резко сократились [Kihara, Kajimoto 2021], однако увеличилось потребление полуфабрикатов и готовых обедов. По оценкам европейских экспертов, прирост их потребления по итогам 2020 г. составил 10,6 % [Euromonitor Consulting 2020].

Первоначальные оценки спада ВВП Японии за 2020 г. колебались в пределах от 4,7 % (Банк Японии) до 7,3 % (ОЭСР) [Белов, Тихоцкая 2020, с. 17]. В итоге ВВП страны снизился на 4,7 % [OECD 2021; IMF 2021]. На самом деле, спад ВВП был вызван не только пандемией. Он начался ещё в последней четверти 2019 г. (6,3 %), что было вызвано сжатием внутреннего спроса вследствие повышения с 1 октября потребительского налога с 8 до 10 % [Белов, Тихоцкая 2020, с. 17]. В первом квартале 2020 г. спад был незначительным (2,2 % в годовом выражении), но во втором – крупнейшим в послевоенной истории Японии (29,2 %) [Takeda 2020; Takumori 2021]. Третий квартал продемонстрировал значительный рост (22,9 %), что отчасти было связано с реакцией потребителей на различные правительственные программы субсидирования.

По итогам 2020 фин. г. (закончился в марте 2021 г.) ВВП сократился на 4,6 % [Inaba 2021], хотя по оценкам японских и западных аналитиков прогнозировалось более существенное снижение (5,37 % и 5,6 % соответственно) [Nakamura 2021; Kaori 2020]. Эксперты ожидают, что в текущем финансовом году (закончится в марте 2022 г.) экономика Японии продемонстрирует самый резкий за последние десятилетия подъём – рост на 3,42 % (оценки 35 экономистов, опрошенных Японским центром экономических исследований) [Nakamura 2021]. Международный валютный фонд и ОЭСР дают более скромные оценки: прирост на 2,8 % и 2,6 % соответственно в 2021 г. и на 3 % и 2 % соответственно в 2022 г. [OECD 2021; IMF 2021]. Положительный прогноз был отчасти основан на эффекте от проведения Олимпийских игр в Токио.

Как известно, Игры, которые первоначально планировалось провести с 24 июля по 9 августа 2020 г., были отложены на год после того, как С. Абэ и Международный олимпийский комитет (МОК) обсудили целесообразность проведения этого мероприятия

²⁵ Toyota retains crown as world's best-selling automaker in Jan.-June (2021, July 29). *Kyodo News*. Retrieved August 3, 2021. <https://english.kyodonews.net/news/2021/07/72dd575ee8ff-breaking-news-toyota-remains-global-top-seller-ahead-of-volkswagen.html>

²⁶ Летний внутренний туризм в Японии в 2021 году: 40 миллионов путешественников, показатели пока гораздо ниже докризисного уровня. *Nippon.com*. 31.07.2021. https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01077/?cx_recs_click=true (дата обращения: 3.08.2021).

в условиях пандемии. Несмотря на рост числа случаев заболевания COVID-19 и запрет на въезд в Японию для всех иностранцев, введённый в январе 2021 г., глава оргкомитета Ё. Мори заявил, что он по-прежнему привержен проведению Игр [Ishizaka, Kojima 2021]. В то же время опросы общественного мнения, проведенные NHK и Японским институтом изучения прессы, показали, что почти 80 % и 70 % респондентов соответственно считали, что Игры должны быть отменены или снова отложены. В поддержку проведения Олимпиады выступали японские бизнесмены: они рассчитывали, что приток туристов составит 40 млн человек, а их расходы превысят 4 трлн иен.

Как отмечалось выше, Игры в Токио прошли без зрителей. По оценкам японских экспертов, это чревато существенными убытками. Так, почётный профессор Университета Кансай К. Миямото утверждает, что экономические потери составят 2,4 трлн иен²⁷. Эти Игры оцениваются как самая дорогостоящая летняя Олимпиада в современной истории: по данным издания Wall Street Journal (со ссылкой на Коллегию аудиторов Японии), затраты превысили 25 млрд долл. (из государственной казны было выделено более 15 млрд долл.) при изначально заявленном бюджете в 7,4 млрд долл. Перенос Игр на год также увеличил их стоимость – на 2,8 млрд долл. [Успенская 2021].

Однако зарубежные аналитики придерживаются мнения, что даже отмена Олимпийских игр не нанесла бы большого ущерба экономике Японии [Chen 2020]. Так, в отчете швейцарского инвестиционного банка UBS говорится, что отмена Игр снизила бы рост ВВП только на 0,2 % в годовом исчислении, учитывая, что прямые расходы составляют всего лишь около 1 трлн иен.

К. Мацуи, главный стратег Goldman Sachs Research, также считает, что с макроэкономической точки зрения общее воздействие отмены Олимпиады было бы ограниченным, так как инвестиции в общественный транспорт, инфраструктуру и развитие сети отелей уже были осуществлены. По её словам, фактический эффект от проведения Олимпийских игр составляет всего около 7 млрд долл., что ничтожно мало для экономики размером в 5 трлн долл.

Наибольшие опасения экономистов вызывает разбухший государственный бюджет. На текущий финансовый год парламент Японии одобрил государственный бюджет на рекордную сумму более 106 трлн иен, или около 1 трлн долл.²⁸

Бюджет на 2020 фин. г. изначально составлял 102,7 трлн иен. Однако меры противодействия COVID-19 привели к принятию трёх дополнительных бюджетов и увеличению итоговой суммы до 175,7 трлн иен. Первоначальный бюджет предусматривал сумму заимствований в размере 32,6 трлн иен, однако в итоге она достигла рекордных 112,5 трлн иен. При этом доля заимствований в годовых поступлениях составила 64,1 %, что существенно превышает показатели 2009 г. (52,1 %), когда в мире разразился финансовый кризис.

Специалисты обеспокоены тем, что массированный выпуск государственных облигаций по сути представляет собой перекладывание долгов на будущие поколения.

²⁷ Япония может потерять 2413,3 млрд иен в случае проведения Олимпийских игр в Токио без зрителей // *Nippon.com*. 25.01.2021. <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021012200956/> (дата обращения: 3.08.2021).

²⁸ В Японии одобрен рекордный госбюджет на 2021 финансовый год. *Общество «Россия-Япония»*. 27.03.2021. <https://russijapansociety.ru/?p=27573> (дата обращения: 03.08.2021).

А в условиях старения и сокращения численности населения Японии проблема соблюдения финансовой дисциплины встаёт особенно остро.

Изучение реакции домохозяйств на правительственную программу единовременных выплат показало, что скачок потребительских расходов наблюдался в течение первой недели после получения пособий. Умеренно повышенный уровень расходов был зафиксирован в течение месяца. Но в целом исследователи отмечают довольно слабую отдачу от программы, при этом ухудшение финансового положения людей в условиях пандемии разительно отличается по секторам экономики и демографическим группам [Kubota, Onishi, Toyama 2020, p. 90; Kaneda, Kubota, Tanaka 2021, p. 19].

Поддержка малых и средних предприятий (МСП), серьёзно пострадавших от COVID-19, дала более существенные результаты. Так, число корпоративных банкротств в Японии снизилось до минимума за последние 30 лет [Goodman, Gerstel 2020]. Особенно заметно возросло использование кредитных гарантий владельцами ресторанного бизнеса, катастрофически пострадавшего от пандемии. Однако кредиты используются ими для восполнения дефицита доходов, а не для осуществления капиталовложений, что в будущем может привести к проблемам с их погашением, если компании не смогут успешно перестроиться для работы в эпоху после COVID-19 [Yamori, Aizawa 2021, p. 199]. Кроме того, произошёл рост убыточных «компаний-зомби», поддерживаемых правительственными мерами.

Анализ деятельности японских ТНК не выявил положительного влияния мер государственной поддержки в 2020 г. Пандемия оказала существенное влияние на показатели занятости, объёмы продаж и инвестиций японских корпораций, функционирующих на территории Восточной Азии, а также нанесла существенный урон глобальным цепочкам поставок (экспорт в Японию и в третьи страны значительно снизился) [Zhang 2021, p. 26].

Так, в первом квартале 2020 г. общий объём продаж китайских филиалов²⁹ японских ТНК снизился на 21,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Во втором квартале наблюдалось незначительное восстановление: продажи выросли на 2,6 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Начиная с третьего квартала наметился устойчивый положительный тренд: продажи выросли на 15,2 % в третьем квартале и на 21 % в четвёртом [Ministry... 2021].

В то же время показатели деятельности филиалов японских ТНК в странах АСЕАН, Европе и Северной Америке в течение всего 2020 г. были гораздо ниже показателей 2019 г. с наибольшим падением во втором квартале. Так, общий объём продаж в первом квартале 2020 г. снизился на 8,2 %, 10,9 % и 7,2 %; во втором квартале – на 44,1 %, 33,2 % и 42,6 %. Темпы падения продаж начали снижаться лишь в четвёртом квартале, составив 2,1 %, 0,9 % и 2,9 % соответственно [Ministry... 2021].

Японские ТНК в период пандемии сократили объёмы инвестирования даже в странах, относительно менее пострадавших от COVID-19. Наибольшее сокращение было характерно для второго квартала 2020 г. Так, инвестиции в Индонезию и Малайзию сократились примерно на 50 %, Индию, Сингапур и Тайвань – на 60 %, страны Европы – на треть [Ministry... 2021]. С третьего квартала началось незначительное восстановление объёмов

²⁹ Под китайскими филиалами понимаются филиалы японских ТНК в КНР и Гонконге.

инвестирования, при этом наблюдалась переориентация на такие страны, как Мексика, Нидерланды и Вьетнам [Zhang 2021, p. 61].

Влияние пандемии на внешнюю торговлю Японии

Япония является пятым по значимости³⁰ экспортёром и импортёром в мире. В свою очередь внешняя торговля играет важную роль в экономике страны. Страна является крупным экспортером промышленных изделий с высокой добавленной стоимостью. Основные рынки сбыта продукции Японии – страны Восточной Азии и США. Основу импорта составляет продукция топливно-энергетического комплекса, продукция электромашиностроения и общего машиностроения (табл. 1).

Таблица 1. Географическая и товарная структура внешней торговли Японии.

Экспорт				Импорт			
	2018	2019	2020		2018	2019	2020
Всего, млрд долл.	738,2	705,8	641,0	Всего, млрд долл.	749,1	721,0	634,7
Доля отдельных стран, %							
Китай	19,5	19,1	22,0	Китай	23,2	23,5	25,8
США	19,1	19,9	18,5	США	11,2	11,3	11,3
Республика Корея	7,1	6,6	7,0	Австралия	6,1	6,3	5,6
Тайвань	5,7	6,1	6,9	Тайвань	3,6	3,7	4,2
Гонконг	4,7	4,8	5,0	Республика Корея	4,3	4,1	4,2
Доля основных товарных групп, %							
(84) Машины, оборудование и механизмы; части и принадлежности	20,9	21,1	19,1	(27) Топливо минеральное, нефть и продукты перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	23,3	21,6	16,6
(87) Средства наземного транспорта, кроме ж/д или трамвайного подвижного состава; их части и принадлежности	20,0	19,4	19,0	(85) Электрические машины и оборудование, детали; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, их части и принадлежности	13,5	13,7	15,2
(85) Электрические машины и оборудование, детали; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, их части и принадлежности	14,8	14,6	16,0	(84) Машины, оборудование и механизмы; их части	9,7	9,8	10,6

Источник: составлено по данным ITC Trade Map. <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 03.08.2021).

³⁰ По данным 2020 г. Statistics Database. UNCTAD. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 03.08.2021).

Япония прочно встроена в мировое хозяйство, и пандемия COVID-19 продемонстрировала уязвимость её экономики в условиях глобального кризиса. На первом этапе пандемия привела к краткосрочному нарушению цепочек поставок, а в дальнейшем стала причиной долгосрочного падения спроса.

Что касается импорта, то особенно резким было его падение в феврале и мае 2020 г.: в феврале его объём уменьшился на 13,6 %, а в мае на 24,3 % по сравнению с показателями 2019 г. (рис. 3, 4, 5).

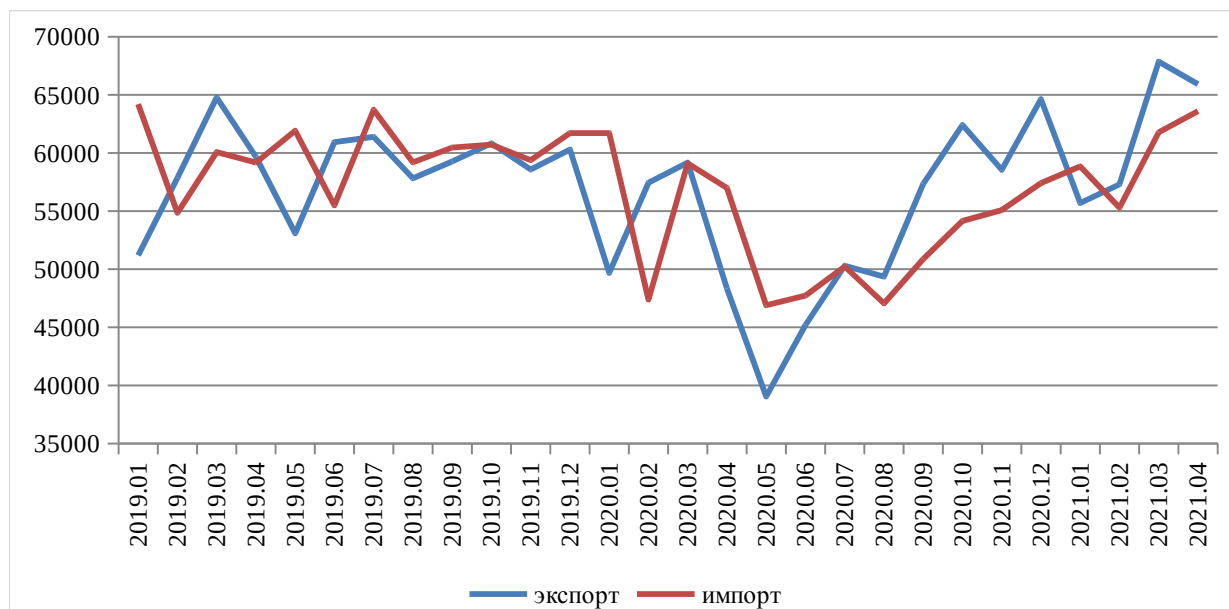

Рис. 3. Динамика внешней торговли Японии, млн долл.

Источник: составлено по данным ITC Trade Map. <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 03.08.2021).

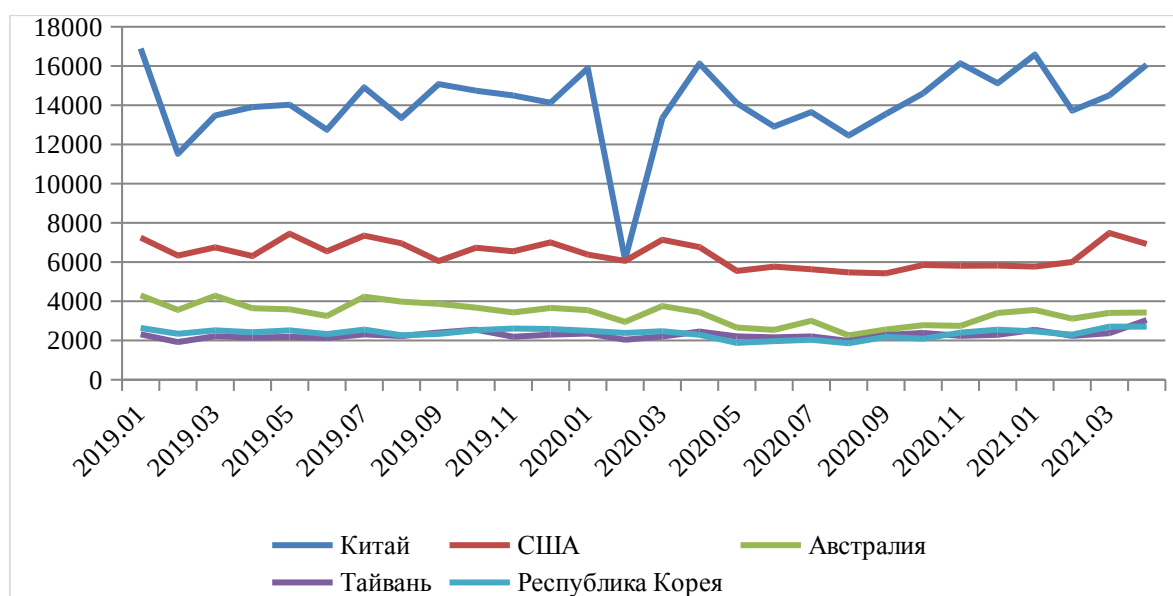

Рис. 4. Динамика импорта Японии из основных стран-партнеров, млн долл.

Источник: составлено по данным ITC Trade Map. <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 03.08.2021).

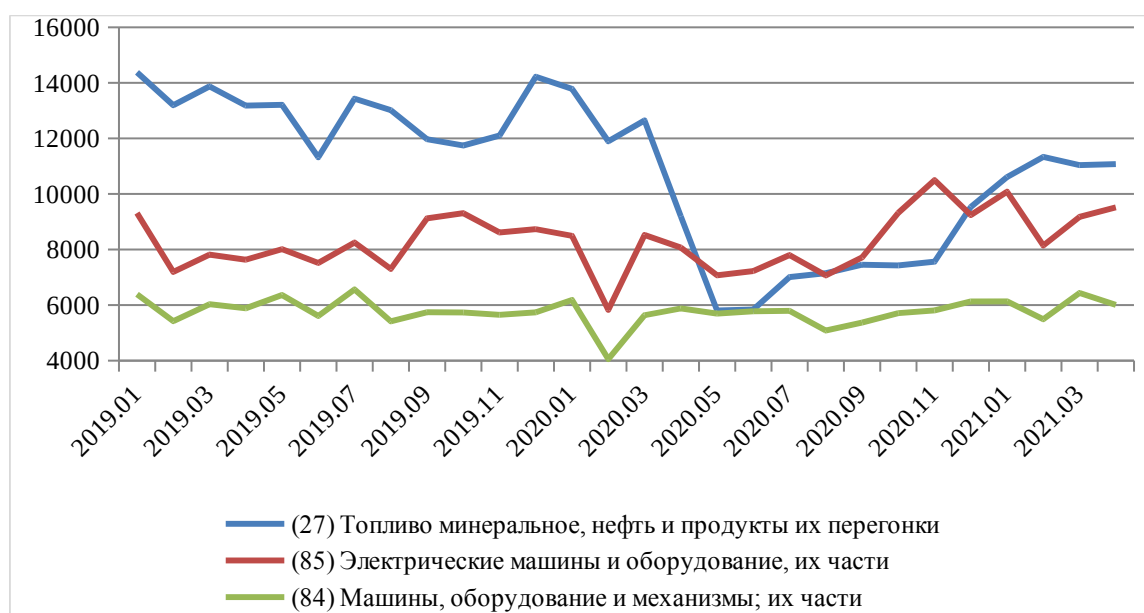

Рис. 5. Динамика импорта Японии по основным товарным группам, млн долл.

Источник: составлено по данным ITC Trade Map. <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 03.08.2021).

Ослабление глобального спроса и продолжающаяся пандемия вызвали резкое сокращение экспортных поставок. Так, в апреле 2020 г. экспорт Японии уменьшился на 19 % по отношению к соответствующему месяцу 2019 г., а в мае 2020 г. – на 26,4 %. Такое сокращение было вызвано существенным уменьшением поставок за рубеж (главным образом в США) средств транспорта (на 61,2 %), а также машин и оборудования (на 20,6 %) ³¹. Падение показателей внешней торговли наблюдалось и в последующие месяцы, но достаточно быстро наметилась положительная динамика (рис. 3, 6, 7).

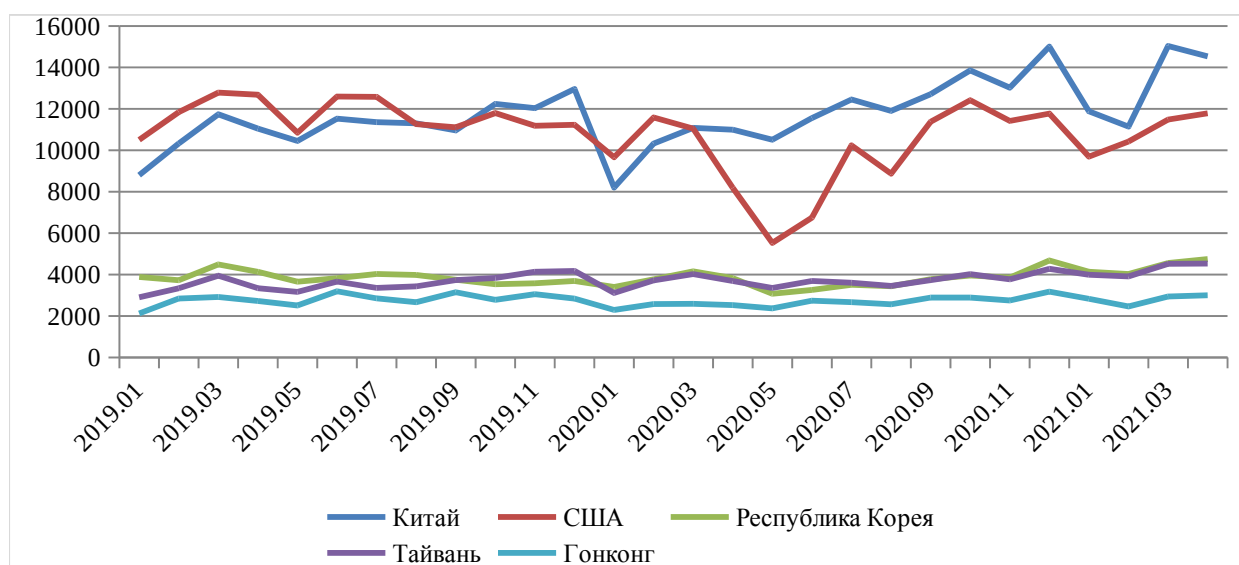

Рис. 6. Динамика экспорта Японии в основные страны-партнеры, млн долл.

Источник: составлено по данным ITC Trade Map. <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 03.08.2021).

³¹ Японский экспорт рухнул в мае максимальными темпами более чем за 10 лет. *Интерфакс*. 17.06.2020. <https://www.interfax.ru/world/713470> (дата обращения: 03.08.2021).

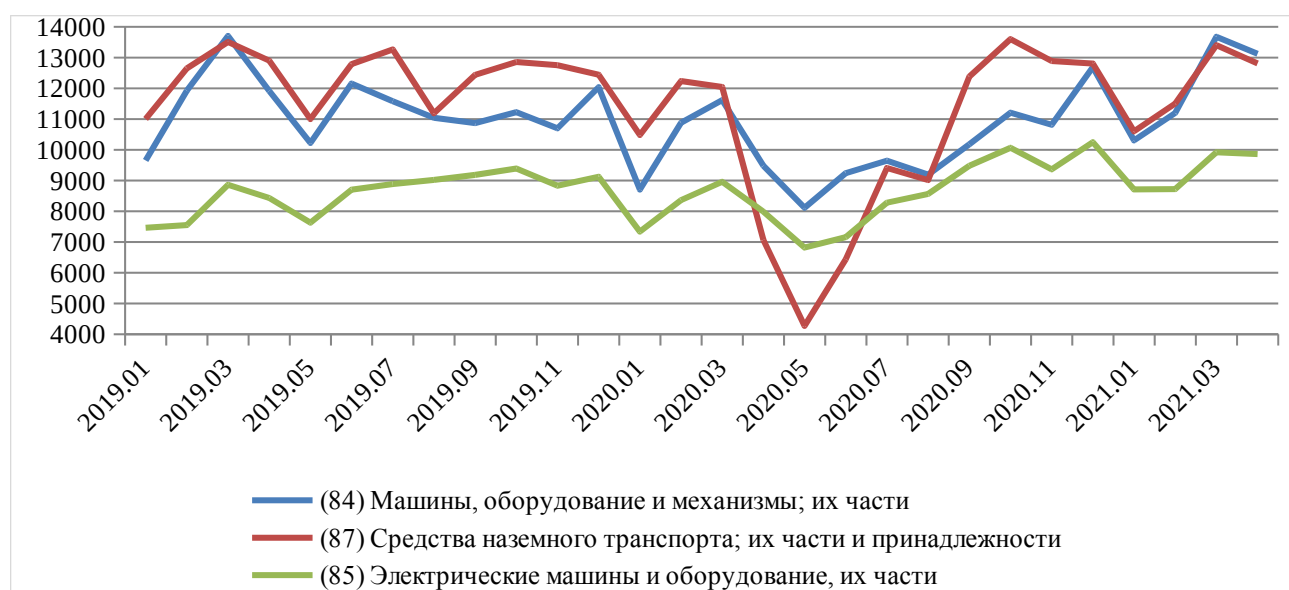

Рис. 7. Динамика экспорта Японии по основным товарным группам, млн долл.

Источник: составлено по данным ITC Trade Map. <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 03.08.2021).

Поскольку нарушение цепочек поставок, вызванное вспышкой вируса в Китае, нанесло серьёзный ущерб японским производителям, правительство стремилось укрепить производство и поддержать потребление в собственной стране. В начале марта 2020 г. С. Абэ заявил, что Япония не должна сильно зависеть от Китая в производстве продукции с добавленной стоимостью, и призвал компании перенести часть своих заводов из КНР в Японию. Чтобы помочь отечественным производителям вывести производство, из пакета экономической поддержки было выделено 243,5 млрд иен (более 2 млрд долл.). Основная часть выделенных средств – 220 млрд иен – для компаний, переносящих производство в Японию, и 23,5 млрд иен для тех, кто будет перебазировать свои предприятия в другие страны, предположительно в страны – члены АСЕАН. Токио намерен и далее укреплять своё экономическое и политическое влияние в Юго-Восточной Азии, подкрепив его созданием Центра АСЕАН по инфекционным заболеваниям [Кистанов 2020].

В действительности необходимость в расширении производственных баз в регионе АСЕАН усилилась ещё до пандемии. Это было связано с желанием избежать различных рисков, связанных с сильной зависимостью от производства в Китае, таких как антияпонские демонстрации, рост заработной платы, тарифная война с США.

Программа в первую очередь нацелена на производителей товаров, необходимых японцам для «ведения здорового образа жизни» в условиях пандемии, в том числе масок для лица и дезинфицирующих средств на спиртовой основе. Они могут получать субсидии при открытии новых заводов или увеличении существующих производственных мощностей в Японии. По расчётам экономистов субсидии покроют до двух третей инвестиций в увеличение внутреннего производства таких предметов первой необходимости для крупных компаний и три четверти – для малых и средних предприятий.

По данным Японской ассоциации производителей гигиенических товаров, около 80 % масок для лица в стране в 2018 г. были импортированы, в основном из Китая. Такие маски

стали дефицитом после вспышки коронавируса, что побудило премьер-министра С. Абэ запустить программу по распределению масок в стране.

Т. Фудзимото, профессор Высшей школы экономики Университета Токио, считает, что программы субсидирования «в некоторой степени разумны» с точки зрения долгосрочной перспективы, поскольку они будут стимулировать японских производителей к достижению лучшего производственного баланса между Японией, Китаем и АСЕАН. Но он также отметил, что не следует поощрять диверсификацию и локализацию их глобальных производственных баз, если это может в конечном итоге подрвать экономические преимущества компаний, так как важно, чтобы их производственные системы были конкурентоспособными и адаптируемыми к стихийным бедствиям [Nakamura 2020].

* * *

За полтора года пандемии число случаев заражения в мире превысило 198 млн, а летальных исходов – 4,2 млн. В Японии ситуация с распространением коронавируса не столь серьёзная, как в США или России, однако её экономика также понесла существенный урон. Так, по итогам 2020 г. спад ВВП страны Восходящего солнца составил 4,7 %, принятие пакетов антикризисных мер увеличило нагрузку на государственный бюджет (рекордная сумма заимствований в 112,5 трлн иен), безработица в стране выросла впервые за 11 лет, а в числе наиболее пострадавших от пандемии отраслей оказались автомобилестроение, туризм и общественное питание. Перенесённые на год Олимпийские игры в Токио прошли без зрителей (и иностранных, и местных), а зарубежные спортсмены и журналисты были максимально изолированы от контактов с местным населением. Опросы общественного мнения показали, что преобладающая часть населения страны Восходящего солнца была настроена против проведения Олимпийских игр. Японские бизнесмены высказывались в поддержку их проведения, однако их ожидания были разрушены запретом на въезд иностранных туристов (по оценкам страну могли посетить 40 млн человек, а их расходы – превысить 4 трлн иен) и введением режима ЧП. Внешняя торговля Японии резко «просела» в первой половине 2020 г., однако впоследствии наметился положительный тренд. Распространение коронавируса также спровоцировало «перестройку» национального рынка труда и сферы услуг: в связи с введением противоэпидемиологических мер существенно выросла доля работающих дистанционно и повысился спрос на онлайн-торговлю. В целом пандемия оказала негативное влияние на экономику и общественное благосостояние Японии. Однако правительство страны в текущем «коронакризисе» видит не только глобальную проблему, но в том числе и возможность структурных изменений в экономике. В частности, один из пакетов принятых мер направлен на стимулирование фирм инвестировать в цифровизацию и зеленые технологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белов А.В., Тихоцкая И.С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 14–21. DOI: 10.31857/S032150750011106-8

Кистанов В. COVID-19 корректирует внешнюю стратегию Японии // Независимая газета. 31.05.2020. https://www.ng.ru/dipkurer/2020-05-31/10_7874_japan.html (дата обращения: 03.08.2021).

Успенская А. Поколение Z против МОК. Как олимпийское движение оказалось в ловушке нового времени, и что может его спасти? // BBC News. 31.07.2020. <https://www.bbc.com/russian/features-57957618> (дата обращения: 04.08.2021).

REFERENCES

Belov, A. & Tikhotskaya, I. (2020). *Pervaya volna pandemii COVID-19 v Yaponii: sotsial'nye i ekonomicheskie aspekty* [The first wave of COVID-19 pandemic in Japan: social and economic considerations]. *Aziya i Afrika segodnya*, 10, 14-21. DOI: 10.31857/S032150750011106-8. (In Russian).

Kistanov, V. (2020, May 31). COVID-19 korrektiruyet vneshnyuyu strategiyu Yaponii [COVID-19 corrects Japan's foreign strategy]. *Nezavisimaya gazeta*. Retrieved August 3, 2021, from https://www.ng.ru/dipkurer/2020-05-31/10_7874_japan.html (In Russian).

Uspenskaya, A. (2021, July 31). Pokoleniye Z protiv MOK. Kak olimpiyskoye dvizheniye okazalos' v lovushke novogo vremeni, i chto mozhет ego spasti? [Generation Z vs. IOC. How did the Olympic movement find itself trapped in the new era, and what can save it?]. *BBC News*. Retrieved August 4, 2021, from <https://www.bbc.com/russian/features-57957618> (In Russian).

* * *

Chen, Y. (2020, April 2). Will delaying the Olympics affect Japan's economy? *CGTN*. Retrieved August 3, 2021, from <https://news.cgtn.com/news/2020-04-02/Will-delaying-the-Olympics-affect-Japan-s-economy--PkJmnaSZy0/index.html>.

Euromonitor Consulting. (2020). *Update on Consumer Trends and Lifestyles in Japan and South Korea in Light of the Covid-19 Pandemic*. Retrieved August 5, 2021, from https://www.marketopportunities.fi/4a8542/siteassets/market-opportunities/futurewatch_consumer-trends-and-lifestyles-in-japan-and-s-korea-in-light-of-the-covid-19-pandemic.pdf.

Goodman, M. & Gerstel, D. (2020, October 28). Comparing U.S., Japanese, and German Fiscal Responses to Covid-19. *Center for Strategic and International Studies*. Retrieved August 3, 2021, from <https://www.csis.org/analysis/comparing-us-japanese-and-german-fiscal-responses-covid-19>.

Inaba, K. (2021, June 30). From Rebound in Fiscal Year 2021 to Moderate Recovery in Fiscal Year 2022. *Japan Center for Economic Research. The 186R Quarterly Forecast*. Retrieved August 5, 2021, from https://www.jcer.or.jp/jcer_download_log.php?f=eyJwb3N0X2lkIjo3OTcwMywiZmlsZV9wb3N0X2lkIjo3OTcwNH0=&post_id=79703&file_post_id=79704.

International Monetary Fund (2021). *World Economic Outlook Update*. Retrieved August 5, 2021, from <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021>.

Ishizaka, S.C.H. & Kojima, M. (2021, January 18). Can Tokyo really stage an Olympic Games? *NHK World – Japan*. Retrieved August 3, 2021, from <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/1466/>.

Ishizaka, S.C.H. (2020, December 8). COVID-19 vaccinations get underway. *NHK World – Japan*. Retrieved August 3, 2021, from <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/1412/>.

Kaneda, M., Kubota, S. & Tanaka, S. (2021, April 7). Who spent their COVID-19 stimulus payment? Evidence from personal finance software in Japan. *Covid Economics*, 75, 1-29.

Kaori, K. (2020, November 13). Japan's GDP seen shrinking less than previously expected this fiscal year: Reuters poll. *Reuters*. Retrieved August 3, 2021, from <https://www.reuters.com/article/us-japan-economy-poll/japans-gdp-seen-shrinking-less-than-previously-expected-this-fiscal-year-reuters-poll-idUSKBN27T0F9>.

Kihara, L., Kajimoto, T. (2021, May 18). Japan's economy slumps back into decline as COVID-19 hits spending. *Reuters*. Retrieved August 5, 2021, from <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japans-economy-contracts-more-than-expected-covid-19-hits-consumption-2021-05-18/>.

Kubota, S., Onishi, K. & Toyama, Y. (2020, December 18). Consumption responses to COVID-19 payments: Evidence from a natural experiment and bank account data. *Covid Economics*, 62, 90-123.

Ministry of Economy, Trade and Industry (2021). *Quarterly Survey of Overseas Subsidiaries*. Retrieved August 5, 2021, from <https://www.meti.go.jp/english/statistics/tyo/genntihou/index.html>.

Nakamura, K. (2020, May 5). Japan to help shift manufacturing to ASEAN from China after virus disrupts supply chains. *The Japan Times*. Retrieved August 3, 2021, from <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/05/05/business/japan-manufacturing-asean-china-coronavirus-supply-chains/>.

Nakamura, K. (2021, January 4). Focus: Japan economy to notch sharp recovery from pandemic toward end-2021. *Kyodo News*. Retrieved August 3, 2021, from <https://english.kyodonews.net/news/2021/01/1c29429be35e-focus-japan-economy-to-notch-sharp-recovery-from-pandemic-toward-end-2021.html>.

OECD (2021). *OECD Economic Outlook*. Retrieved August 5, 2021, from https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook_16097408.

Takahashi, R. (2021, March 31). Fourth wave takes shape as COVID-19 cases increase across Japan. *The Japan Times*. Retrieved August 3, 2021, from <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/03/31/national/fourth-wave-coronavirus-japan/>.

Takeda, M. (2020, December 11). Japan's economy not spared in 2020. *East Asia Forum*. Retrieved August 3, 2021, from <https://www.eastasiaforum.org/2020/12/11/japans-economy-not-spared-in-2020/>.

Takumori, A. (2021, January 8). The Japanese Economy in 2021: Pandemic Easing and Gradual Recovery. *Nippon.com*. Retrieved August 3, 2021, from <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00663/>.

Yamori, N. & Aizawa, T. (2021, January 7). The impact of the first wave of the COVID-19 crisis on small and medium-sized enterprises and credit guarantee responses: Early lessons from Japan. *Covid Economics*, 63, 186-200.

Zhang, H. (2021, March 18). The impact of COVID-19 on global production networks: Evidence from Japanese multinational firms. *Covid Economics*, 72, 26-67.

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-76-89

Новые интеграционные проекты в АТР и Япония

В.О. Кистанов

Аннотация. Утверждение о том, что центр мировой экономической и политической жизни перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), за последние два с половиной года получило основательное подкрепление в виде двух конкурирующих интеграционных мегапроектов: Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТТП, ранее ТТП) и Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП). Указанные интеграционные объединения в силу своих гигантских масштабов в перспективе могут в корне изменить торгово-экономический ландшафт не только в Азии, но и в мире в целом.

Япония как вторая экономика Азии и третья экономика мира намерена максимально эффективно использовать как ВПТТП, так и ВРЭП в целях решения своих экономических проблем, а также укрепления собственных экономических и политических позиций как на региональном, так и на глобальном уровнях. Для этого Токио стремится занять лидирующие позиции в обоих партнёрствах. Успех Японии в достижении своих целей в ВПТТП и ВРЭП во многом будет зависеть от дальнейшего курса в отношении обоих интеграционных мегапроектов Китая и США, а также выстраивания собственных двусторонних торгово-экономических и политических отношений с обеими мировыми державами. Токио считает, что курс администрации Дональда Трампа на выход из ТТП был ошибкой, и побуждает администрацию Джо Байдена к возвращению в эту интеграционную структуру. Вместе с тем Япония занимает осторожную позицию по поводу возможного вступления Китая в ВПТТП.

Оба проекта (особенно ВРЭП), а также значимость их для Японии пока не получили достаточно широкого и глубокого осмысления в отечественной научной литературе в виде монографических исследований или статей. Вместе с тем в Японии и других странах АТР двум новым интеграционным мегапроектам уделяется гораздо большее внимание. В статье анализируются взгляды японских и иных зарубежных политиков и экспертов на ВПТТП и ВРЭП, делается попытка выявить роль и значение обоих проектов для Японии и других государств.

Ключевые слова: АТР, ВПТТП, ВРЭП, Япония, США, Китай, экономическая интеграция, торговля, конкуренция.

Автор: Кистанов Валерий Олегович, кандидат экономических наук, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-2377-0000. E-mail: v_kistanov@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кистанов В.О. Новые интеграционные проекты в АТР и Япония // Японские исследования. 2021. № 3. С. 76–89. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-76-89

New integration projects in the Asia-Pacific region and Japan

Kistanov V.O.

Abstract. The claim that the center of world economic and political life is moving to the Asia-Pacific region (APR) has been thoroughly reinforced over the past two and a half years in the form of two competing integration megaprojects: the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership (CPTPP, formerly TPP) and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). In the future, due to their gigantic scale, these integration megaprojects can radically change the trade and economic landscape not only in Asia, but also in the world as a whole.

Japan, as the second economic power in Asia and the third one in the world, intends to make the most effective use of both the CPTPP and the RCEP in order to solve its economic problems, as well as strengthen its own economic and political positions both on the regional and global levels. To do this, Tokyo is striving to take a leading position in both partnerships. Japan's success in achieving its goals in the CPTPP and the RCEP will largely depend on the further course in relation to both integration megaprojects of China and the United States, as well as building its own bilateral trade, economic, and political relations with both world powers. Tokyo believes that the course of the Donald Trump administration to withdraw from the TPP was a mistake and encourages the Joe Biden administration to return to this integration structure. At the same time, Japan takes a very cautious position about the possible entry of China into the CPTPP.

Both projects (especially the RCEP), as well as their significance for Japan, have not yet received a sufficiently broad and deep understanding in the Russian academic literature in the form of monographic studies or articles. At the same time, much more attention is paid to the two new integration megaprojects in Japan and other countries of the Asia-Pacific region. The article analyzes the views of Japanese and other foreign politicians and experts on the CPTPP and the RCEP, and an attempt is made to identify the role and significance of both projects for Japan and other states.

Keywords: Asia-Pacific Region, CPTTP, RCEP, Japan, USA, China, economic integration, trade, competition.

Author: Kistanov Valeriy O. Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Economics), Head of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2377-0000. E-mail: v_kistanov@list.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kistanov V.O. (2021). Novyye integratsionnyye proyekty v ATR i Yaponiya [New integration projects in the Asia-Pacific region and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 76–89. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-76-89

В конце второго десятилетия XXI в. интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) получили резкое ускорение благодаря созданию двух конкурирующих между собой мегапроектов: Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТТП, ранее ТТП), вступившего в силу в декабре 2018 г., и Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), соглашение о котором было подписано в онлайн режиме 15 ноября 2020 г. в Ханое. Членами ВПТТП являются 11 стран – Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур и Вьетнам. ВРЭП объединяет 15 государств – Австралию, Китай,

Японию, Новую Зеландию, Южную Корею и 10 членов АСЕАН (Бруней, Камбоджу, Индонезию, Лаос, Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам).

Указанные интеграционные объединения в силу своих гигантских масштабов в перспективе могут в корне изменить торгово-экономический ландшафт не только в Азии, но и в мире в целом. На этот счёт в совместном заявлении лидеров государств-участников ВРЭП, опубликованном по итогам их встречи в Ханое, в частности, говорится, что ВРЭП, будучи крупнейшим в мире соглашением о свободной торговле, представляет собой важный шаг вперед к созданию идеальной структуры глобальных правил торговли и инвестиций¹. А сайт секретариата самого партнёрства утверждает, что ВРЭП – это новое торговое соглашение, которое будет определять мировую экономику и политику [RCEP].

С точки зрения некоторых зарубежных аналитиков, ВРЭП не только поможет странам региона оправиться в 2021 г. от экономического ущерба, нанесённого пандемией коронавируса, но и будет символизировать наступление «Азиатского века»². ВРЭП вступит в силу через 60 дней после его ратификации шестью членами АСЕАН и тремя другими странами. Японский парламент уже одобрил соглашение о ВРЭП. Сингапур и Китай также завершили процедуры ратификации.

Оба проекта (особенно ВРЭП) в силу своей новизны пока не получили достаточно широкого и глубокого осмысления в отечественной научной литературе в виде монографических исследований или статей, хотя этот процесс уже начался некоторое время назад. При этом лейтмотивом рассмотрения двух интеграционных объединений в работах российских исследователей является указание на их огромную роль в перспективе, как для региональной, так и для глобальной экономики.

Так, С.В. Ноздрев подчёркивает, что, несмотря на выход из Транстихоокеанского партнёрства США, «... ТТП по-прежнему рассматривается как одна из самых амбициозных инициатив в области экономической интеграции, предпринятых странами АТР, с охватом как традиционной тематики международной торговли и инвестиций, так и вопросов окружающей среды и вопросов труда» [Ноздрев 2020, с. 36].

Свою точку зрения на другой интеграционный проект высказывает Я. Лисоволик: «Создание Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) в период самого острого кризиса за многие десятилетия демонстрирует ключевую роль регионализма в противодействии протекционизму и экономическому спаду. Новообразованный региональный интеграционный блок – это крупнейший региональный проект в мире, на долю которого приходится практически 30 процентов мирового ВВП. Однако гораздо более важным является качественный эффект, который создание ВРЭП оказывает на эволюцию глобальной экономики, особенно в том, что касается конкуренции между мегарегиональными блоками. Одним из наиболее очевидных последствий запуска мегапроекта ВРЭП является дальнейшее продвижение Азиатско-Тихоокеанского региона в качестве центра либерализации, торговли и роста в мировой экономике»³.

¹ Asia forms world's largest trading bloc RCEP after years of talks // Nikkei Asia, 16.11.2020.

² David Hutt and Shawn W. Crispin. RCEP trade pact heralds dawn of Asian Century // Asia Times, 15.11.2020. <https://asiatimes.com/2020/11/rcep-trade-pact-heralds-dawn-of-asian-century/> (дата обращения: 13.05.2021).

³ Ярослав Лисоволик. ВРЭП: ключевая веха в развитии мегарегионализма // Валдай. Международный дискуссионный клуб, 09.12.2020. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vrep-klyuchevaya-vekha-v-razviti-megaregionalizma/> (дата обращения: 18.05.2021).

Д. Стрельцов полагает, что одновременное участие Японии в переговорах о заключении Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), а также Зоны свободной торговли Северо-Восточной Азии в составе Китая, Республики Корея и Японии является проявлением курса страны на претворение в жизнь «инклюзивного подхода» к региональной интеграции бывшего премьер-министра С. Абэ [Стрельцов 2019, с. 45].

По поводу ВРЭП В. Панова считает, что 15 ноября 2020 г. наступил важный этап в переформатировании существующего глобального миропорядка – был нанесён очередной удар по когда-то стройной и в значительной мере американоцентричной системе международных институтов и правил⁴. Однако, по мнению А.Н. Федоровского, степень проработки вопросов экономической интеграции, достигнутая в рамках Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнёрства, на данный момент представляется более важной, чем заявленные в Ханое параметры Соглашения [Федоровский 2020]. А как считают А.С. Королев и Г. Калачигин, ВРЭП вообще не является передовым торговым соглашением и нацелено, скорее, на гармонизацию, а не на изменение существующих «правил игры» в торговле [Королев, Калачигин 2021].

Что касается значимости ВРЭП для России, то В. Петровский уверен, что создание ВРЭП – хорошая новость для России и с геоэкономической, и с геополитической точек зрения. По его мнению, для опережающего социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и активизации интеграционных процессов в рамках ЕАЭС также исключительно важно присоединение России к многосторонним институтам регионального развития, среди которых – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шёлкового пути [Петровский 2019]. А А. Габуев, отмечая, что форматы вроде ВРЭП и ВПТТП, скорее всего, будут площадкой и для формирования новых экологических норм международной торговли, жалеет о том, что ни правительство, ни бизнес не пытались для начала хотя бы посчитать, как может измениться российская внешняя торговля в разных сценариях эволюции мегаблоков в Азии⁵.

Вместе с тем в Японии и в других странах АТР двум новым интеграционным мегапроектам по понятным причинам уделяется гораздо большее внимание. Красной линией в работах японских экспертов проходит мысль о том, что, несмотря на все трудности и проблемы, Япония должна возглавить как ВПТТП, так и ВРЭП. Они едины во мнении, что курс администрации Дональда Трампа на сохранение дистанции от обоих партнёрств был ошибкой. В то же время, по их мнению, «отсутствие США обязывает Японию проявить лидерство, чтобы направить оба соглашения на интеграцию, открытость, благое управление и верховенство закона»⁶.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе публикаций в периодических изданиях Японии и других стран проанализировать взгляды японских и иных зарубежных политиков и экспертов на ВПТТП и ВРЭП, выявить роль и значение обоих проектов для Японии и других государств, обрисовать проблемы и обозначить перспективы двух партнёрств.

⁴ Виктория Панова. Прыжок азиатских тигров в пространство мегарегионов // Российский совет по международным делам, 08.12.2020. [https:// russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-v-prostranstvo-megaregionov/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-v-prostranstvo-megaregionov/) (дата обращения: 15.12.2020).

⁵ Александр Габуев. Блок по расчету // Коммерсант, 06.08.2021.

⁶ RCEP: Big numbers, bigger potential // Japan Times, 19.11.2020.

Два партнёрства – два конкурента

Переговоры по ВРЭП начались в 2012 г. и шли с перерывами. Заключение ВПТТП в 2018 г. заставило правительства стран – участниц переговоров по ВРЭП ускорить эти переговоры. Соглашение могло бы быть достигнуто ещё в 2019 г., но Индия тогда решила выйти из пакта, опасаясь, что он вызовет большой приток дешёвого китайского импорта на её внутренний рынок, который сделает неконкурентоспособными многие производства в самой Индии. Убедившись в том, что этот шаг Нью-Дели не был переговорной тактикой и Индия не вернётся, остальные 15 правительств завершили сделку, но оставили для Индии «ворота открытыми».

ВРЭП – это широкое соглашение о свободной торговле, предусматривающее отмену тарифов на промышленные товары, включая автомобили, и сельскохозяйственную продукцию, а также разработку новых правил электронной торговли и защиты интеллектуальной собственности. Однако Японии удалось добиться того, чтобы пять категорий сельскохозяйственных продуктов, считающихся чувствительными для страны, – рис, пшеница, говядина и свинина, молочные продукты и сахар – были освобождены от снижения тарифов. Примерно через 20 лет доля промышленных товаров, освобождённых от тарифов, вырастет с 8 % до 86 % для Китая и с 19 % до 92 % для Южной Кореи. Японское правительство надеется ввести пакт в действие как можно скорее, поскольку ожидает, что он увеличит реальный ВВП страны на 2,7 % и создаст 570 тыс. рабочих мест⁷.

Несмотря на впечатляющие макроэкономические показатели ВРЭП, не стоит переоценивать реальные экономические выгоды этого партнёрства для его участников. Так, ВПТТП снижает тарифы больше, чем ВРЭП, и большинство его подписантов уже имеют двусторонние соглашения с низкими тарифными ставками, а члены АСЕАН вообще свободно торгуют между собой. Три ключевые области, в которых указанные два соглашения отличаются друг от друга, – это устранение тарифов, трудовые и экологические стандарты. ВПТТП по сравнению с ВРЭП стремится к большей ликвидации тарифов (до 99 %), к более высоким трудовым и экологическим стандартам и пытается установить некоторые ограничения на государственные предприятия. Согласно одной из оценок, ВРЭП к 2030 г. добавит к мировой экономике, которая превышает 80 трлн долл., лишь 6 млрд долл. и мизерные 0,2 % к ВВП её членов⁸.

Вместе с тем создание ВРЭП имеет большое символическое значение. Эта новая интеграционная структура в АТР является подтверждением приверженности подписавших его сторон либерализации торговли и более глубокой интеграции в то время, когда правительства в других регионах мира устанавливают барьеры и возвращаются к протекционизму. Особо следует подчеркнуть тот факт, что это первое торговое соглашение, которое объединяет Китай, Японию и Южную Корею, то есть, вторую, третью и двенадцатую крупнейшие экономики мира соответственно. Это принесёт Японии реальные дивиденды. Так, в настоящее время лишь 8 % японских товаров, экспортируемых в Китай, не облагаются тарифами, а в рамках ВРЭП этот показатель возрастет до 86 %⁹.

⁷ Japan approves far-reaching RCEP free trade deal // Japan Times, 28.04.2021.

⁸ RCEP: Big numbers, bigger potential // Japan Times, 19.11.2020.

⁹ RCEP: Big numbers, bigger potential // Japan Times, 19.11.2020.

Включение Японии, Китая и Южной Кореи в единую региональную экономическую структуру в сочетании с упрощением нынешней торговой системы значительно повышает реальное значение ВРЭП и придаёт ему большой потенциал. Авторитетный специалист по АТР Уильям Песек полагает, что важным побудительным фактором создания ВРЭП, впервые объединившего Китай, Южную Корею и Японию в рамках многостороннего торгового соглашения, явилась ошибочная стратегия бывшего президента США Дональда Трампа. Это соглашение, по мнению аналитика, представляет собой два важных первых шага, а именно: первый двусторонний шаг по снижению барьеров между Японией и Южной Кореей и первый случай, когда три из четырёх крупнейших экономик Азии фактически отделили экономику от политики¹⁰.

Действительно, несмотря на ведущиеся с 2012 г. с перерывами переговоры о создании в Северо-Восточной Азии зоны свободной торговли в составе Японии, Китая и Южной Кореи, судя по всему, эта инициатива вряд ли будет реализована на практике в обозримом будущем в связи с острыми политическими и территориальными конфликтами между указанными странами, прежде всего, по линии Пекин – Токио и Токио – Сеул.

ВРЭП может стать основой для создания целостной экономической единицы, такой, как Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) или Европейский союз (ЕС). Сделка создаёт единые правила происхождения товаров для 15 государств – её членов, что значительно облегчит внутреннюю торговлю. В то время как большая часть продукции азиатского региона в настоящее время потребляется в других частях мира, ожидается, что ВРЭП будет стимулировать развитие внутреннего рынка, что даст азиатским странам возможность производить для себя. Это будет означать исторический сдвиг в функционировании мировой экономики.

Судя по всему, создание ВРЭП приведёт к возрастанию роли Китая в мировой экономике параллельно со снижением роли США. Более того, формирование этого партнёрства рядом экспертов рассматривается как победа Китая. Так, В. Панова уверена, что «ни у кого из наблюдателей не возникает сомнений, что заключение ВРЭП является успехом именно китайской дипломатии»¹¹. Но с этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. В самом деле, Пекин рассчитывает использовать эту структуру в качестве противовеса ВПТТП, куда он пока не входит, а в более широком плане – как инструмент укрепления своего экономического и политического влияния в АТР в свете неучастия США как во ВРЭП, так и в ВПТТП. Однако следует иметь в виду, что, во-первых, соглашение о ВРЭП было инициировано АСЕАН, а во-вторых, Япония также намерена максимально использовать ВРЭП в своих экономических и политических интересах. Утверждение о том, что создание ВРЭП – это победа Китая, опровергается и на сайте самого партнёрства, где, в частности, говорится: «ВРЭП, которое часто ошибочно называют “ведомым Китаем”, является триумфом дипломатии средней силы АСЕАН. Значение крупного восточноазиатского торгового соглашения давно признано, но ни Китай, ни Япония, крупнейшие экономики региона, не были политически приемлемы в качестве архитекторов

¹⁰ William Pesek. US sidelined as China, Korea and Japan unite // Asia Times, 20.11.2020.

<https://asiatimes.com/2020/11/us-sidelined-as-china-korea-and-japan-unite/> (дата обращения: 08.01.2021).

¹¹ Виктория Панова. Прыжок азиатских тигров в пространство мегарегионов // Российский совет по международным делам, 08.12.2020. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-v-prostranstvo-megaregionov/> (дата обращения: 15.12.2020).

проекта. Тупиковая ситуация была разрешена в 2012 году путем заключения сделки при посредничестве АСЕАН, в которую входили Индия, Австралия и Новая Зеландия в качестве членов, а АСЕАН была ответственна за переговоры по соглашению. Без такой центральной роли АСЕАН ВРЭП никогда бы не запустилось»¹².

Реальная мера влияния той или иной страны в партнёрстве станет очевидной, когда его участники начнут разрабатывать и уточнять стандарты его работы или обсуждать добавление к нему новых членов. Особенно важными будут нормы и правила, касающиеся новых технологий и их использования, таких как электронная торговля и контроль данных. Роль Токио во ВРЭП будет облегчаться его членством ещё и в ВПТТП. Кроме того, шесть других стран также являются членами этих двух соглашений о свободной торговле. Япония намерена тесно сотрудничать с ними с тем, чтобы ВРЭП развивался в направлении большей открытости и либерализации, превращения в более широкое и всеобъемлющее соглашение, которое, в идеале, в конечном итоге могло бы слиться с ВПТТП.

Вместе с тем, ряд азиатских специалистов, воздавая должное позитивному эффекту от создания ВРЭП для его участников, а также для региональной экономики в целом, указывают на ограниченные возможности, недостатки и проблемы партнёрства. Несмотря на свои беспрецедентные масштабы, ВРЭП уступает другим крупным торговым соглашениям по уровню доступа на рынок. Сделка отменит тарифы на 91 % товаров, что меньше, чем предусмотрено ВПТТП или соглашением об экономическом партнёрстве Японии с Европейским союзом¹³.

По убеждению Ли Чон Ва, профессора экономики Корейского университета, а ранее главного экономиста Азиатского банка развития, подписание ВРЭП ознаменовало собой, возможно, самое значительное экономическое достижение с начала кризиса COVID-19. И всё же этот интеграционный мегапроект не может в одиночку спасти «больную», по его мнению, многостороннюю торговую систему в АТР. Экономическая интеграция очень сложна в Азиатско-Тихоокеанском регионе из-за значительных различий в уровнях развития стран, их культурах и институциональных структурах, а также непрекращающихся территориальных споров. Но, столкнувшись с кризисом COVID-19, стороны стремились ускорить заключение пакта после восьми лет переговоров¹⁴.

США в ВПТТП: быть или не быть?

Следует отметить, что к моменту, когда в 2012 г. были начаты переговоры по ВРЭП, уже много лет велись переговоры по соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), в которое входили такие участники ВРЭП, как Австралия, Бруней, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и Вьетнам, а также Соединенные Штаты, но не Китай и Индия. Многие страны рассматривали ВРЭП как региональное соглашение для Азии без участия США. В то же время ВПТТП считалось интеграционной структурой, направленной на сдерживание Китая.

¹² RCEP: A new trade agreement that will shape global economics and politics // RCEP. <https://rcepsec.org/2020/11/26/rcep-a-new-trade-agreement-that-will-shape-global-economics-and-politics/> (дата обращения: 15.04.2021).

¹³ ASEAN, China, other partners set world's biggest trade pact *RCEP* // Mainichi, 15.11.2020.

¹⁴ RCEP has its limits when it comes to saving multilateral trade // Japan Times, 07.12.2020.

Первоначально ВПТТП (на тот момент ТТП) было частью более широкой стратегии президента Барака Обамы, получившей название «Поворот в Азию» (Asia Pivot). Стратегия представляет собой комбинацию активизации усилий США по многосторонней торговле с азиатскими странами, помимо Китая, и усиления их военного присутствия в регионе. Однако поддержка ТТП в Конгрессе США была ограничена. После того как президент Дональд Трамп объявил в начале 2017 г., что Соединенные Штаты выйдут из соглашения о ТТП и отдадут предпочтение двусторонним торговым соглашениям, ВРЭП стал главным азиатским многосторонним торговым соглашением, находившимся тогда на стадии переговоров.

Япония возглавила усилия по спасению ТТП, заключив соглашение с оставшимися 10 странами, включая Австралию и Канаду, и предложила в 2018 г. пересмотренное соглашение, официально известное теперь как Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве. Многие из областей, охватываемых ВПТТП, также входят в сферу деятельности ВРЭП. Кроме того, как уже говорилось выше, ряд стран, входящих в оба соглашения, имеют отдельные двусторонние договоры о свободной торговле друг с другом.

Авторитетные американские эксперты в унисон с их японскими коллегами, полагая, что Япония должна возглавить ВПТТП, считают, что США необходимо вернуться в этот торговый блок. Так, в декабре 2020 г. была опубликована пятая и самая последняя версия так называемого доклада Армитажа–Ная, написанного под руководством бывшего заместителя госсекретаря Ричарда Армитажа и бывшего декана Школы управления Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета Джозефа Ная. В документе под названием «Американо-японский альянс в 2020 году: равноправный союз с глобальной повесткой дня» были изложены предложения для избранного президента Джо Байдена и его администрации в отношении политики на японском направлении¹⁵.

Доклад призывает нового премьер-министра Японии Суга Ёсихидэ сохранить «динамичное региональное лидерство», которое Япония осуществляла при его предшественнике Абэ Синдзо, например, возглавить Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о транстихоокеанском партнёрстве. В нём также отмечается, что в нынешнем политическом климате в США «при отсутствии прочной экономической составляющей, включающей торговлю, технологии, инфраструктуру и энергетику, любая стратегия в Индо-Тихоокеанском регионе будет пустой и неустойчивой».

Авторы призвали администрацию Байдена быстро дать понять, что она готова присоединиться к ВПТТП «и занять место за столом переговоров». «Политические трудности присоединения очевидны, но больший риск для процветания и безопасности США делает присоединение обязательным. ... Подписание 15 ноября Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), широкого Азиатско-Тихоокеанского торгового соглашения, которое не включает Соединенные Штаты, должно стать тревожным сигналом в Вашингтоне», – говорится в докладе¹⁶.

Официальный Токио также не оставляет надежды, что США вернутся в ВПТТП. Накануне инаугурации Джо Байдена министр иностранных дел Мотэги Тосимицу выразил

¹⁵ Include Japan in Six Eyes, Armitage-Nye report says // Nikkei Asia, 08.12.2020.

¹⁶ Include Japan in Six Eyes, Armitage-Nye report says // Nikkei Asia, 08.12.2020.

надежду, что Соединенные Штаты вернутся к рамкам свободной торговли Транстихоокеанского партнёрства после того, как избранный президент вступит в должность. Япония намерена последовательно добиваться возвращения США в ВПТТП. Когда премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ встретился с президентом США Джо Байденом в Белом доме в апреле 2021 г., он поднял эту тему.

Однако, судя по всему, США по-прежнему подвержены влиянию скептицизма, распространённого в отношении экономической глобализации в эпоху Дональда Трампа. Байден заявил, что его администрация не будет заключать новые торговые соглашения до тех пор, пока другие страны не увеличат свои инвестиции в США. Тем не менее, в ходе закулисных переговоров с США перед вышеуказанным саммитом японские правительственные чиновники пришли к выводу о том, что администрация Байдена не исключает возможного возвращения США в ВПТТП. При Абэ Синдзо японское правительство было сильно разочаровано выходом Соединенных Штатов из этого партнёрства. Без США ВПТТП образует экономический блок, на долю которого приходится чуть более 10 % мирового ВВП. Но этот показатель вырастет до 40 %, если США вернутся в организацию¹⁷.

Участие в ТТП, открывавшем для японских промышленных товаров новые широкие возможности доступа на исключительно ёмкий внутренний рынок США, являлось одним из столпов экономического курса Абэ (Абэномики). Курс ставил целью вывод экономики страны на рельсы устойчивого развития после долгого периода застоя. Вступление в ТТП отвечало интересам ведущих промышленных кругов Японии, но вызывало серьёзное сопротивление со стороны сельскохозяйственного лобби, опасавшегося, что этот шаг нанесёт непоправимый ущерб неконкурентоспособному аграрному сектору страны.

Заключение соглашения о ВРЭП, усиливающего влияние Китая в АТР, может подтолкнуть Вашингтон к возвращению в ВПТТП. Хотя американские транснациональные корпорации смогут извлечь выгоду из ВРЭП через дочерние компании в странах-членах этого партнёрства, сделка может заставить президента Джо Байдена пересмотреть участие Вашингтона в делах региона¹⁸.

Китайский вызов для Токио

Китай в противоположность США проявляет большую заинтересованность как во ВРЭП, так и в ВПТТП, и, судя по всему, хотел бы использовать оба интеграционных мегапроекта как для собственных экономических выгод, так и в целях укрепления своих экономических и политических позиций в АТР. Последнее для Пекина особенно актуально в свете усиливающегося противостояния КНР с Соединенными Штатами практически во всех сферах взаимодействия двух сверхдержав – как на глобальном, так и на региональном уровнях. Пекин изначально рассматривал ВРЭП как противовес ТТП, создававшемуся на первом этапе под эгидой Вашингтона с намерением экономического сдерживания Китая. Кроме того, с помощью ВРЭП, куда Тайвань не входит, Китай надеется усилить изоляцию в АТР своей «беглой провинции».

¹⁷ Yukihiro Sakaguchi. Japan cautiously explores possibility of US returning to TPP // Nikkei Asia, 15.05.2021.

¹⁸ Asia-Pacific countries sign world's largest trade pact // Asia Times, 15.11.2020. <https://asiatimes.com/2020/11/asia-pacific-countries-sign-worlds-largest-trade-pact/> (дата обращения: 17.12.2020).

Понимая, что членство во ВРЭП Китая закрывает Тайваню путь в это партнёрство, Тайбэй решил совершить «обходной маневр» в сфере региональной интеграции и вступить в ВПТТП. Тайвань намерен подать заявку на присоединение к ВПТТП, как только завершит неофициальные консультации с его 11 членами. В соответствии с процедурами ВПТТП новые кандидаты в члены указанного партнёрства должны сначала завершить неофициальные переговоры с существующими членами и «достичь консенсуса», прежде чем подавать заявку. Однако одной из потенциальных проблем для Тайваня может стать параллельная заявка со стороны Китая и на членство в ВПТТП. О возможности такого шага заявил председатель КНР Си Цзиньпин в конце 2020 г.

Выход США по инициативе Трампа из ТТП даёт возможность Китаю заполнить образовавшийся в ВПТТП определённый вакуум лидерства, несмотря на тот факт, что Япония после ухода США фактически взяла на себя роль экономического и политического локомотива ВПТТП. Недооценка Вашингтоном в период президента Трампа значимости Азии неизбежно приведёт к усилению соперничества между Японией и Китаем – двумя ведущими азиатскими державами – в борьбе за экономические и политические высоты в регионе. Это соперничество лишь усилится в случае вступления КНР в ВПТТП.

Что касается ВРЭП, то Пекин, помимо чисто торговых выгод от него, намерен использовать это партнёрство для более эффективного продвижения в АТР своего мегапроекта «Один пояс, один путь». Известный специалист по Восточной Азии Пеппе Эскобар уверен, что «инициатива Китая “Пояс и путь” получит новый импульс благодаря новому торговому пакту ВРЭП»¹⁹. Очевидно, что Токио, изначально считающий эту инициативу председателя КНР Си Цзиньпина орудием экономической и политической экспансии Пекина, будет внимательно отслеживать попытки Китая придать указанной инициативе «второе дыхание» с помощью ВРЭП.

Как отмечает рупор японских деловых кругов, газета Nikkei Asia, решение Китая присоединиться к 14 другим странам Азиатско-Тихоокеанского региона для подписания ВРЭП, несомненно, было попыткой заполнить вакуум, оставленный в регионе протекционистскими США, и сесть за стол переговоров, сочиняя правила дорожного движения для глобальной торговли. При этом Пекин предпочёл развивать торговлю со своими азиатскими соседями через ВРЭП, даже если это означало вызовы для его внутренней промышленности из-за снижения или отмены импортных тарифов. Это также первое торговое соглашение, обязывающее Китай соблюдать правила цифровой торговли, которые потенциально могут ослабить его контроль над данными, поступающими в страну и из неё.

Япония уже на ранней стадии переговоров определила, что трансграничные потоки данных могут формировать будущую деловую активность и даже геополитический баланс сил и изначально работала над созданием коалиции в регионе, чтобы настаивать на таких правилах. На встрече министров стран – будущих членов ВРЭП в Ханое ещё в мае 2017 г. Сэко Хиросигэ – тогдашний министр экономики, торговли и промышленности Японии – распространил материал с предложением охватить цифровые правила на переговорах. Китай возражал, но идея получила поддержку со стороны таких стран, как Вьетнам и Сингапур,

¹⁹ Pepe Escobar. RCEP set to supercharge the New Silk Roads // Asia Times, 16.11.2020. <https://asiatimes.com/2020/11/rcep-set-to-supercharge-the-new-silk-roads/> (дата обращения: 25.05.2021).

и была принята участниками переговоров. Она устанавливает правила электронной торговли, гарантируя свободный обмен данными между ними и отвергая требования таких стран, как Китай, хранить информацию на локальных серверах. Основная стратегия Токио состояла в том, чтобы не допустить проведения переговоров под руководством Пекина. Учитывая трудности переговоров один на один с такой мировой державой, как Китай, Япония стремилась привлечь другие страны, которые разделяли ту же цель²⁰.

Взвешивая возможные выгоды и потери от ВРЭП для Японии, старший научный сотрудник Японского форума стратегических исследований в Токио Рупакджиоти Бора указывает на то, что одним из рисков членства страны во ВРЭП может стать чрезмерная зависимость от Китая, будь то в экономической сфере или в какой-либо другой. Во время пандемии коронавируса многие страны воочию увидели последствия чрезмерной зависимости от Китая, когда речь заходит об экономике. Страны, такие как Австралия, которые сильно зависят от экспорта в Китай, столкнулись с тем, что Пекин использовал экономический рычаг в своих интересах.

Как считает аналитик, отсутствие Индии во ВРЭП тоже является поводом для беспокойства, поскольку это означает, что торговля внутри ВРЭП может быть односторонней в пользу Китая. Пекин может использовать своё экономическое влияние в этом партнёрстве в своих интересах и во вред Токио. По мнению Бора, Токио оказался между молотом и наковальней, когда дело дошло до ВРЭП, и ему придётся проявлять большую осторожность, чтобы гарантировать, что ВРЭП не станет «детищем Китая»²¹.

Вероятное вступление Китая в ВПТТП также приведёт к обострению экономической борьбы между Токио и Пекином не только в этой интеграционной структуре, но и на региональном уровне в целом. Предвидя такую ситуацию, премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ заявил, что его страна будет с осторожностью реагировать на заявку Пекина о вступлении в это партнёрство, поскольку политическая и экономическая системы Китая в значительной степени несовместимы с принципами ВПТТП. Особую весомость словам японского премьера придаёт тот факт, что Япония, крупнейшая на сегодняшний день экономика в этом торговом блоке, также является его страной-председателем на 2021 г.

Предполагается, что Пекин на будущих переговорах с членами ВПТТП возьмёт на себя большие обязательства по реформированию собственной экономики. Это будет нелёгкая задача: китайским государственным предприятиям придётся готовиться к радикальным изменениям, которые уравнивают их с другими игроками и отменяют привилегии, включая государственные субсидии, кредиты по ставке ниже рыночной и льготное финансирование.

Другие реформы, требуемые ВПТТП, будут включать в себя создание условий для формирования независимых профсоюзов, которые в настоящее время не существуют в Китае. Кроме того, реформы предусматривают более прозрачные государственные закупки и арбитраж споров, а также трансграничный обмен данными и свободный поток информации. Однако вступление Китая потребует одобрения всех 11 членов ВПТТП. Сингапурская газета Lianhe Zaobao высказала мнение, что с подписанием Пекином двух знаковых сделок – ВРЭП и инвестиционного соглашения между Китаем и Европейским

²⁰ Japan teams with RCEP allies to push China on data free flow // Nikkei Asia, 30.12.2020.

²¹ Rupakjyoti Borah. Good or Bad, Japan Joined the RCEP and Now Must Stay Alert to Keep Markets Free // Japan Forward, 02.12.2020. <https://japan-forward.com/good-or-bad-japan-joined-the-rcep-and-now-must-stay-alert-to-keep-markets-free/> (дата обращения: 03.12.2020).

Союзом – США вскоре могут быть вытеснены из нового мирового торгового порядка, если Пекин присоединится к ВПТТП²².

Вместе с тем очевидно, что Китай ведёт с ВПТТП свою не только экономическую, но и политическую игру. Заявление Си Цзиньпина о возможности присоединения к этому торговому соглашению было сделано для того, чтобы протестировать азиатскую политику Байдена после его победы на выборах над Трампом. Пока неизвестно, насколько серьёзно Китай относится к участию в партнёрстве, однако такой шаг, вероятно, в значительной степени будет направлен ещё и на блокирование участия Тайваня в ВПТТП, поскольку изоляция Тайваня в мире является одним из главных приоритетов китайского руководства.

Наоборот, Япония возлагает большие надежды на то, что Тайвань присоединится к этому блоку. Исследовательская группа экспертов, созданная Министерством иностранных дел Японии, ещё в 2016 г. составила пакет внешнеполитических рекомендаций своему правительству. Одна из них призвала Японию активно поощрять и поддерживать участие в ТТП важных партнёров, включая Тайвань, Южную Корею, Таиланд, Индонезию и Филиппины. Поставив Тайвань во главе списка, это предложение, помимо прочего, имело целью стимулирование Китая в проведении внутренних реформ²³.

Обострившаяся после прихода к власти Джо Байдена ситуация вокруг Тайваня и ставшая более открытой поддержка Токио курса Вашингтона на ужесточение его политики по тайваньской проблеме делают трудно прогнозируемым одновременное членство в ВПТТП Пекина и Тайбэя. Ещё сложнее представить себе пока что чисто гипотетический сценарий, по которому Китай вступает в ВПТТП, а США возвращаются в это партнёрство. Однако, если это всё же случится, то возникнет крайне сложная проблема «двух медведей в одной берлоге». В этом случае Японии придётся проводить тонкую политику балансирования в указанном партнёрстве между своим главным торгово-экономическим партнёром – Китаем и единственным военно-политическим союзником в лице США.

* * *

Недавно завершившееся формирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе двух конкурирующих между собой интеграционных мегапроектов – Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТТП) и Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) – символизирует значительное ускорение интеграционных процессов в АТР на фоне усиления протекционизма в других частях мира и неизбежно приведёт к глубокой трансформации торгово-экономических режимов не только на региональном, но и на глобальном уровнях.

Дальнейшее развитие указанных интеграционных объединений во многом будет определяться балансом сил между основными акторами в лице, прежде всего, Японии, Китая, а также АСЕАН. Новые нюансы в деятельность ВПТТП и ВРЭП может внести пересмотр нынешней администрацией США, пока предпочитающей держаться в стороне от этих соглашений, своей торгово-экономической политики в Азии в пользу многосторонности.

²² China knocking on CPTPP trade pact's door // Asia Times, 18.01.2021. <https://asiatimes.com/2021/01/china-knocking-on-cptpp-trade-pacts-door/> (дата обращения: 19.01.2021).

²³ Yukihiro Sakaguchi. Japan cautiously explores possibility of US returning to TPP // Nikkei Asia, 15.05.2021.

Несмотря на конкурентный характер двух партнёрств, схожесть их стратегических целей в деле либерализации международной торговли, одновременное членство в них целого ряда государств (а потенциально и Китая) в более отдаленной перспективе могут привести к их слиянию и возникновению на этой основе гигантского торгово-экономического блока, сравнимого по своим параметрам с ЕС или НАФТА.

Япония как вторая экономическая держава Азии и третья мира намерена максимально эффективно использовать как ВПТТП, так и ВРЭП в целях решения своих экономических проблем, а также укрепления собственных экономических и политических позиций как на региональном, так и глобальном уровнях. Для этого Токио будет стремиться занять лидирующие позиции в обоих партнёрствах. Успех Японии в достижении своих целей в ВПТТП и ВРЭП во многом будет зависеть от дальнейшего курса в отношении этих интеграционных мегапроектов Китая и США, а также выстраивания собственных двусторонних торгово-экономических и политических отношений с обоими мировыми экономическими лидерами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Королев А.С., Калачигин Г. На Восточном фронте есть перемены: что означает подписание ВРЭП? // Россия в глобальной политике. 16.11.2020. <https://globalaffairs.ru/articles/na-vostochnom-fronte-peremeny/>

Ноздрев С.В. Азия: процессы региональной экономической интеграции // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 34–46. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10003

Петровский В. Что значит Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве для России // Международная жизнь. 24.11.2020. <https://interaffairs.ru/news/show/28201>

Стрельцов Д. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 38–49. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49

Федоровский А.Н. Подписание членами ВРЭП Соглашения о свободной торговле // Мировая экономика и международные отношения. 17.11.2020. <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/podpisanie-chlenami-vrep-soglasheniya-o-svobodnoy-torgovle>

REFERENCES

Fedorovskii A.N. (2020). Podpisanie chlenami VREP Soglasheniya o svobodnoi trgovle [Signing of the Free Trade Agreement by the members of the RCEP]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 17.11.2020. Retrieved September 15, 2021, from <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/podpisanie-chlenami-vrep-soglasheniya-o-svobodnoy-torgovle> (In Russian).

Korolev A.S., Kalachigin G. (2020). Na Vostochnom fronte est' peremeny: chto oznachaet podpisanie VREHP? [There are changes on the Eastern Front: What does the signing of the RCEP mean?]. *Rossiia v global'noi politike* [Russia in Global Affairs]. 16.11.2020. Retrieved September 15, 2021, from <https://globalaffairs.ru/articles/na-vostochnom-fronte-peremeny/> (In Russian).

Nozdrev S.V. (2020). Aziya: processy regional'noj ekonomicheskoy integracii [Economic and regional integration in Asia]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 1: 34–46. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10003

Petrovskii V. (2020). Chto znachit Soglasenie o vsestoronnem regional'nom ehkonomicheskom partnerstve dlya Rossii [What does the Agreement on Comprehensive Regional Economic Partnership mean for Russia?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs]. 24.11.2020. Retrieved September 15, 2021, from <https://interaffairs.ru/news/show/28201> (In Russian).

RCEP. <https://rcepsec.org/>

Streltsov D. (2019). Yaponskii regionalizm ehpokhi Sindzo Abekhi cherez prizmu tsennostnogo podkhoda [Japanese regionalism of the Shinzo Abe era through the prism of a value approach]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 63 (9), 38-49. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49

Поступила в редакцию 13.08.2021

Received 13 August 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-90-101

Злонамеренное использование дипфейков: риски информационно-психологической безопасности Японии

Я.В. Лексютина

Аннотация. Стремительное развитие искусственного интеллекта стимулировало появление целого ряда новых технологий, одной из которых стала технология «дипфейк» (deepfake), позволяющая синтезировать очень реалистичный поддельный видео- или аудиоконтент. Появившаяся совсем недавно, в 2017 г., эта технология буквально за несколько лет стремительно прогрессировала: поддельный контент стал очень правдоподобным, приложения по созданию дипфейков стали более дешёвыми и легкодоступными, позволяя пользователям без специальных компьютерных навыков синтезировать поддельные видео за считанные секунды. Тенденцией последних нескольких лет стал взрывной рост численности и улучшение качества дипфейков в Интернете.

Открывая принципиально новые возможности для целого ряда индустрий (рекламы и медиа, индустрии развлечений и игр, киноиндустрии, медицины и т.д.), эта технология также может быть использована злоумышленниками в преступных целях, для оказания информационно-психологического воздействия на население, а также нанесения вреда межгосударственным отношениям. Риски злонамеренного использования дипфейков являются не менее реальными, чем польза от их применения. В некоторых странах мира технология «дипфейк» даже стала рассматриваться как способная, по мере её совершенствования, бросить вызов национальной безопасности и информационно-психологической безопасности.

В представленной статье даётся общая картина масштабов и направленности использования дипфейков в мире, потенциала и уже имевших место кейсов злонамеренного использования технологии «дипфейк» в политической сфере, а также оцениваются риски злонамеренного использования этой технологии для Японии и восприятие рисков японской стороной.

Ключевые слова: Япония, дипфейки, искусственный интеллект (ИИ), информационно-психологическая безопасность, злонамеренное использование.

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9). ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexuana@ya.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ и ВАОН (№ 21-514-92001).

Для цитирования: Лексютина Я.В. Злонамеренное использование дипфейков: риски информационно-психологической безопасности Японии // Японские исследования. 2021. № 3. С. 90–101. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-90-101

Malicious use of deepfakes: Risks for Japan's information and psychological security

Ya.V. Leksyutina

Abstract. The rapid development of artificial intelligence has spurred the emergence of a number of new technologies, including the deepfake technology, which allows synthesizing very realistic fake video and audio content. This technology, which appeared quite recently, in 2017, has rapidly advanced in just a few years: fake content has become more realistic, deepfake applications have become cheaper and more accessible, allowing users without special computer qualifications to synthesize fake videos in a matter of seconds. It has resulted in the exponential growth of deepfakes in cyberspace.

Opening up fundamentally new opportunities for a whole range of industries (advertising and media, entertainment and games, film industry, medicine, etc.), this technology can also be used by malevolent actors for criminal purposes, for information and psychological attacks on the population, and also for deliberately harming state-to-state relations. The risks of malicious use of deepfakes are as real as the benefits of using them. In a number of countries, deepfake technology is already seen as presenting a variety of challenges to national security and information and psychological security in the years to come.

This article provides a general overview of the scale and spheres of deepfake usage, the prospects and already registered cases of the malicious use of deepfake technology in the political sphere, and also assesses the risks of malicious use of this technology for Japan and the risk perception by Tokyo.

Keywords: Japan, deepfakes, artificial intelligence (AI), information and psychological security, malicious use.

Author: Leksyutina Yana V., Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the American Studies Department, Saint-Petersburg State University (7-9, Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. The research is accomplished under the Russian Foundation for Basic Research and the Vietnam Academy of Social Sciences, grant No. 21-514-92001

For citation: Leksyutina Ya.V. (2021). Zlonamerennoye ispol'zovaniye dipfeykov: riski informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti Yaponii [Malicious use of deepfakes: Risks for Japan's information and psychological security]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 90–101. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-90-101

В стратегиях промышленного и научно-технологического развития современных мировых держав одно из ключевых мест занимает задача развития искусственного интеллекта (ИИ). Широкие перспективы использования ИИ в реальном секторе экономики позволили говорить о начале «четвёртой промышленной революции», а возможности его применения в сфере оборонного строительства – об изменениях в представлениях о военной мощи государств и характере военных действий в будущем. Согласно одному из исследований, ожидается, что в результате использования ИИ мировой ВВП к 2030 г. может увеличиться на 14 % или 15,7 трлн долл. от уровня 2017 г., что делает ИИ крупнейшей коммерческой возможностью в быстро меняющейся современной экономике [Sizing the

prize...]. Завоевание превосходства в сфере ИИ рассматривается в качестве значимого фактора, способствующего повышению конкурентоспособности государства. Некоторые эксперты даже расценивают сферу ИИ как пространство уже протекающего геополитического соперничества держав [Artificial intelligence policies...].

Несколько отставая от США и Китая в сфере ИИ, Япония проводит активную политику, направленную на его развитие и внедрение в разные сферы общества. В 2016 г. японское правительство в 5-м Базовом научно-технологическом плане закрепило разработанную им концепцию «Общество 5.0», под которым подразумевалось «ориентированное на человека общество, которое согласует экономический прогресс с решением социальных проблем с помощью системы, тесно объединяющей киберпространство и физическое пространство»¹. «Общество 5.0» стало национальной стратегией Японии по построению суперинтеллектуального общества на основе использования новейших технологий и в первую очередь ИИ. В рамках реализации концепции «Общества 5.0» в Японии был создан Стратегический совет по технологии ИИ, специально курирующий исследования, разработки и внедрение ИИ. В 2017 г. Стратегический совет разработал Стратегию развития технологии ИИ, содержащую план развития Японии в области НИОКР и индустриализации с целью развития промышленной экосистемы ИИ к 2030 г.

Возлагая большие надежды на развитие ИИ в деле стимулирования экономического роста и гармонизации общества, государства между тем осознают и серьёзные риски, сопряженные с его развитием. Современный уровень технологического развития позволяет с помощью ИИ создавать технологии, которые потенциально могут быть использованы злоумышленниками для нанесения вреда отдельным индивидам, компаниям, обществу, государствам и т.д. Такие новые технологии, как дипфейк (deepfake), умные боты (smart bots) или фишинговые атаки (phishing), способны создавать поддельный синтезированный видео- и аудиоконтент и ложные новости, влиять на общественно-политический дискурс, подрывать общественное доверие или даже открывать возможности для шантажа чиновников и дипломатов. В международных отношениях эти технологии могут стать эффективным информационным орудием дестабилизации социально-политической ситуации в государствах, а также нанесения вреда межгосударственным отношениям.

Данная статья призвана очертить масштабы и сферы использования дипфейков, их законодательное регулирование в мире и в Японии, раскрыть проблематику злонамеренного использования дипфейков в политических целях, а также оценить риски информационно-психологической безопасности Японии в контексте их злонамеренного использования.

Технология «дипфейк»: масштабы и сферы использования, законодательное регулирование

Достаточно серьёзные опасения в экспертном сообществе связаны с развитием технологии «дипфейк» как открывающей новые возможности для дезинформации, манипулирования медийным пространством и общественным мнением. Технология «дипфейк» состоит в создании с помощью ИИ очень реалистичного поддельного видео- или аудиоконтента. Созданные посредством машинного обучения поддельные видео могут

¹ Society 5.0. https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html (дата обращения: 02.08.2021).

производить реалистичное впечатление, будто человек говорит или делает что-то, чего на самом деле он никогда не говорил и не делал. Используя множество реальных примеров речи и движущихся изображений, обучается так называемая нейронная сеть, которая используется для создания дипфейков и обмана людей.

Сама по себе технология «дипфейк», с одной стороны, открывает обширные перспективы для целого ряда индустрий, в первую очередь работающих с изображениями: рекламы и медиа, индустрии развлечений и игр, виртуальных ассистентов, киноиндустрии², медицины (например, создание изображений МРТ для обучения медицинского персонала) и пр. С другой стороны, дипфейки как новая форма дезинформации становятся настоящей проблемой в коммуникативной среде из-за лёгкости распространения поддельного контента через социальные сети и онлайн-новости. Появление первого настоящего дипфейка в Интернете принято датировать сентябрем 2017 г., когда на сайте Reddit.com пользователь под ником DeepFakes опубликовал серию компьютерных видеороликов порнографического содержания с людьми, чьи лица были заменены на лица известных актрис. Это стало началом появления различного контента для взрослых с «участием» известных актрис. Более того, с момента своего создания в 2017 г. инструменты и алгоритмы, позволяющие изменять лица и звуки в аудиовизуальном контенте, развились до такой степени, что появились мобильные приложения и Интернет-сервисы, позволяющие обычным пользователям создавать всё более убедительный поддельный контент. Приложения по созданию дипфейков стали легкодоступными и простыми в использовании, и пользователи без специального компьютерного инженерного образования получили возможность генерировать поддельное видео за считанные секунды. На сегодняшний день существует большое количество подобного рода приложений, включающих, но не ограниченных приложениями ZAO, REFACE, FakeApp, FaceSwap, DFaker (развёрнутый список существующих приложений и их классификацию см. [Masood, Nawaz 2021, p. 5]).

Количество дипфейков в Интернете стремительно растёт. Согласно докладу компании Deepertrace, лишь за первые девять месяцев 2019 г. число обнаруженных в Интернете дипфейк-видео увеличилось почти вдвое с 7964 до 14678 [The state of deepfakes: landscape...], уже к декабрю 2020 г. достигнув 85 тысяч [The state of deepfakes: updates...]. При этом, согласно экспертным оценкам, подавляющее большинство обнаруженных дипфейков нацелены на США и Великобританию (50,1 и 10,9 % от всех обнаруженных дипфейков на середину 2020 г. соответственно), далее в порядке убывания следуют Республика Корея (9,6 %), Индия (5 %) и Япония (4 %) [Hofesmann 2020].

Технология «дипфейк» нашла широкое применение для производства порнографического контента. Так, на сентябрь 2019 г. 96 % размещенного в Интернете дипфейк-видео приходилось именно на подобный контент [The state of deepfakes: landscape...]. Согласно экспертным оценкам, чаще всего жертвами дипфейков порнографического характера становятся британские и американские актрисы, а также южнокорейские К-поп исполнители [The state of deepfakes: landscape..., p. 7]. В Японии подобный контент также получил широкое распространение. Так, осенью 2020 г. Столичная полиция Токио сообщила национальному телеканалу NHK, что с ними связались около

² Почувствуйте разницу // Информационные технологии. 31 марта 2021. № 55. С. 16. <https://www.kommersant.ru/doc/4740464> (дата обращения: 14.08.2021).

200 знаменитостей женского пола, чтобы пожаловаться на дипфейки порнографического содержания³.

В сентябре 2020 г. в Японии были произведены первые аресты граждан, подозреваемых в создании и распространении дипфейков порнографического содержания (с целью получения материальной выгоды) – Столичное управление полиции Токио и полиция префектуры Тиба арестовали двух мужчин по обвинению в клевете и в распространении в Интернете подделанных ими порнографических видео, где лица актрис на исходных видео были заменены лицами знаменитостей⁴. Уже в ноябре того же года ещё трое японцев были задержаны по схожим обвинениям. Примечательно, что в Японии, как и в большинстве стран мира, пока отсутствуют законодательные нормы, регулирующие технологию «дипфейк». Редким новатором в сфере разработки правового регулирования дипфейков является Китай, где в ноябре 2019 г. были обнародованы правила, регулирующие видео- и аудиоконтент в Интернете. В них, в частности, запрещается поставщикам и пользователям сетевых аудио- и видеoinформационных услуг публиковать и распространять ложную информацию или дипфейки в Интернете без чёткого обозначения того, что соответствующий контент был создан с использованием ИИ или виртуальной реальности⁵. В США, которые чрезвычайно обеспокоены исходящими от дипфейков вызовами (в частности, дипфейки там рассматриваются как способные представлять вызовы демократии и национальной безопасности), на федеральном уровне пока не было принято законодательных норм, регулирующих дипфейки, но в отдельных американских штатах подобная законодательная практика уже представлена. Так, в штате Вирджиния был принят закон, запрещающий дипфейки порнографического содержания, а в Техасе – запрещающий дипфейки, используемые для влияния на выборы [Nelson 2019]. В штате Калифорния в 2019 г. также были приняты две законотворческие нормы, запрещающие распространение политических дипфейков в ходе избирательных кампаний (AB730) и дипфейков порнографического содержания (AB602)⁶.

В приведённых выше случаях задержания японских граждан при их арестах применялись законодательные нормы, связанные с клеветой: согласно японскому законодательству, обвинение в клевете может быть предъявлено тому, кто оскорбляет честь или наносит ущерб репутации другого человека. Его можно применять в случаях, когда жертва известна, поскольку это может повлиять на его или её общественное положение

³ Ryall J. Celebrity deepfake porn cases in Japan to rise in sex-related cybercrime // South China Morning Post. November 20, 2020. https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3145113/chinese-actor-zhang-zhehan-faces-domestic-boycott-over-2018?module=perpetual_scroll&pgtype=article&campaign=3145113 (дата обращения: 14.08.2021).

⁴ Two men arrested over deepfake pornography videos // The Japan Times. October 2, 2020. <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/10/02/national/crime-legal/two-men-arrested-deepfake-pornography-videos/> (дата обращения: 12.08.2021).

⁵ Ванло инь шипинь синьси фуу гуаньли гуйдин [Положения об администрировании сетевых аудио- и видеoinформационных служб]. Ст. 10–12. http://www.cac.gov.cn/2019-11/29/c_1576561820967678.htm (дата обращения: 18.03.2021). (На кит.).

⁶ Halm K.C., Kumar A., et al. Two new California laws tackle deepfake videos in politics and porn // DWT LLP. November 10, 2019. <https://www.dwt.com/blogs/artificial-intelligence-law-advisor/2019/10/california-deepfakes-law> (дата обращения: 11.08.2021).

и карьеру, но это также применимо к обычным гражданам на тех же основаниях, что и нанесение вреда репутации⁷.

Вместе с тем, несмотря на широкое использование дипфейков в порнографическом контенте, большинство дипфейков, представленных в настоящее время на открытых социальных платформах, таких как YouTube, Facebook или Twitter, носят всё же безобидный, развлекательный характер [Masood, Nawaz 2021, p. 4], что, однако, не исключает риски злонамеренного использования дипфейков злоумышленниками. Созданные при помощи технологии «дипфейк» ложно-негативные аудио и видео представляют собой новую форму кибератак, способных нанести серьёзный ущерб отдельным индивидам, компаниям, обществу, государству.

Злонамеренное использование дипфейков в политических целях

В зависимости от преследуемых целей злонамеренное использование дипфейков можно условно подразделить на три уровня. К первому уровню относится хулиганство, при котором у злоумышленников отсутствует намерение получения выгоды, а целью является либо просто развлечение, либо демонстрация целевой аудитории своих возможностей (например, нанесение вреда репутации звёздам киноиндустрии). Второй уровень уже подразумевает преследование злоумышленниками цели извлечения материальной или иной выгоды (например, финансовое мошенничество, социальный инжиниринг, шантаж, распространение платного порнографического контента, нанесение репутационного вреда конкурентам, получение доступа к личной информации). Широкую известность получил случай использования преступниками голосового дипфейка в 2019 г., когда управляющий директор британской энергетической компании, получив звонок от якобы главы материнской компании в Германии (была синтезирована речь главы компании), перевёл преступникам 243 тыс. долл. [The state of deepfakes: landscape..., p. 14].

И, наконец, третий уровень злонамеренного использования дипфейков – это их применение в политической сфере с целью нанесения вреда политическим деятелям и партиям (например, во время избирательных компаний), государству (например, посредством дестабилизации политической или социально-экономической ситуации) и межгосударственным отношениям. В руках злоумышленников дипфейки могут превращаться в эффективное орудие информационно-психологического воздействия на население. Так, дезинформация, переданная с помощью дипфейков, может стать проблемой во время выборов, поскольку любой политический деятель может попытаться дискредитировать оппонента или спровоцировать политический скандал с целью продвижения своих собственных интересов. Как следствие, после воздействия дипфейка граждане могут изменить своё отношение как к соответствующему политику, подвергнувшемуся информационной атаке посредством дипфейка, так и к партии политика в целом.

⁷ Ryall J. Celebrity deepfake porn cases in Japan to rise in sex-related cybercrime // South China Morning Post. November 20, 2020. https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3145113/chinese-actor-zhang-zhehan-faces-domestic-boycott-over-2018?module=perpetual_scroll&pgtype=article&campaign=3145113 (дата обращения: 14.08.2021).

Технология «дипфейк» может также потенциально быть использована в политических целях для дискредитации национальных лидеров, распространения дезинформации и манипулирования общественным мнением, подстрекательства к актам насилия в отношении меньшинств, распространения идеологий экстремистских или террористических групп, разжигания социальных волнений и политической поляризации общества и пр. Созданные с использованием технологии «дипфейк» фальшивые видеоролики о жестоком обращении правительства с гражданами могут вызвать возмущение общественности, угрожая стабильности политической системы. Эксперты обращают внимание на то, что, например, использование технологии «дипфейк» для имитации голоса высокопоставленных правительственных чиновников или военных может иметь серьёзные последствия для национальной безопасности [Masood, Nawaz 2021, p. 5–6]. Передавая фальшивую информацию, дипфейки могут использоваться для обмана военных аналитиков, например, показывая фальшивый мост через реку, вводя в заблуждение при развёртывании войск. Дипфейки также могут быть использованы для шантажа высокопоставленных должностных лиц или лиц, имеющих доступ к секретной информации [Sayler 2021]. Уже есть свидетельства того, что оперативники внешней разведки использовали дипфейк-фотографии для создания поддельных учётных записей в социальных сетях, где они предпринимали попытки вербовки [Sayler 2021].

Известные к настоящему моменту случаи дипфейков с политическими деятелями преимущественно носили характер политической сатиры. Например, это появившийся в 2018 г. дипфейк с 44-м президентом США Б. Обамой, в котором он якобы оскорбляет 45-го президента Д. Трампа, или два дипфейк-видео 2020 г., на которых северокорейский лидер Ким Чен Ын и президент РФ В. Путин якобы высказываются по поводу выборов в США и уязвимости демократии⁸.

Однако имели место и случаи намеренного использования дипфейков или манипулирования проблематикой дипфейков в политических целях и оказания информационно-психологического воздействия на население. Например, в 2018 г. одна из политических партий Бельгии создала фальшивое видео выступления Д. Трампа, в котором он призывал Бельгию последовать примеру США и выйти из Парижского климатического соглашения. По замыслу его создателей, дипфейк был призван привлечь внимание населения на необходимость принятия мер в связи с изменением климата и убедить людей подписать петицию, призывающую правительство принять меры против изменения климата⁹.

Возможности манипулирования проблематикой дипфейков были продемонстрированы в конце 2018 – начале 2019 гг. в ходе политических событий в Габоне. Тогда, на фоне слухов о состоянии здоровья президента Габона Али Бонго, который продолжительное время не появлялся на публике, правительство выпустило видео, на котором Бонго произносил традиционное новогоднее обращение. Необычное поведение Бонго на видео побудило многих в социальных сетях, в том числе его политических оппонентов, заявить, что видео

⁸ Hao K. Deepfake Putin is here to warn Americans about their self-inflicted doom // MIT Technology Review. September 29, 2020. <https://www.technologyreview.com/2020/09/29/1009098/ai-deepfake-putin-kim-jong-un-us-election/> (дата обращения: 12.08.2021).

⁹ Следует отметить, однако, что в конце видео было обозначено, что это дипфейк. См.: Yans von der Burchard. Belgian socialist party circulates 'deep fake' Donald Trump video. May 21, 2018. <https://www.politico.eu/article/spa-donald-trump-belgium-paris-climate-agreement-belgian-socialist-party-circulates-deep-fake-trump-video/> (дата обращения: 10.08.2021).

было дипфейком и правительство скрывает нездоровье или смерть президента. Через неделю после публикации видео была предпринята неудачная попытка государственного переворота. Последующая экспертиза не обнаружила признаков подтасовки видеоролика, и Бонго после этого неоднократно появлялся на публике.

В июне 2019 г. в Малайзии разразился настоящий политический скандал в связи с видео, на котором тогдашний министр экономики (2018–2020 гг.), а ныне министр международной торговли и промышленности (с 2020 г.) этой страны Мохамед Азмин Али занимался сексом с однополым партнёром, что само по себе является нарушением закона в Малайзии. По утверждению политика, видео являлось дипфейком, но специалисты не смогли однозначно определить, было ли видео подделкой.

Схожий инцидент имел место в Японии, но с менее счастливым концом для его фигуранта. Весной 2018 г. Генеральный секретарь Министерства финансов Японии Фукуда Дзюнъити был обвинен в сексуальных домогательствах к женщине-репортёру во время интервью. В качестве доказательства вины высокопоставленного чиновника была предоставлена аудиозапись, подлинность которой Фукуда отрицал [Rini 2020]. В конечном счёте, обвинённый в домогательствах японский политик был вынужден оставить свой пост.

Инциденты с Фукуда Дзюнъити и Мохамедом Азмин Али отражают проблематику так называемого эффекта дивидендов лжеца, введённого в научный оборот Д.К. Ситроном и Р. Чесни и означающего ситуацию, когда люди утверждают, что контент является дипфейком и на этом основании отрицают подлинность соответствующего аутентичного контента, изображающего неподобающее или преступное поведение [Sayler 2021].

Злонамеренное использование дипфейков в международных отношениях: риски для Японии

Тот факт, что вплоть до текущего момента технология «дипфейк» крайне редко злонамеренно использовалась с преступными или политическими целями [Ciancaglini, Gibson 2020, p. 59], а применялась преимущественно в развлекательных целях, не исключает потенциала её злонамеренного использования по мере совершенствования этой технологии. Для антисоциальных негосударственных акторов, таких как террористические организации, преступные группы, оппозиционные политические силы, корпоративные группы интересов или секты, технология «дипфейк» может оказаться мощным, недорогим и легкодоступным инструментом оказания информационно-психологического давления на целевую аудиторию.

Злонамеренное использование дипфейков может проявиться и в международных отношениях. Например, заинтересованные страны способны при помощи ИИ создавать ложные информационные поводы, фабриковать «доказательства», оправдывающие их вмешательство во внутренние дела других государств (по аналогии с фабрикацией «данных», сделавших возможной операцию в Ираке) [Лун Кунь, Ма Юэ 2019, с. 26]. Недружественные государства могут также, создавая ложно-негативный контент, разжигать внутренние противоречия в государствах, дискредитировать национальных лидеров, правящие политические партии, инспирировать «цветные революции» и пр.

Не исключена ситуация, когда недружественное государство или антисоциальные акторы вознамерятся имитировать информационные поводы для нанесения вреда межгосударственным отношениям третьих стран, способствовать разрушению взаимного

доверия между ними или даже провоцировать межгосударственные конфликты. Например, злонамеренные информационные «вбросы» по «чувствительным вопросам» японско-китайских отношений (по вопросам принадлежности островов Сэнкаку или касающиеся исторических событий 1931–1945 гг.), японско-южнокорейских (по вопросам исторического наследия периода колониального правления Японии на Корейском полуострове в 1910–1945 гг.), японско-северокорейских (по вопросам похищения Пхеньяном японских граждан в конце 1970-х – начале 1980-х гг.) или японско-российских (по вопросам принадлежности Курильских островов) отношений способны оказывать дестабилизирующий эффект на социально-политическую обстановку в соответствующих странах и на их межгосударственные отношения.

Исключительно гипотетически, для Японии подобного рода риски, связанные с использованием дипфейков в целях оказания информационно-психологического воздействия, могут происходить как от недружественных государств (сейчас в Японии в этом контексте главным образом рассматривают Китай и Северную Корею), так и со стороны, например, религиозных сект, террористических и экстремистских сил, преступных групп и пр.

В контексте обеспечения национальной безопасности в Японии сейчас огромное значение придаётся рискам, вызовам и угрозам, связанным с технологическим прогрессом и инновациями и, в особенности, с появлением и развитием таких технологий, способных кардинально изменить характер боевых действий в будущем, как искусственный интеллект, гиперзвуковые технологии и пр.¹⁰. В связи с этим, наибольшую обеспокоенность вызывает Китай, занимающий ныне первое место в списке угроз безопасности Японии [Лексютина, Михалевич 2021, с. 78] и, по японским оценкам, придающий большое значение укреплению своих операционных возможностей, направленных на обретение информационного превосходства и расширение возможностей в космосе, киберпространстве и электромагнитном спектре¹¹.

Второе место в списке угроз безопасности Японии – после Китая – ныне занимает Северная Корея, чьё военное развитие и ракетно-ядерная программа оцениваются как представляющие «серьёзную и неминуемую угрозу безопасности Японии»¹². Помимо развития ракетно-ядерного потенциала и общего повышения операционных возможностей северокорейских вооружённых сил, особую озабоченность Токио выражает в связи с тем, что Северная Корея целенаправленно развивает киберсилы в русле укрепления своего асимметричного военного потенциала, занимается кражей военных секретов и развивает возможности для атак на критическую инфраструктуру зарубежных стран¹³.

В докладе «Оборона Японии в 2020 г.» особо выделяются Китай и Россия как страны, которые усиливают наступательные кибервозможности своих вооружённых сил с целью

¹⁰ 2020 Defense of Japan. Pamphlet. P. 1.
https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2020/DOJ2020_Digest_EN.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

¹¹ 2020 Defense of Japan. Pamphlet. P. 3.
https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2020/DOJ2020_Digest_EN.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

¹² National defense program guidelines for FY 2019 and beyond. December 18, 2018.
https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218_e.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

¹³ National defense program guidelines for FY 2019 and beyond. December 18, 2018.
https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218_e.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

нанесения вреда силам противников и разрушения их инфраструктуры¹⁴. В основном озабоченность Японии связывается с кибератаками против информационно-коммуникационных сетей правительственных организаций, военных ведомств, корпораций и академических институтов, а также с атаками, преследующими цель кражи критических технологий, секретов или личной информации¹⁵.

В целях усиления способностей противостоять вызовам и угрозам в киберсфере в Японии придают приоритетное значение усилению специальной Группы кибербезопасности в составе Сил самообороны (в т.ч. посредством увеличения персонала и финансирования), улучшению компьютерных сетей и систем, развитию человеческих талантов в киберсфере, использованию передовых кибертехнологий¹⁶. Также Япония уделяет внимание участию в многосторонних формах сотрудничества по вопросам обеспечения кибербезопасности. В частности, в сентябре 2020 г. Япония присоединилась к инициированному Вашингтоном многостороннему форуму «Партнёрство в области ИИ для обороны», включающему также Австралию, Канаду, Данию, Эстонию, Финляндию, Францию, Израиль, Норвегию, Южную Корею, Швецию и Великобританию. Этот форум направлен на «обеспечение основанного на ценностях глобального лидерства» в вопросах внедрения ИИ в поддержание безопасности и на согласование действий «в целях содействия ответственному использованию ИИ, продвижения общих интересов и лучших практик по внедрению этики ИИ, установления рамок для облегчения сотрудничества, координации стратегических выступлений о политике в области ИИ»¹⁷.

Заключение

С момента появления в Интернете первого дипфейка в 2017 г., эксперты фиксируют стремительный рост применения технологии «дипфейк» не только в развлекательных целях, но и в менее безобидных формах. Злоумышленники стали широко использовать эту технологию в преступных целях для извлечения материальной выгоды (прежде всего, для создания порнографического контента и атак с использованием социальной инженерии) и в редких случаях – даже для оказания информационно-психологического воздействия на население. В отличие от США и Великобритании, на которые приходится бо́льшая часть дипфейк-атак, для Японии проблема злонамеренного использования дипфейков пока не носит характер массового явления, хотя случаи ареста японских граждан, подозреваемых в создании и распространении дипфейков порнографического содержания, уже имели место. В политической сфере манипулирование проблематикой дипфейков в Японии имеет пока единичный характер, что вероятно объясняет недостаточное внимание японских властей к данной проблематике. В Японии отсутствуют законодательные нормы, регулирующие использование технологии «дипфейк», а проблематика дипфейков слабо представлена в японском экспертном и общественно-политическом дискурсе. Несмотря на наличие рисков

¹⁴ 2020 Defense of Japan. Pamphlet. P. 8.
https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2020/DOJ2020_Digest_EN.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

¹⁵ 2020 Defense of Japan. Pamphlet. P. 8.
https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2020/DOJ2020_Digest_EN.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

¹⁶ 2020 Defense of Japan. Pamphlet. P. 12, 14.
https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2020/DOJ2020_Digest_EN.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

¹⁷ AI partnership for defense joint statement. September 16, 2020.
https://www.ai.mil/docs/AI_PfD_Joint_Statement_09_16_20.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

злонамеренного использования дипфейков в политических целях, в Японии в русле обеспечения национальной безопасности, информационно-психологической безопасности и защиты демократии эта проблематика не является приоритетной. Придавая большое значение рискам, вызовам и угрозам национальной безопасности, связанным с развитием искусственного интеллекта, Япония сфокусирована на противодействии кибератакам и кибершпионажу, а также на мониторинге кибервозможностей своих потенциальных оппонентов, мало внимания уделяя рискам, сопряжённым с технологией «дипфейк». Противодействие злонамеренному использованию дипфейков в Японии преимущественно идет по линии борьбы с порнографическим контентом, распространяемым в Интернете.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лексютина Я.В., Михалевич Е.А., Нго Хыонг Лан. Характер межгосударственных отношений, межгосударственные противоречия и вызовы информационно-психологической безопасности в Северо-Восточной Азии. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы XI международной научно-практической конференции (Благовещенск, 11–12 мая 2021 г.)* / отв. ред. Д.В. Кузнецов. Вып. 11. Часть 4. 2021. Благовещенск: Изд-во БГПУ. С. 76–83.

REFERENCES

Leksyutina, Ya., Mikhalevich, E., Ngo Houng Lan. (2021). Kharakter mezhgosudarstvennykh otnoshenii, mezhgosudarstvennye protivorechiya i vyzovy informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti v Severo-Vostochnoi Azii [Inter-state relations, major contradictions, and challenges to the information and psychological security in Northeast Asia]. In D. Kuznetsov (ed.), *Rossiya i Kitaya: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy XI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Blagoveshchensk, 11-12 maya 2021 g.)* [Russia and China: history and prospects of cooperation: proceedings of the XI scientific and practical conference (Blagoveshchensk, May 11-12, 2021)] (p. 76–83). Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU. (In Russian).

* * *

Long Kun, Ma Yue. (2019). Shēndù wèizào duì guójiā ānquán de tiǎozhàn jí yìngduì [The challenges and responses of deepfake to national security], *Xìnxī ānquán yǔ tōngxìn bǎomì* [Information Security and Communication Confidentiality], 10, 21–34. (In Chinese).

Artificial intelligence policies in East Asia: an overview from the Canadian perspective. 2019. Retrieved August 10, 2021, from https://www.asiapacific.ca/sites/default/files/filefield/ai_report_2019.pdf

Ciancaglini, V., Gibson, Cr., Sancho, D., et. al. (2020). *Malicious uses and abuses of Artificial intelligence: Europol public information.* Retrieved May 10, 2021, from https://documents.trendmicro.com/assets/white_papers/wp-malicious-uses-and-abuses-of-artificial-intelligence.pdf

Hofesmann, E. (November 19, 2020). *The state of deepfakes in 2020.* Retrieved August 11, 2021, from <https://www.skynettoday.com/overviews/state-of-deepfakes-2020>

Masood, M., Nawaz, M., et al. (2021). *Deepfakes generation and detection: state-of-the-art, open challenges, countermeasures, and way forward.* Retrieved August 15, 2021, from <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2103/2103.00484.pdf>

Nelson, A. (October 23, 2019). *Trust your eyes? Deepfakes policy brief*. Retrieved August 13, 2021, from <https://www.csis.org/analysis/trust-your-eyes-deepfakes-policy-brief>

Rini, R. (2020). Deepfakes and the epistemic backstop. *Philosopher's Imprint*, 20(24), 1–16. Retrieved August 15, 2021, from <https://philpapers.org/archive/RINDAT.pdf>

Sayler, K. (June 8, 2021). *Deep fakes and national security*. CRS report. Retrieved August 15, 2021, from <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11333>

Sizing the prize. (2017). What's the real value of AI for your business and how can you capitalise? *PwC report*. Retrieved August 10, 2021, from <https://www.pwc.com/gx/en/issues/analytics/assets/pwc-ai-analysis-sizing-the-prize-report.pdf>

The state of deepfakes: landscape, threats, and impact. (2019). Retrieved August 12, 2021, from https://regmedia.co.uk/2019/10/08/deepfake_report.pdf

The state of deepfakes: updates on statistics and trends. (2021). Retrieved August 15, 2021, from <https://sensity.ai/reports/>

Поступила в редакцию 16.08.2021

Received 16 August 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116

Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI в.: опыт для России

Е.В. Колдунова

Аннотация. В XX в. отношения Японии и стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) пережили несколько драматических взлётов и падений. Япония была первой неевропейской страной, которая в конце 1930-х гг. выступила с идеей собственного регионального порядка для Азии. Последствия её реализации оказались болезненными, как для самой Японии, так и для её соседей. После поражения во Второй мировой войне частью политического и общественного сознания многих стран региона стала «историческая память» о Японии как о стране-агрессоре. Однако за вторую половину XX в. Японии удалось в корне изменить представление о себе в Юго-Восточной Азии и закрепиться в качестве одной из ведущих макрорегиональных держав. Это движение не было линейным. Тем не менее фактом остаётся безусловный успех Японии в преодолении негативного образа времен Второй мировой войны и её выход на позиции одной из наиболее приемлемых альтернативных сил в условиях обострения китайско-американских противоречий. Очередной виток активизации отношений Японии с Юго-Восточной Азией пришёлся как раз на период экспоненциального экономического роста Китая и был связан с развитием японской версии концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как ответа на этот рост. Как доказывается в данной статье, успех Японии имел под собой несколько оснований. К ним стоит отнести переосмысление структурной роли Японии в регионе (от милитаристской силы, продвигавшей иерархический региональный порядок, к державе, экономически организующей развитие региона с опорой на сетевые типы связей), прогрессивная динамика институционального взаимодействия с АСЕАН и целенаправленное углубление сотрудничества в тех областях, где интересы Японии и стран региона совпадали в наибольшей степени или были существенно близки. Несмотря на то, что Россия едва ли может полностью повторить траекторию успеха развития отношений Японии с регионом, её отдельные элементы вполне заслуживают более пристального внимания.

Ключевые слова: Япония, Юго-Восточная Азия, США, Китай, АСЕАН, региональный порядок.

Автор: Колдунова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, доцент, и.о. директора Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-9973-9574; E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (грант No 19-18-00142).

Для цитирования: Колдунова Е.В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI в.: опыт для России // Японские исследования. 2021. № 3. С. 102–116. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116

Transformation of Japan's relations with Southeast Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note

E.V. Koldunova

Abstract. In the 20th century, relations between Japan and Southeast Asia experienced several dramatic ups and downs. Japan was the first non-European country that in the late 1930s presented its own vision of the regional order in Asia. The consequences of its realization proved to be painful both for Japan itself and for its neighbors. After the Japanese defeat in the World War II, the historical memory of Japan as an aggressor became a part and parcel of political and social consciousness of many states of the region. However, within the second part of the 20th century, Japan had managed to radically transform this perception in Southeast Asia, turning itself into a leading macro-regional power. This transformation did not come without difficulties but eventually resulted in a successful overcoming of the World War II legacy and made Japan one of the most welcomed alternative forces amidst the rising Sino-US contradictions. A new wave of proactive relations between Japan and Southeast Asia took place against the background of China's economic rise and was connected with the advancement of the Japanese version of the Indo-Pacific as a reaction to China's rise. This article argues that Japan's success in its relations with Southeast Asia had several reasons. The first one was the reassessment of the Japanese structural role in the region (from a militarist force pushing for a hierarchical regional order into a power which managed to organize regional development based on the network type of connections). Others included the progressive dynamics of institutional interaction with ASEAN and targeted cooperation in the areas where Japanese interests coincided or were significantly close to the interests of Southeast Asian states. Despite the fact that Russia can hardly repeat Japanese success in developing its relations with Southeast Asia, certain elements of it are well worth taking note of.

Keywords: Japan, Southeast Asia, USA, China, ASEAN, regional order.

Author: Koldunova Ekaterina V., Ph.D. (Political Science), Acting Director, ASEAN Centre and Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9973-9574; E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00142).

For citation: Koldunova E.V. (2021). Fenomen transformatsii otnosheniy Yaponii i stran Yugo-Vostochnoy Azii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI v.: opyt dlya Rossii [Transformation of Japan's relations with Southeast Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 102–116. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116

Введение

На протяжении XX в. отношения Японии и стран Юго-Восточной Азии пережили несколько драматических взлётов и падений. Япония была первой неевропейской страной, которая в конце 1930-х гг. выступила с идеей собственного регионального порядка для Азии, однако последствия её реализации оказались болезненными, как для самой Японии, так и для её соседей. После поражения во Второй мировой войне частью политического

и общественного сознания многих стран региона стала «историческая память» о Японии как о стране-агрессоре.

Закреплённый в конституции 1947 г. отказ Японии от войны как средства ведения внешней политики, успех «японского экономического чуда» в 1960-х гг. и вынос многих японских производств в Юго-Восточную Азию в 1980-е – 1990-е годы в корне изменили положение Японии в регионе. Однако Азиатский финансовый кризис 1997 г., ощутило ударивший по экономике страны, привёл к новой деконструкции роли Японии, на этот раз – как ожидаемого экономического лидера в регионе. Очередной виток активизации отношений Японии с Юго-Восточной Азией пришёлся на период нахождения у власти премьер-министра Абэ Синдзо (2006–2007, 2012–2020) и был связан с развитием японской версии концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Несмотря на нелинейный характер отношений Японии со странами ЮВА во второй половине XX в. фактом остаётся безусловный успех Японии в преодолении негативного образа времен Второй мировой войны и её выход на позиции одной из наиболее приемлемых альтернативных сил в условиях обострения китайско-американских противоречий. Страны ЮВА в отличие от КНР или Южной Кореи [Стрельцов 2020] сегодня существенно в меньшей степени готовы вспоминать о тёмных страницах прошлого в отношениях с Японией. Примечательно, что по оценкам сингапурского Института исследований Юго-Восточной Азии на протяжении 2019–2021 гг. Япония оставалась страной, которой среди всех основных внешних партнёров в АСЕАН доверяли больше всего и оценивали её действия по поддержанию мира и безопасности в регионе как наиболее правильные по сравнению с действиями других ведущих держав [Seas et al. 2021, p. 3; Tang et al. 2020, p. 3; Tang et al. 2019, p. 29].

В современной отечественной и зарубежной литературе содержится глубокий анализ различных исторических и современных аспектов взаимодействия Японии и Юго-Восточной Азии, а также институционального сотрудничества Японии и АСЕАН [Sudo 1992; Peng 2013; Стрельцов 2015; Lang 2020]. Многочисленные публикации посвящены истории развития отдельных аспектов этих отношений, экономической роли Японии в регионе, динамике предоставления официальной помощи развитию и другим направлениям [Katzenstein and Rouse 1993; Мищенко 2019; Hatch 2010]. Однако в исследовательской литературе пока что не нашёл комплексного отражения феномен столь фундаментальной трансформации роли Японии в ЮВА и её восприятия странами региона.

Как доказывается в данной статье, успех Японии базировался на нескольких факторах. К ним стоит отнести переосмысление структурной роли Японии в регионе (от милитаристской силы, продвигавшей иерархический региональный порядок, к державе, экономически организующей развитие региона с опорой на сетевые типы связей), прогрессивная динамика институционального взаимодействия с АСЕАН и целенаправленное углубление сотрудничества в тех областях, где интересы Японии и стран региона совпадали в наибольшей степени или были существенно близки.

В результате к концу первой четверти XXI в. в условиях обострения китайско-американских противоречий и особой актуализации для стран ЮВА проблемы выбора Япония, наряду с ЕС, уверенно заняла нишу наиболее предпочтительной «третьей силы». Несмотря на то, что Россия едва ли может полностью повторить траекторию успеха развития отношений Японии с регионом, её отдельные элементы вполне заслуживают более пристального внимания.

Исторический контекст трансформации роли Японии в регионе

Короткий период японского колониализма в Юго-Восточной Азии имел для региона несколько важных последствий. С одной стороны, он продемонстрировал, каким на самом деле мог бы быть региональный порядок, в роли единственной доминирующей силы которого выступала азиатская держава [Acharya 2012, p. 83]. С момента завершения Второй мировой войны подобная ситуация больше ни разу не повторялась, а любое возвращение к ней рассматривалось в регионе как крайне нежелательное. С другой стороны, действия японцев в Юго-Восточной Азии способствовали формированию и укреплению самосознания целого ряда национально-освободительных движений.

При более близком знакомстве с японским подходом к переформатированию регионального порядка возможные перспективы дальнейшего развития оказались для Юго-Восточной Азии не столь радужными, хотя до начала Второй мировой войны некоторые политические лидеры и среди них, в частности, тогдашний тайландский премьер-министр Плек Пхивунсонгкхрам, рассматривали Японию как модель для подражания¹. Другие, как, например, бирманский национальный лидер генерал Аун Сан [Won 1978, p. 249], возлагали надежды на Японию как на силу, которая сможет противостоять европейскому колониализму в Азии. Идея сферы сопроцветания в Великой Восточной Азии прошла в своем развитии несколько этапов [Мещеряков 2020, с. 259]. На конференции стран Великой Восточной Азии, состоявшейся в ноябре 1943 г. в Токио, единение «освобожденных» Японией народов демонстрировали участвовавшие в ней представители Маньчжоу-Го, Китая, Таиланда, Бирмы², Филиппин и Индии, а оккупированные индонезийские территории ещё до конференции было принято полагать вошедшими в состав японской империи [Мещеряков 2020, с. 261].

Основное же противоречие между ожиданиями в отношении Японии, которые питали народы Юго-Восточной Азии, и японскими устремлениями коренилось в том, что Япония выстраивала свои действия в регионе исходя из иерархического понимания гармонии азиатских народов. В этой системе координат Японии отводилась высшая роль, а подчинённые страны и народы должны были, во-первых, политически, экономически и культурно переориентироваться на Японию, а во-вторых, всем подконтрольным территориям определялись совершенно конкретные функциональные задачи. В Китае, Корее и Маньчжурии планировалось создать индустриальный комплекс, а страны Юго-Восточной Азии должны были стать поставщиками ресурсов [Booth 2007, p. 148].

Менее широко известным последствием действий Японии в регионе того периода стало наследие японской подготовки военно-бюрократических кадров стран Юго-Восточной Азии, по меткому выражению американской исследовательницы Джойс Лебра-Чапмэн, ставших впоследствии «действующими силами революции и модернизации» [Lebra-Chapman 2010, p. 2]. Придание официального статуса национальным языкам (в частности, бирманскому, малайскому и тагальскому) и поддержка формирования националистически настроенных

¹ Привлекательность японского образования и успехов экономического развития подспудно отражены в тайской классической литературе, в частности, в опубликованном в 1937 г. известном романе Кулапа Сайпрадита «За картиной», главный герой которого уезжает учиться в Японию.

² Здесь и далее название «Бирма» используется применительно к периоду до 1989 г., «Мьянма» – к периоду после этого года.

полувоенных молодёжных группировок, по сути, заложило основы организованной борьбы за независимость в целом ряде стран Юго-Восточной Азии [Booth 2007, p. 151] и стало парадоксальным итогом периода японской оккупации.

Восстановление региональной роли Японии, но уже на других основаниях, началось после успехов «японского экономического чуда», превратившего Японию во вторую экономику мира, и оформления в 1977 г. доктрины Фукуда. Параметры внешней политики Японии по отношению к Юго-Восточной Азии, сформулированные тогдашним премьер-министром Фукуда Такэо, заложили основы трансформации имиджа страны в регионе. Следует, однако, отметить, что всего лишь за несколько лет до провозглашения доктрины Фукуда, ставшей первой за послевоенную историю артикулированной японской внешнеполитической стратегией по отношению к Юго-Восточной Азии, в регионе сохранялась высокая степень недоверия к Японии. Антияпонские демонстрации сопровождали визиты премьер-министра Танака Какуэй в Таиланд, Индонезию, Малайзию, Сингапур и на Филиппины в январе 1974 г.³ Недовольство вызывала экономическая политика Японии в регионе, воспринимавшаяся как мирный инвариант японской военной экспансии времен Второй мировой войны, и опора Японии в своём экономическом продвижении в регионе на китайскую диаспору без каких-либо существенных вложений в развитие местного человеческого капитала [Lam 2013, p. 11].

Завершая своё турне по странам Юго-Восточной Азии в Маниле в августе 1977 г., Фукуда Такэо обозначил три принципа японской политики в регионе, вся совокупность которых затем стала обозначаться как доктрина Фукуда: 1) в отношениях с регионом Япония исходит из того, что она не будет возвращаться к статусу военной державы; 2) Япония будет выстраивать отношения со странами Юго-Восточной Азии на основе взаимного доверия и по самому широкому кругу вопросов; 3) Япония будет взаимодействовать как со странами, образовавшими АСЕАН, так и с государствами Индокитая⁴. Последний тезис подразумевал стремление Японии закрепить за собой роль моста между коммунистическими и капиталистическими странами региона. Несмотря на то, что полностью реализовать эту функцию Японии не удалось из-за сложного комплекса отношений между странами АСЕАН и Вьетнамом, сложившегося в результате возникновения и эволюции Камбоджийской проблемы в конце 1970-х – 1980-е гг., в данном стремлении отчётливо просматривалось зарождение сетевого подхода Японии к взаимодействию со странами ЮВА.

Основной акцент в практической реализации доктрины Фукуда был сделан на методах экономической дипломатии. Ещё с 1960-х гг. Япония осуществляла вынос простых сборочных производств в Юго-Восточную Азию. Однако ревальвация японской иены после соглашения Плаза 1985 г. привела к тому, что структурная роль Японии подверглась

³ Halloran R. Tanaka Sees Thai Students who Denounced his Visit// The New York Times. January 11, 1974. P. 2. <https://www.nytimes.com/1974/01/11/archives/tanaka-sees-thai-students-who-denounced-his-visit-assurances-are.html> (дата обращения: 25.08.2021); Diplomatic Bluebook for 1974. Review of Recent Developments in Japan's Foreign Relations. Tokyo: Public Information Bureau, Ministry of Foreign Affairs, 1974. <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1973/1973-3-1.htm#Section%201.%20Prime%20Minister%20Tanaka's%20Visits%20to%20Various%20Countries> (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Diplomatic Bluebook for 1977. Review of Recent Developments in Japan's Foreign Relations. Tokyo: Public Information Bureau, Ministry of Foreign Affairs, 1977. <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1977/1977-3-1.htm#Section%201.%20Promotion%20of%20Relations%20with%20Other%20Countries> (дата обращения: 25.08.2021).

радикальной трансформации. За период второй половины 1980-х гг. Япония превратилась в одного из крупнейших экспортёров капитала, а замедление темпов роста японской экономики в начале 1990-х гг. заставило японский бизнес искать пути повышения своей конкурентоспособности на мировом рынке за счёт выноса в Юго-Восточную Азию, на тот момент регион с дешёвой и относительно квалифицированной рабочей силой, более сложных производств автомобильного и электронного машиностроения. Американский исследователь Уолтер Хетч приводит следующую статистику: с 1962 по 1997 г. представители японского автопрома совершили 405 инвестиционных вложений в экономику Таиланда, Малайзии, Индонезии и Филиппин, но 55 % из них пришлось именно на период с 1991 по 1997 г. [Hatch 2010, p. 79]. Помимо выноса производств и инвестиционного сотрудничества Япония стала основным источником официальной помощи развитию (ОПР) странам региона. К 1997 г. 20 % японской ОПР направлялось в страны АСЕАН, при этом Индонезия была вторым крупнейшим получателем японской помощи (после Китая, занявшего эту позицию с началом проведения экономических реформ в конце 1970-х гг.), Таиланд – четвёртым, далее шли Филиппины и Вьетнам⁵.

Помимо того, что в указанный период Япония по сути выступила в качества драйвера индустриализации в большинстве стран-основательниц АСЕАН (к слову, благодаря японским автосборочным предприятиям в 1990-е гг. Таиланд даже получил неформальное прозвище «Восточного Детройта» [Lim 2017, p. 178]), она, решая задачи снижения издержек своего промышленного производства, стала одной из ключевых стран в организации региональной интеграции *de facto* [Hiratsuka 2006]. Подобным термином исследователи начали обозначать региональную систему экономической взаимозависимости, сложившуюся в регионе не в результате реализации целенаправленно спланированного интеграционного проекта (как это было, например, в рамках ЕС), а в ходе сегментированного выноса сборочных производств транснациональных компаний в различные страны Юго-Восточной Азии.

Таким образом, в 1980–1990-е гг. на смену военно-иерархическому подходу Японии к региону времен Второй мировой войны пришло политэкономическое сетевое взаимодействие, структурно закрепившее японские позиции в Юго-Восточной Азии на кардинально иных основаниях. Вместе с тем Азиатский финансовый кризис 1997 г. прервал восходящий тренд роста японского влияния в регионе. Испытав существенное негативное воздействие этого кризиса на собственную экономику, Япония не смогла оказать странам региона помощь в ожидаемых масштабах, тем самым девальвируя свои позиции очевидного макрорегионального экономического лидера.

Диалоговое партнёрство Японии и АСЕАН

Одновременно с двусторонним сотрудничеством с отдельными странами региона с 1970-х гг. Япония начала налаживать взаимодействие с АСЕАН. Неформальные контакты с Ассоциацией были установлены в 1973 г. и затем формализованы как отношения диалогового партнёрства в 1977 г. во время турне премьер-министра Фукуда по странам региона.

⁵ Relationship between Japan and ASEAN. Ministry of Foreign Affairs of Japan. December 1998. <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/pmv9812/relation.html> (дата обращения: 25.08.2021).

Исследователи выделяют три периода в эволюции отношений Японии со странами АСЕАН [Lim 2017, pp. 177–183]. Первый пришёлся на конец 1970-х – 1980-е гг. и был связан в основном с ресурсной и экономической повесткой. В конце 1970-х гг. начал функционировать форум АСЕАН и Японии по вопросам производства синтетического каучука.

Второй период охватывает рубеж 1990-х и 2000-х гг. Он был важен для отношений Японии и АСЕАН по ряду причин. К этому времени относится принципиальный поворот в политике Японии в области безопасности, начавший реализовываться на практике в процессе мирного урегулирования ситуации в Камбодже. Принятый в 1992 г. Закон о международном сотрудничестве по обеспечению мира санкционировал участие военнослужащих японских Сил самообороны в операциях ООН по поддержанию мира [Панов и др. 2019, с. 305]. Помимо того, что Япония рассматривалась в качестве основного финансового спонсора восстановительного процесса, в 1993 г. восемь японских миротворцев были направлены в Камбоджу, где по итогам Парижского соглашения 1991 г. была сформирована переходная администрация ООН. Поскольку урегулирование ситуации в Камбодже было знаковым для становления АСЕАН в качестве регионального игрока, начало 1990-х гг. стало этапным и для сотрудничества Японии со странами Ассоциации. К этому времени обе стороны смогли наработать существенный опыт формального и неформального взаимодействия в ходе подготовки и проведения Токийской конференции в июне 1990 г., которая предшествовала Парижской международной конференции по Камбодже [Takeda 1998, pp. 553–568].

Процесс урегулирования в Камбодже был важен для Японии ещё и потому, что позволил ей, не афишируя свой подход открыто, постепенно наладить рабочие отношения со странами Индокитая, на тот момент ещё не являвшимися членами АСЕАН, а внутри Камбоджи – со всеми силами, вовлечёнными в политический процесс урегулирования⁶. Впоследствии такой же подход Япония старалась применить и в отношении Мьянмы, налаживая взаимодействие одновременно с несколькими сторонами внутреннего конфликта, не утихающего в этой стране и по сей день. После того, как Вьетнам в 1995 г., Лаос и Мьянма в 1997 г. и Камбоджа в 1999 г. присоединились к АСЕАН, Япония финансово поддержала ряд инициатив, направленных на адаптацию новых участников к интеграционным процессам в рамках Ассоциации [Shiraishi 2009].

В 2004 г. Япония присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и первой из всех диалоговых партнёров Ассоциации назначила своего постоянного представителя при АСЕАН⁷.

Знаковым событием для второго периода отношений Японии и АСЕАН стал уже упомянутый ранее Азиатский финансовый кризис. Если накануне кризиса Япония в основном взаимодействовала со странами АСЕАН в рамках созданных к тому моменту форматов диалогового партнёрства (министерские встречи, профильные группы старших должностных лиц и т.д.) и в одностороннем порядке выдвигала инициативы дальнейшей

⁶ Sek S. Reinvigorating Japan's Twin Track Diplomacy in Cambodia. April 8, 2019. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/04/08/commentary/japan-commentary/reinvigorating-japans-twin-track-diplomacy-cambodia/> (дата обращения: 25.08.2021).

⁷ Overview of ASEAN-Japan Dialogue Relations. June 14, 2021. https://asean.org/wp-content/uploads/20210614_Overview-ASEAN-Japan-Relations-full-version.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

финансово-экономической макрорегиональной интеграции (в частности, создание Азиатского финансового фонда), то кризисная ситуация 1997 г. способствовала формированию нового многостороннего формата АСЕАН+3, подразумевавшего участие в нём Японии, КНР и Южной Кореи. Япония достаточно успешно инкорпорировалась в формат АСЕАН+3, одновременно, однако, утратив позиции перспективного безусловного экономического лидера всей Восточной Азии.

При этом экономический подъём Китая усилил элементы японо-китайской конкуренции в регионе и привёл к появлению феномена «сетевого регионализма» [Rathus 2011]. Его суть заключалась в последовательном возникновении целой серии проектов торгово-экономической либерализации в Восточной Азии, которые выдвигались Китаем и Японией в ответ на действия друг друга. К таковым можно отнести проект зоны свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН+3, ответом на который стала ЗСТ АСЕАН и Китая, а впоследствии идея Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), поддержанная Японией с целью не допустить одностороннего увеличения влияния Китая в регионе⁸.

Формат АСЕАН+3 стал структурообразующим для многих инициатив в области макрорегионального финансово-экономического управления и после кризиса 1997 г., и после глобального экономического кризиса 2008 г. В первую очередь к ним стоит отнести заложившее основу для создания регионального фонда валютных резервов соглашение министров финансов АСЕАН+3 о придании многостороннего характера Чиангмайской инициативе, ранее развивавшейся в основном как сеть двусторонних своповых соглашений. В 2010 г. соглашение вступило в силу. Региональный фонд объединил финансовые вклады всех участников формата АСЕАН+3 и на момент образования составил 120 млрд долл. США⁹. В 2011 г. был создан макроэкономический исследовательский офис (ASEAN+3 Macroeconomic Research Office, AMRO), к функциям которого были отнесены макроэкономический надзор, помощь в реализации Чиангмайской инициативы и техническая поддержка её участников. К 2021 г. размер фонда удвоился и составил 240 млрд долл. США¹⁰.

Именно в формате АСЕАН+3 оказалось возможным долгосрочное взаимодействие экономически поднимающегося Китая, Японии и Южной Кореи, в то время как их попытки самостоятельно продвинуться в деле экономической интеграции в Северо-Восточной Азии так и не увенчались успехом, несмотря на позитивные ожидания рубежа 2010–2020-х гг. [Суслина 2012]. В рамках самой Ассоциации в это время разворачивались неформальные дискуссии о желаемом соотношении сил внерегиональных держав в Юго-Восточной Азии и в качестве такового рассматривалось активное присутствие трёх стран – Китая, Японии и Индии. Их вовлечение на тот момент представлялось вполне достаточным набором для поддержания нужного баланса в регионе [Acharya 2001, p. 168].

Третий период отношений Японии и АСЕАН связан с изменением геополитической и геоэкономической ситуации в регионе в связи с выдвиганием Китая на позиции второй экономики мира после 2010 г. В результате своего быстрого экономического подъёма Китай

⁸ Kawashima S. Japan's Painful Choice on RCEP. The Diplomat. August 03, 2020. <https://thediplomat.com/2020/08/japans-painful-choice-on-rcep/> (дата обращения: 25.08.2021).

⁹ The Joint Ministerial Statement of the 13th ASEAN+3 Finance Minister's Meeting. May 2, 2010. https://aseanplusthree.asean.org/wp-content/uploads/2020/01/JMS_13th_AFMM3.pdf (дата обращения: 22.08.2021).

¹⁰ ASEAN+3 Macroeconomic Research Office. <https://www.amro-asia.org/about-amro/who-we-are/> (дата обращения: 25.08.2021).

перестал быть частью, используя образное выражение японского экономиста 1930-х гг. Канамаэ Акамацу, «строя летящих гусей», системы уже упомянутой ранее региональной *de facto* интеграции, которая обеспечивала процесс включения новых индустриализирующихся стран в орбиту японского технологического лидерства посредством выноса туда японских производств. Более того, уже в 2013 г. Китай выдвинул свою собственную регионально-организующую идею «Морского шёлкового пути» (как части инициативы «Пояс и путь») в отношении Юго-Восточной Азии. Формально никак не конкурируя с АСЕАН-центричными институтами, она, тем не менее, в процессе реализации на практике создавала совершенно иной региональный контекст, поскольку экономически переориентировала на Китай по крайней мере часть стран-членов АСЕАН (Лаос, Камбоджу, в некоторой степени Мьянму). В результате подъём Китая вынудил и Японию, и АСЕАН начать поиск стратегических ответов на новую ситуацию.

К третьему периоду относится также активизация диалогового партнёрства Японии и АСЕАН сразу по нескольким трекам – в области политики и безопасности, экономического и гуманитарного взаимодействия. К этому времени значимой сферой сотрудничества диалоговых партнёров стала область реагирования на новые угрозы безопасности (борьба с терроризмом и транснациональной преступностью, угрозами в сфере информационной безопасности, преступлениями на море).

На протяжении последних лет Япония стабильно занимала позиции ключевого экономического партнёра Ассоциации (второй крупнейший инвестор и четвёртый торговый партнёр АСЕАН по состоянию на 2019 г.) и активно развивала гуманитарные связи со странами Юго-Восточной Азии. В этом плане необходимо особо отметить японскую программу «Генезис» (JENESYS), запущенную в 2007 г. и нацеленную на интенсификацию студенческих и молодёжных обменов. За период реализации программы её участниками стали порядка 37 тысяч человек из Японии и стран региона¹¹.

В целом следует отметить значительные успехи японской культурной дипломатии. Масштабные программы в этой сфере, делающие акцент на межазиатских связях и принадлежности Японии к региону, не только способствовали проникновению японского влияния во все сферы жизни Юго-Восточной Азии от промышленности и финансов до культуры, моды и туризма [Ben-Ari and Clammer 2000], но также стали одним из ключевых инструментов изменения восприятия Японии в регионе.

Ключевые направления активизации политики Японии в регионе на современном этапе

При всей комплексной положительной динамике диалогового партнёрства на современном этапе его особым направлением следует, однако, считать усилия Японии и АСЕАН по сближению их стратегий в отношении Индо-Тихоокеанского региона. Активное продвижение идеи ИТР в японской внешней политике связано со вторым сроком премьерства Абэ Синдзо (2012–2020 гг.), хотя эта конструкция фигурировала и в его более ранних выступлениях, в частности, в августе 2007 г. в индийском парламенте. Развивая японскую версию Индо-Тихоокеанского региона, Абэ был вынужден активизировать

¹¹ Overview of ASEAN-Japan Dialogue Relations. June 14, 2021. https://asean.org/wp-content/uploads/20210614_Overview-ASEAN-Japan-Relations-full-version.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

японскую внешнюю политику и в отношении АСЕАН, роль которой изначально не была особо артикулирована в стратегии¹², что неизбежно приводило к вопросам о том, в какой степени Япония готова поддерживать идею центральности Ассоциации для регионального сотрудничества.

Впоследствии, однако, это упущение было скорректировано, в японской концепции ИТР отдельно была подчеркнута центральность АСЕАН, а упоминание Ассоциации стало включаться во все разъяснения японской стратегии ИТР, в особенности ориентированные на аудиторию в странах Юго-Восточной Азии¹³. В 2019 г., реагируя на экспоненциальный рост Индо-Тихоокеанских стратегий различных международных игроков, АСЕАН выступила с собственным документом, посвящённым ИТР¹⁴. Подход АСЕАН к ИТР носил более инклюзивный и ориентированный на социально-экономическое развитие характер и в гораздо меньшей степени концентрировался на проблемах региональных антагонизмов.

В ноябре 2020 г. по итогам 23-го саммита АСЕАН и Японии диалоговые партнёры приняли Совместное заявление о сотрудничестве в области реализации Видения Индо-Тихоокеанского региона АСЕАН¹⁵. В нём были выделены четыре области сопряжения японской концепции ИТР и Индо-Тихоокеанского подхода АСЕАН: сотрудничество на море, взаимодействие в вопросах усиления взаимосвязанности, в области достижения целей устойчивого развития ООН и в сфере экономики. Помимо четырёх общих областей были выделены и более конкретные направления приложения совместных усилий. К ним были отнесены поддержание безопасности на море, борьба с загрязнением мирового океана пластиковым мусором, сопряжение японской инициативы качественной инфраструктуры и Генерального плана АСЕАН по увеличению взаимосвязанности, поддержка со стороны Японии проекта сети умных городов АСЕАН, развитие цифровой экономики и борьба с последствиями пандемии коронавируса нового типа¹⁶.

В период пандемии COVID-19 Япония проявила себя как надёжный партнёр стран региона, взяв на себя обязательства направить 50 млн долл. на работу Центра АСЕАН по борьбе с угрозами в области здравоохранения и новыми заболеваниями, решение о создании которого было принято в ноябре 2020 г.¹⁷.

При сохранении общего многовекторного сотрудничества Японии и АСЕАН следует также выделить несколько опорных стран, отношения с которыми по ряду причин приобрели на современном этапе особое значение для неё. В первую очередь речь идёт о Вьетнаме.

Вьетнам – основной региональный «антагонист» Китая, перспективный участник расширенного формата четырёхстороннего диалога Австралии, США, Японии и Индии по безопасности (*Quad+*) и опорная страна в стратегии «Китай+1», подразумевающей постепенный перенос отдельных японских производств из Китая в третьи страны при

¹² Diplomatic Bluebook 2017. Ministry of Foreign Affairs, Japan. P. 26. <https://www.mofa.go.jp/files/000290287.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

¹³ A New Foreign Policy Strategy: “Free and Open Indo-Pacific Strategy”. <https://www.asean.emb-japan.go.jp/files/000352880.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁴ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. June 23, 2019. <https://asean2019.go.th/en/news/asean-outlook-on-the-indo-pacific/> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁵ Joint Statement of the 23rd ASEAN-Japan Summit on Cooperation on ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. November 12, 2020. <https://www.mofa.go.jp/files/100114942.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ 23rd ASEAN-Japan Summit held online. November 13, 2020. https://www.asean2020.vn/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfpd/content/23rd-asean-japan-summit-held-online (дата обращения: 25.08.2021).

субсидировании японского правительства. Реализация стратегии началась ещё до глобального распространения коронавируса нового типа, однако пандемия усилила намечавшийся с середины прошлого десятилетия тренд. К концу 2020 г. 37 из 81 японских фирм, получивших финансовую поддержку от японского государства, передислоцировали свои фабрики во Вьетнам, а ещё 19 – в Таиланд [Тео 2021, р. 6].

Отдельное внимание в японской Голубой книге за 2020 г., издании, обозначающем основные достижения и направления японской внешней политики, было уделено Индонезии – крупнейшей региональной стране и участнику клубных механизмов глобального управления¹⁸. Свои первые зарубежные визиты на посту премьер-министра Суга Ёсихидэ, сменивший в 2020 г. Абэ Синдзо, нанёс именно во Вьетнам и Индонезию.

Позиции Японии и АСЕАН оказались близки и по вопросу о ситуации в Мьянме. В конце 1990-х гг. страны Ассоциации, принимая Мьянму в свои ряды, руководствовались соображениями необходимости не допустить её полного сползания в орбиту Китая [Cribb 1998]. Той же логике следовала и Япония, иницируя различные экономические и инфраструктурные проекты в Мьянме, как, например, строительство промышленного кластера в Специальной экономической зоне Давэй [Парамонов 2021]. Именно по причине нежелания ограничить международное пространство для маневра Мьянмы после того как 1 февраля 2021 г. мьянманские военные отстранили от власти гражданское правительство Аун Сан Су Чжи, Япония, несмотря на призывы западных стран ввести санкции, заняла осторожную позицию в отношении нового руководства страны¹⁹.

Относительно новым направлением сотрудничества Японии со странами региона в последние несколько лет стала безвозмездная передача Японией военного оборудования и техники отдельным государствам Юго-Восточной Азии. Такая передача стала возможной благодаря поправкам в Закон «О Силах самообороны», вступившим в силу в июне 2017 г. Эти изменения, в частности, позволили Японии в период с 2016 по 2018 гг. осуществить передачу Филиппинам нескольких тренировочных самолётов и запчастей для вертолётов²⁰. Одновременно несколько филиппинских пилотов прошли обучение на военно-воздушной базе в Токусиме.

Однако при общем позитивном отношении к Японии в регионе её политика не лишена внутренних противоречий. Ряд исследователей отмечают, что она нацелена на формирование «гибридного регионального порядка»²¹ и подразумевает как поддержку широких макрорегиональных форматов типа АСЕАН-центричных институтов и ВРЭП, что позитивно воспринимается всеми странами АСЕАН, так и минилатеральных форм сотрудничества, среди которых можно отметить *Quad*, *Quad+*, различные ситуативные коалиции наподобие

¹⁸ Diplomatic Bluebook 2020. Ministry of Foreign Affairs, Japan. P. 59-60. <https://www.mofa.go.jp/files/100116875.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁹ Heijmans Ph., Tan K.W.K. Japan's Refusal to Sanction Myanmar Undermines Biden's Strategy. June, 20, 2021. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-19/japan-s-refusal-to-sanction-myanmar-over-abuses-undermines-biden-s-strategy> (дата обращения: 25.08.2021).

²⁰ East Asia Strategic Review 2019. http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2019/east-asian_e2019_04.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

²¹ Pajon C. Japan's Indo-Pacific Strategy: Shaping a Hybrid Regional Order. December 18, 2019. <https://warontherocks.com/2019/12/japans-indo-pacific-strategy-shaping-a-hybrid-regional-order/> (дата обращения: 25.08.2021).

договоренностей с Китаем о реализации совместных инициатив в отдельных странах ЮВА под маркой японского вклада в реализацию проектов инициативы «Пояс и путь»²².

Если в 1990-х гг. Японию иногда характеризовали как страну, неохотно стремившуюся к лидерской роли [Stubbs 1991], то в 2020-х гг. она была награждена эпитетом «безмолвного» лидера [Тео 2021]. Причины такой характеристики кроются в том, что в период президентства Дональда Трампа именно Япония играла роль политически более зрелого партнёра в американо-японском альянсе, последовательного в своих действиях и ответственного игрока в Юго-Восточной Азии. Однако с приходом в Белый дом президента Джо Байдена, выразившего намерение продемонстрировать Юго-Восточной Азии более проактивный подход (только за период июля и августа 2021 г. регион успели посетить американский министр обороны Ллойд Остин и вице-президент Камала Харрис), всё больше аналитиков [Тео 2021; Кога 2021] стали высказывать опасения того, что Япония снова рискует оказаться на вторых ролях.

Заключение

Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что за десятилетия, прошедшие со времен окончания Второй мировой войны, Япония смогла кардинально трансформировать свою роль в Юго-Восточной Азии и одновременно добиться впечатляющих изменений в восприятии её образа странами региона.

При этом за прошедший период положение Японии в регионе также претерпевало изменения в связи с геополитическими и геоэкономическими сдвигами и потрясениями. Экономическая стагнация рубежа 1980–1990-х гг., Азиатский финансовый кризис и быстрый подъём Китая не позволили Японии занять позиции безусловного макрорегионального экономического лидера, однако её технологическое лидерство в 1980-е – 1990-е гг., ведущие позиции в системе региональной экономической взаимозависимости, впечатляющие успехи культурной дипломатии, накопленный багаж формальных и неформальных связей со странами Юго-Восточной Азии надолго предопределили особую политэкономическую роль Японии в регионе. Более того, Китай стал укреплять свои позиции в регионе с опорой на инициативу «Пояс и путь» тогда, когда многие страны Юго-Восточной Азии уже приобрели опыт экономического роста на основе выноса японских производств и использования японских технологий. Этот факт позволяет предположить, что Китаю будет не столь просто безусловно вовлечь страны региона в свою орбиту, а Япония продолжит оставаться одной из наиболее предпочтительных «третьих сил». Возможно, именно тот факт, что Япония в течение всего послевоенного времени ни разу не имела возможности проецировать своё неограниченное влияние и была вынуждена договариваться со странами региона и другими ведущими державами, и сделал её настолько привлекательной в глазах элит стран Юго-Восточной Азии.

Если в 1990-е гг. ведущая роль Японии в регионе определялась её технологическим лидерством, к настоящему времени начали появляться новые элементы взаимодействия Японии с Юго-Восточной Азией, подразумевающие движение к ограниченному военно-

²² Japan opens the way to cooperation on China's Belt and Road Initiative. East Asia Forum. July 10, 2017. <https://www.eastasiaforum.org/2017/07/10/japan-opens-the-way-to-cooperation-on-chinas-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 25.08.2021).

техническому сотрудничеству. Доктрина Фукуда напрямую не затрагивала вопросов региональной безопасности, однако теперь Япония пытается занять определенные позиции в регионе в том числе и в этой сфере.

В отличие от середины прошлого века необходимость включения Японии в качестве структурообразующей силы в трансформирующийся региональный порядок едва ли вызывает вопросы у какой-либо из стран АСЕАН. В то же время очевидно и противоречие, которое по-прежнему присутствует в её политике. С одной стороны, Юго-Восточная Азия представляет собой область естественного приложения внешнеполитических усилий Японии, с другой стороны, зависимость Японии от США сохраняется, она отчасти остаётся проводником американских интересов и инициатив в регионе. Подобная ситуация приводит к тому, что Япония рассматривается как страна, которая по-прежнему не может безусловно артикулировать свои лидерские амбиции и реализовывать их в отрыве от США, а значит – и от колебаний их внешнеполитических решений при смене администраций.

Тем не менее опыт Японии демонстрирует, что последовательная и комплексная внешняя политика способна коренным образом изменить образ страны даже после самых тяжёлых потрясений или временных отступлений, о чём, несомненно, стоит помнить России в её отношениях с Юго-Восточной Азией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мещеряков А.Н. Страна Япония: быть японцем. Москва: Лингвистика; Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение. 2020.

Мищенко Я.В. Экономические связи Японии с государствами Юго-Восточной Азии в XXI в. // Ежегодник Япония. 2019. Т. 48. С. 132–154.

Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. Москва: Международные отношения. 2019.

Парамонов О. Земля девяти слонов – Мьянма до и после переворота // Международная жизнь. 25.02.2021. <https://interaffairs.ru/news/show/29206> (дата обращения: 25.08.2021).

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Москва: Наука – Восточная Литература. 2015.

Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97.

Суслина С.С. Новое интеграционное трио в мировой экономике. Российский совет по международным делам. 07.06.2012. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-integratsionnoe-trio-v-mirovoy-ekonomike/> (дата обращения: 25.08.2021).

REFERENCES

Meshcheriakov, A. (2020). *Strana Yaponiya: byt' yapontsem* [The Country of Japan: to be a Japanese]. Moscow: Lingvistika; Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Mishhenko, Ya. (2019). *Ekonomicheskie svyazi Yaponii s gosudarstvami Yugo-Vostochnoi Azii v XXI v.* [Economic ties between Japan and South-East Asia in the 21st century]. *Yearbook Japan*, 48, 132–154. (In Russian).

Panov, A., Sarkisov, K., Streltsov, D. (2019). *Istoriya vneshnei politiki Yaponii 1868–2018 gg.* [History of the Foreign Policy of Japan in 1868–2018]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Paramonov, O. (2021). *Zemlya devyati slonov – M'yanma do i posle perevorota* [The Land of the Eight Elephants – Myanmar before and after the coup]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Retrieved August 25, 2021, from <https://interaffairs.ru/news/show/29206> (In Russian).

Streltsov, D. (2015). *Vneshnepoliticheskie priority Yaponii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione* [Foreign Policy Priorities of Japan in the Asia-Pacific Region]. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura. (In Russian).

Streltsov, D. (2020). *Pamyat' o voine kak samostoyatel'nyi faktor v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosednyami: k 75-letnei godovshchine kapitulyatsii Yaponii* [War memory as an independent factor in Japan's relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan's surrender]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 78–97. (In Russian).

Suslina, S. (2012). *Novoe integratsionnoe trio v mirovoi ekonomike* [New Intergrational Trio in the World Economy]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*. Retrieved August 25, 2021, from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-integratsionnoe-trio-v-mirovoy-ekonomike/> (In Russian).

* * *

Acharya, A. (2001). *Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order*. London: Routledge.

Acharya, A. (2012). *The Making of Southeast Asia: international relations of a region*. Singapore: ISEAS.

Ben-Ari, E., Clummer J. (2000). *Japan in Singapore: Cultural Occurrences and Cultural Flows*. Abington: Routledge.

Booth, A. (2007). *Colonial Legacies: Economic and Social Development in East and Southeast Asia*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007.

Cribb, R. (1998). *Burma's Entry into ASEAN: Background and Implications*. *Asian Perspective*. 22 (3), 49–62.

Hatch, W. (2010). *Asia's Flying Geese: how regionalization shapes Japan*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Hiratsuka, D. (Ed.). (2006). *East Asia's De Facto Economic Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Katzenstein P., Rouse M. (1993). *Japan as a Regional Power in Asia*. In Jeffrey Frankel and Miles Kahler (Eds.), *Regionalism and Rivalry: Japan and the United States in the Pacific Asia*. Chicago: The University of Chicago Press.

Koga K. (2021). *Japan-Southeast Asia Relations: A Diplomatic “New Normal” in the Indo-Pacific Region? Comparative Connections*. *A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*. 23 (1), 151–160.

Lam, P.E. (Ed.) (2013). *Japan's Relations with Southeast Asia: The Fukuda Doctrine and Beyond*. London: Routledge.

Lang, H. (2020). *Competing Visions of Japan's Relations with Southeast Asia, 1938–1960. Identity, Asianism and the Search for a Regional Role*. Munich: Nomos Verlag.

Lebra-Chapman J. (2010). *Japanese-trained Armies in Southeast Asia*. Singapore: ISEAS.

Lim, T.W. (2017). ASEAN-Japan Relations since 1977. In Tommy Koh, Sharon Seah Li-Lian and Chang Li Lin (Eds.), *50 Years of ASEAN and Singapore*. Singapore: World Scientific.

Rathus, J. (2011). *Japan, China and Networked Regionalism in East Asia*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Seah, S. et al. (2021). *The State of Southeast Asia: 2021*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute.

Shiraishi, M. (2009). Japan Toward the Indochina Sub-Region. *Journal of Asia-Pacific Studies* (Waseda University), 13, 13–36.

Stubbs, R. (1991). Reluctant leader, expectant followers. *International Journal*, 46(4), 649–667.

Sudo, S. (1992). *The Fukuda doctrine and ASEAN: new dimensions in Japanese foreign policy*. Singapore: ISEAS.

Takeda, Y. (1998). Japan's Role in the Cambodian Peace Process: Diplomacy, Manpower, and Finance. *Asian Survey*, 38(6), 553–568.

Tang, S. M. et al. (2019). *The State of Southeast Asia: 2019*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute.

Tang, S. M. et al. (2020). *The State of Southeast Asia: 2020*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute.

Teo, V. (2021). Southeast Asia-Japan Ties after Abe and Trump. *ISEAS Perspective*, 32. Retrieved August 25, 2021, from <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-32-southeast-asia-japan-ties-after-abe-and-trump-by-victor-teo/>

Won, Z.Y. Military Expediency: A Determining Factor in the Japanese Policy regarding Burmese Independence. *Journal of Southeast Asian Studies*. 1978 (Sep.). Vol. 9, No. 2, 248–267.

Книжная полкаBook Reviews

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-117-126

Древняя Япония: исследования, переводы, гипотезы**Рецензия на двухтомное издание Л.М. Ермаковой****«Когда раскрылись Небо и Земля»****Е.К. Симонова-Гудзенко**

Аннотация. Статья представляет собой обзор сборника статей, эссе и переводов Л.М. Ермаковой, изданных в двух томах под названием «Когда раскрылись Небо и Земля. Миф, ритуал, поэзия ранней Японии» (Москва: Наука – Восточная литература. 2020. Том 1. Исследования. 439 с. ISBN 978-5-02-039868-9. Том 2. Переводы. 591 с. ISBN 978-5-02-039869-6). В первый том включены как новые, ранее не публиковавшиеся, так и доработанные, расширенные исследования учёного, издававшиеся ранее. Они посвящены проблемам мифа, раннего ритуала, ранней поэзии Японии. В рецензии отмечается, что все без исключения исследования представляют ретроспективный взгляд на рассматриваемое явление/феномен, включают обращение к современности. Второй том составляют переводы важных текстов японской культуры: «Нихонсёки», *норито* («Энгисики»), *сэммё*: («Сёкунихонги») и «Ямато-химэ-но микото сэйки» с предисловиями и обширными комментариями. В рецензии подчёркивается оригинальный подход Л.М. Ермаковой к любой теме, глубокое проникновение в проблему и широчайшая эрудиция.

Ключевые слова: Япония, миф, ритуал, поэзия *вака*, «Кодзики», «Нихонсёки», буддизм, синто-буддийский симбиоз, ранние верования, материковые влияния, японская культура.

Автор: Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, заведующий кафедры ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: eksimonova@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Симонова-Гудзенко Е.К. Древняя Япония: исследования, переводы, гипотезы. Рецензия на двухтомное издание Л.М. Ермаковой «Когда раскрылись Небо и Земля» // Японские исследования. № 3. С. 117–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-117-126

Ancient Japan: Research, translations, hypotheses**Review of the book in two volumes****“When Heaven and Earth Opened” by L.M. Ermakova****E.K. Simonova-Gudzenko**

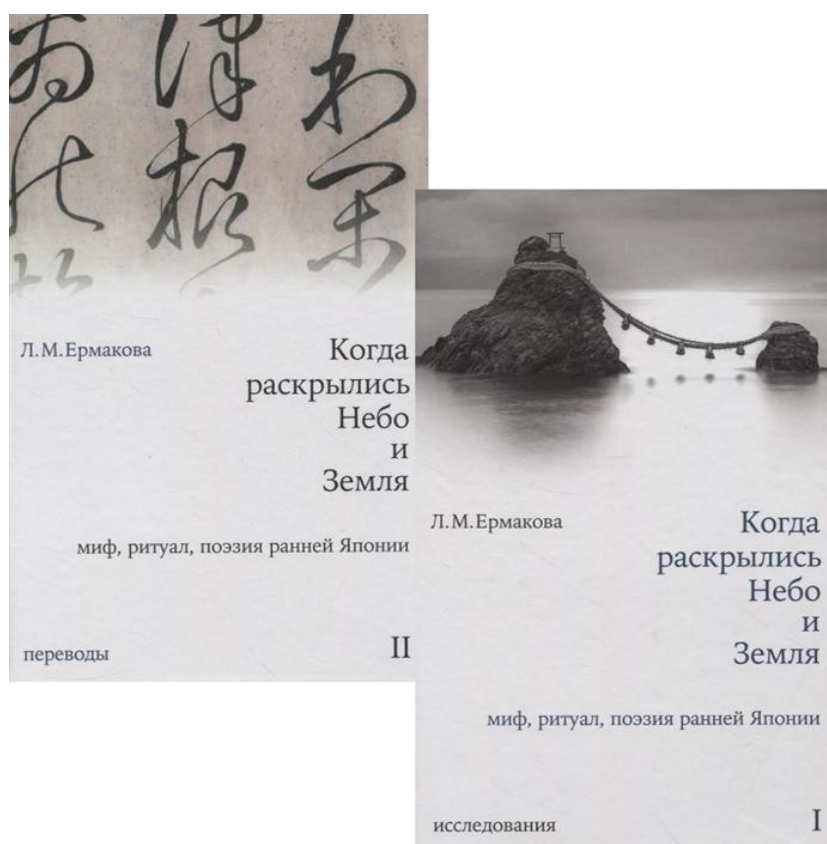
Abstract. The article reviews the book in two volumes by Ludmila M. Ermakova “When Heaven and Earth Opened” (Ermakova, L.M. (2020). *Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya. Mif, ritual, poeziya rannei Yaponii*

[When Heaven and Earth Opened. Myth, ritual, poetry of early Japan]. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura. Vol. I. Research. ISBN 978-5-02-039868-9. Vol. II. Translations. ISBN 978-5-02-039869-6. (In Russian).). The first volume includes both new research by the scholar and some previously published works, revised and enlarged for the present edition. They are devoted to the problems of myth, archaic ritual, and early poetry of Japan. The review notes that all L. Ermakova's research, without exception, includes reviews of modern Japanese and Western historiography of the problems, as well as a retrospective view of the phenomena, including their manifestations in modern life. The second volume of the edition presents the translations of four important texts of Japanese antiquity: "Nihon Shoki", "Norito" ("Engishiki"), "Semmyō" ("Shokunihongi") and "Yamato-hime-no Mikoto Seiki" with prefaces and detailed commentaries. The review emphasizes the original approach of L.M. Ermakova to any problem, deep penetration into it, and her broadest erudition.

Keywords: Japan, myth, ritual, *waka* poems, "Kojiki", "Nihon Shoki", "Norito", Buddhism, Shinto-Buddhist symbiosis, early beliefs, continental influences, Japanese culture.

Author: Simonova-Gudzenko Ekaterina K., Professor, Head of the Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (address: 11, Mokhovaya str. 125009 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: eksimonova@mail.ru

For citation: Simonova-Gudzenko E.K. (2021). Drevnyaya Yaponiya: issledovaniya, perevody, gipotezy. Retsenziya na dvukhtomnoye izdaniye L.M. Ermakovoy «Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya» [Ancient Japan: Research, translations, hypotheses. Review of the book in two volumes "When Heaven and Earth Opened" by L.M. Ermakova]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 3, 117–126. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-117-126

Удивительно, что в эти уже почти два странных, страшных года случались и приятные события, можно сказать, подарки. И в первую очередь для меня это были издания новых книг. Об одном из немногих я и хочу рассказать.

Людмила Михайловна Ермакова — имя, вряд ли требующее пространных представлений, во всяком случае, для большинства тех из нас, кто занимается Японией уже несколько десятилетий. Мы знаем её по переводам ранних японских письменных источников «Кодзики», «Нихонсёки», молитвословий

норито из уложения «Энгисики», *сэммё*: из летописи «Сёкунихонги» и многим другим, а также по множеству публикаций по истории ранних верований, поэтике, мифологии, фольклору и другим аспектам японской культуры.

Последние 20 лет Людмила Михайловна живёт и работает в Японии, но не прерывает связи с отечественной наукой. В лучших традициях российских востоковедов прошлого, работавших за рубежом, она занимается не только своей главной темой – ранней японской словесностью и верованиями, она также знакомит японцев с русской культурой, исследует и пишет работы на межкультурные темы. Из этих тем назову такие, как Япония и Восточная Азия в круге чтения А.С. Пушкина, первые русские переводы средневековой повести «Такэтори-моногатари», разыскания о жизни и деятельности российского японоведа начала XX в. Г.Г. Ксимидова и многое другое. Эти её работы собраны в книге «Российско-японские отражения. История, литература, искусство», изданной в прошлом году издательством «Восточная литература». Подробную рецензию В.В. Щепкина на эту книгу можно прочитать в первом номере электронного научного журнала «Японские исследования» за 2021 г. [Щепкин 2021].

И хотя с частью этих работ автора мы уже знакомы, однако собранные вместе, переработанные и отредактированные заново, в сочетании с новыми, недавними исследованиями, они звучали более ярко и выразительно, – как песни-переключки, о которых Людмила Михайловна пишет уже в другой своей работе – в первом томе двухтомного издания «Когда раскрылись Небо и Земля», о которой у нас и пойдёт речь. Двухтомник, хотя и маркирован 2020 г., увидел свет совсем недавно, ранней весной нынешнего, 2021 года.

Оказавшись в «полевых» условиях страны изучения, Л.М. Ермакова с самого начала использовала открывшиеся возможности, находя новые черты, особенности, а иногда и доселе неизвестные области японской культуры и знакомя с ними нас, своих соотечественников.

Высокая требовательность к себе как исследователю, характерная для Людмилы Михайловны, проявилась и в этих изданиях. Она проделала огромную работу, при этом дополнив и обновив большую часть публикуемого материала.

Поясняя в кратком предисловии к изданию название двухтомника «Когда впервые раскрылись Небо и Земля», автор указывает, что этими словами начинается японский свод мифов и преданий VIII в. «Записи о деяниях древности» («Кодзики»). Научная щепетильность и точность Людмилы Михайловны проявляется уже в этой первой фразе, где она подчёркивает, что перевод знаменитого зачина «Кодзики» принадлежит не ей, а Е.М. Пинус.

В известной мере темы в двух томах пересекаются, исследования в первом томе раскрывают и углубляют понимание древних текстов второго тома, а переводы автором этих текстов иллюстрируют гипотезы и выводы, содержащиеся в томе исследований. Замечательно, что они изданы вместе, молодые японоведы получили уникальную возможность не только познакомиться с ранними японскими письменными текстами в переводах одного из лучших российских учёных, но и увидеть, как осуществляется исследовательская работа с ними.

Думается, что лучше автора вряд ли удастся сформулировать задачи издания: «оно готовилось с намерением дать общий очерк мира мифов и ритуалов древней Японии, связывая этапы и процессы этого мира с процессом становления ранней японской словесности, обобщив при этом написанное автором за многие годы» [Ермакова 1, с. 18].

Хотелось бы добавить, что исследования и иллюстрирующие их переводы, собранные вместе, объединённые единой общей идеей симбиоза религий (формулировка Л.М. Ермаковой), или *combinative religion* (формулировка А. Грапарда), раскрывают сложный многоаспектный японский религиозный феномен. И хотя почти в каждом тексте Л.М. Ермакова подчёркивает, что речь идёт о мифах, ритуалах, поэзии именно древности, в исследовании мы видим ретроспективный взгляд на сложную религиозную жизнь японцев в разные периоды истории японской культуры и даже современные её проявления. В предлагаемые читателю два тома вошли новые и ранее уже публиковавшиеся, но обновлённые, переструктурированные произведения автора, которые в новом контексте воспринимаются по-новому.

Начнём по порядку, как диктует жанр рецензии.

В первый том вошли статьи, написанные за последние 20 лет. Они разделены на три части: часть 1 «Миф и ритуал в ранней японской культуре», часть 2 «Поэтическое слово в ранней японской культуре» и часть 3 «Этюды и очерки». В каждую из частей включены новые, ранее не публиковавшиеся материалы автора. К сожалению, в книге не указаны время и место первой публикации ранее изданных статей Л.М. Ермаковой.

Одно из первых исследований, открывающих 1 том, посвящено понятию термина синтоизма, казалось бы, уже устоявшемуся и принятому научным сообществом [Ермакова 1, с. 35–48]. Л.М. Ермакова убедительно показывает, что понятие синто в разные исторические эпохи воспринималось и исследователями, и японцами по-разному, а в настоящее время «оно вызывает немало споров, сопровождается разночтениями и противоречивыми толкованиями». Её определение синто представляется нам точным и объёмным: «однако синто, если всё-таки употреблять этот термин, на протяжении истории представляло собой зыбкий, колеблющийся, меняющий очертания и границы контур. Время от времени предпринимались усилия по приданию ему стабильности и определённости – с большим или меньшим успехом». Уже в этом исследовании автор, последовательно рассматривая истоки понятия, говорит о добуддийских комплексах верований многих племён; при этом принесённый на Острова буддизм выступил своего рода организатором этих весьма разрозненных, обособленных комплексов.

Некоторые из сюжетов, ставших разделами двухтомника, мне посчастливилось слушать на лекциях, которые Людмила Михайловна, приезжая в Москву, читала студентам и интересующимся культурой Японии. Во-первых, это неожиданная версия сотворения мира бакланом – глава о японском «ныряльщике за землёй» [Ермакова 1, с. 97–114]. В ней автор представляет подробную аргументацию своей гипотезы о том, что в Японии, возможно, тоже сохранились следы общемирового мифологического мотива ныряльщика за землёй, первоначально распространённого «где-то в пределах Индии – Тибета – западных районов Китая». Л.М. Ермакова, следуя за разысканиями Ю.Е. Березкина и В.В. Напольских, описывает возможное движение мотива из Восточной Азии в Северную Америку и Евразию. «В соответствующих мифах ныряльщиком была черепаха, и после добывания земли со дна моря она служила опорой возникшей суши». Сразу на память приходит известный с детства сюжет, что земля покоится на трёх слонах и черепахе. Далее мы узнаём, что «по мере распространения этого мифа в Северной Евразии образ черепахи был вытеснен образом водоплавающей птицы: «ранние мигранты в Америку принесли с собой сначала южно-центральноазиатскую (с черепахой), а затем и сибирскую (с птицей) версии мифа».

Как показывает автор, в сюжете «Кодзики» о чудесном баклане – «ныряльщике за землёй» воспроизводится основной цикл сотворения мира с его главными космогоническими стадиями – добывание земли, получение огня трением, осуществление обжига и изготовление керамической посуды для жертвоприношений. В примечаниях к этому исследованию автор демонстрирует и неожиданное «буддийское проявление» этого мифологического сюжета на материале лирической драмы театра Но: «У-каи». Согласно драматической версии, человек после смерти, во втором рождении, стал бакланом за то, что ловил рыбу в запретном месте. «Эта драма, – пишет автор, – созданная в конце периода Хэйан, отражает буддийский идеологический переворот в культуре и обществе, связанный с запретом на охоту и ограничением рыболовства и тем самым противопоставленный древней картине мира».

В первой части первого тома Л.М. Ермакова выделяет два крупнейших центра верований – Исэ и Идзумо. Если с комплексом Исэ читатель ещё не раз встретится и в 1-м, и во 2-м томах, то Идзумо уделено не так много места, хотя он и не менее важен как своего рода антагонист Исэ.

Особо хотелось бы выделить главу 8 первой части «Ветер как миф и как фактор ранней японской литературы» [Ермакова 1, с. 176–200]. Как и рассказ о баклане – «ныряльщике за землёй», сюжет о мифологеме ветра я тоже слушала в виде лекции и ещё фрагментарно в форме доклада-комментария к свитку Огата Ко:рин «Бог ветра и бог грома» на выставке «Шедевры живописи и гравюры эпохи Эдо» в ГМИИ имени А.С. Пушкина в 2018 г. Написанный вариант много подробней устных версий. В статье скрупулезно рассматриваются толкование иероглифа «ветер» 風, а также «огромное значение в Японии китайского понятия *фу:до* (букв. “ветер и земля”), т.е. соединение ветров и поветрий с данной местностью, что обычно понимается как все мыслимые характеристики в их совокупности». Интересно наблюдение о пространственной ориентации по сторонам света, которая была воспринята в Японии из Китая с давних времен, «однако в японской мифологической таксономии не закрепилось понятие богов ветра восьми или четырёх направлений». Более того, указание на ту или иную сторону света в названии ветра отнюдь не означает, что ветер в действительности связан с указанным направлением. Как это характерно для островных народов, в японском языке, особенно в наречиях вдоль побережья Японского моря, зафиксировано много «слов, определяющих конкретные особенности ветра и возникших в связи с морской навигацией».

В статье подробно рассматриваются функции ветра: ветер как посредник, как канал передвижения между мирами, как голос божества, как злокозненный дух, как часть характерных китайских биномов, и, разумеется, как сила, приносящая дождь и плодородие. Особое место автор отвел иконографии ветра и любопытному факту – антропоморфному облику бога с «мешком ветров» за спиной. Автор, опираясь на различные исследования, прослеживает истоки образа, приводя впечатляющие параллели с мифами и монументальными изображениями Древней Греции, фресками в пещерах Дуньхуана и др. Речь идёт о движении образа этого божества с запада на восток, вдоль культурных миграций по Шёлковому Пути. Кроме того, примечательно соотнесение архаических наименований ветров с неологизмами в современном японском языке, как, например, выражение

би:ру-кадзэ, где *би:ру* – производное от английского *building*, т.е. речь идёт о ветре-сквозняке, возникающем между двумя близко стоящими зданиями высокой этажности.

Кроме вышеупомянутых разделов хочется отметить как особо важные главы о «голосе рассказчика начала времён» в «Кодзики» и «Нихонсёки» [Ермакова 1, с. 76–89], а также раздел о светильниках на переходе от мифа к поэзии, от мифологических сводов к «Манъёсю» [Ермакова 1, с. 163–175]. Это новые разработки автора, но хочется ещё раз отметить, что не только новые, но и опубликованные ранее работы Л.М. Ермаковой включены в рассматриваемое издание в расширенном и переработанном виде и, оказавшись внутри связного научного повествования, воспринимаются по-другому и по-новому.

Не будучи филологом по образованию, не возьмусь сколько-нибудь подробно описывать часть вторую «Поэтическое слово в ранней японской культуре» [Ермакова 1, с. 201–380]. Могу только сказать, что поэтологический анализ Л.М. Ермаковой отличает оригинальность подхода и глубина проникновения в текст. Остановлюсь лишь на нескольких моментах. По-новому зазвучал и с большим интересом читается раздел «Мифологема взгляда» [Ермакова 1, с. 240–256], уже знакомый по книге Людмилы Михайловны «Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики» (серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока». Москва: Наука. 1995). Сегодня я увидела этот раздел в ином ракурсе, чем 25 лет назад, с позиций моих нынешних занятий историей японской картографии.

Глава 6 «О типологии песенных переключек» [Ермакова 1, с. 312–332] напоминает мне лекцию Л.М. Ермаковой, прочитанную в ИСАА по горячим следам – она принимала участие в двух экспедициях японских фольклористов-антропологов в ареал племени мяо в Южном Китае в 2008–2009 гг. Это были живые этнографические зарисовки, сделанные внимательным наблюдателем. Нынешняя же работа предлагает не только подробный анализ обряда песенных переключек «как ратифицированный общиной сценарий встречи и знакомства молодых людей обоего пола и заключения семейных союзов», но и выявляет их истоки и устанавливает сходства с распространённым когда-то на Японских островах обрядом *утагаки*, упоминаемом в «Манъёсю» и «Фудоки». Неожиданным, но обоснованным представляется наблюдение автора, что до сих пор сохранившийся у народа мяо «способ общения песнями – и в рамках обряда, и в семейном быту, – как это ни парадоксально, чрезвычайно схож с придворным миром раннесредневековой Японии, где сложение танка – явление, сращенное не только с этикетом, но и с повседневным обиходом, с узловыми и поворотными пунктами биографии».

На наш взгляд, необходимо сказать и о следующей главе 7 – «О перечнях и списках в японской литературе» [Ермакова 1, с. 333–346]. В ней говорится о перечнях и каталогах как явлениях, которые в изобилии встречаются в японской письменной культуре и являются одним из мощных ранних инструментов категоризации мира. Кратко останавливаясь на появлении и значении списков как средства для классификации явлений и систематизации элементов мироустройства, Л.М. Ермакова посвящает статью скрупулезному исследованию «алфавитов мира» в Японии. Как она предполагает, рождение этих текстов «связано с появлением в Японии известного китайского текста «Цянь цзы вэнь» (яп. «Сэндзимон», кор. «Чхонджамун» – «Текст из тысячи знаков»), созданного около VI в.». На протяжении истории японская культура продолжает составлять списки в разных областях деятельности. И в самом деле, разные принципы каталогизации присущи разным культурным жанрам,

например, в «Манъёсю» мы встречаем рубрики по сезонам, по лирическим темам, в «Фудоки» воспроизводится что-то вроде словесной карты с членением повествования по провинциям и уездам, словари строятся в соответствии с китайской системой иерархии элементов космологии и т.п.

Назову ещё два раздела, раскрывающие роль важнейших кодов японской культуры – вегетативный и связанный с ним сезонный, они также заслуживают отдельного упоминания. Это разделы «Растительный код в ранней поэзии» [Ермакова 1, с. 231–240] и «Времена года в поэзии: буддийское переосмысление» [Ермакова 1, с. 358–366].

Часть третья, скромно названная «Этюды и очерки», скрывает, по меньшей мере, две важных, с нашей точки зрения, работы. Это – «Этнографические заметки» [Ермакова 1, с. 403–413] и «Краткий энциклопедический очерк истории японской литературы» [Ермакова 1, с. 414–437]. В этнографическом очерке Л.М. Ермакова рассказывает о новых религиозных культах, появившихся в современной Японии, в частности, о культе странного божества Поккури как «божества модного поветрия». Обрядовая деятельность в рамках этого культа предполагает совершение паломничеств в храмы и святилища ради моления о бодрости вплоть до смертного часа, чтобы не быть обременительными для близких, адепты культа просят вышние силы также о быстрой, лёгкой смерти. Казалось бы, рассказ о современном, недолго живущем веровании не предполагает глубокого анализа нынешней социальной и религиозной ситуации, однако автору удалось лаконично и, как всегда, точно и чётко нарисовать сложную многосоставную картину верований современных японцев. В статье нашлось место и для новейшего верования, возникшего буквально только что, в прошлом году: в условиях пандемии произошла актуализация верований в Амабиэ, духа эпидемий, монстра-оборотня (*ё:кай*) конца эпохи Эдо. Кстати, тут во мне заговорил многолетний преподаватель: ведь эти две-три страницы могли бы составить часть замечательного учебного пособия по современной культуре Японии.

То же самое можно сказать о «Кратком энциклопедическом очерке истории японской литературы» – это уже готовое пособие для студентов и молодых японоведов; очерк охватывает всю литературную историю Японии, написан сжато, концептуально, содержательно. Всё это делает «скромную» третью часть первого тома не менее значимой и важной, чем «учёные» первые две. И моя преподавательская мысль уже полетела дальше – мне подумалось, что практически во всех статьях, во всяком случае, во вступлении к каждой части книги, помимо чётко сформулированных конкретных проблем японской мифологии, ритуала или ранней поэтики, есть страницы, посвящённые истории вопроса, основанные на новейших исследованиях японских и западных учёных, а также почти обязательные экскурсии в современность, рассказывающие о сохранности и/или проявлении рассматриваемого явления или обычая в современной японской культуре. Чем не учебное пособие?

Думается, что невозможно стать полноценным японоведом, не ознакомившись с основными ранними письменными текстами. Как раз переводы этих фундаментальных текстов, сопровождаемые обширными вступлениями и комментариями, и входят во второй том издания: это 1–3 свитки «Нихонсёки», мифологическая часть – «Эпоха богов» (первый и второй свитки) и хроника первого легендарного государя Дзимму; собрание молитвословий *норито* из уложения «Энгисики» и указов государей из летописи «Сёкунихонги» *сэммё*; жизнеописание принцессы-жрицы Ямато-химэ-но микото

(«Ямато-химэ-но микото сэйки») — один из важнейших текстов синто, созданный примерно в конце XII в., когда священнослужителями комплекса святилищ Исэ была предпринята попытка разработки собственной догматики.

В предисловии к переводу «Нихонсёки» автор ставит одну из главных, давно обсуждаемых в научном сообществе проблем: почему почти одновременно в VIII в. были созданы два текста, включающие похожий мифологический материал о возникновении Японских островов и о правлении первых мифических и легендарных государей. Опираясь на результаты исследований японских и зарубежных ученых, Л.М. Ермакова анализирует возможные пути разрешения этого вопроса. Скрупулезный разбор разных точек зрения логично связан с трактовкой понятия «синто», размытость которого привела к тому, что оно всё реже стало использоваться в академической науке, не говоря уже о том, что этот термин был скомпрометирован в предвоенный и военный периоды японской истории, став инструментом националистической пропаганды. Эти рассуждения перекликаются со статьей «О синтоизме как термине и понятии» в 1-м томе рассматриваемых сочинений. Не приводя подробную аргументацию различных точек зрения, которым уделён не один десяток страниц предисловия к переводу, хочу остановиться исключительно на соображениях автора.

Тексты мифологических частей «Нихонсёки» и «Кодзики», составленные почти одновременно, чётко демонстрируют разный идеологический подход их авторов. Однако ни один из этих текстов не стал священной книгой местных верований, культуры в целом: «... ни «Кодзики», ни «Нихонсёки», по всей видимости, не стали в Японии сакральным центром культуры, вроде Библии, Торы, Корана или буддийских сутр в соответствующих культурных ареалах, в них не силён этический или натурфилософский аспект, поэтому они не могли стать образцами вроде писаний Лао-цзы и Конфуция». Людмила Михайловна рассуждает, почему японцев, подобно древним иудеям, нельзя назвать «народом Книги». Причины этой черты культуры автор видит в её полицентричности, отсутствии одного сильного сакрального центра, расплывчатой границы сакрального и профанного, обилия разнородных культов; может быть, сыграло свою роль и то, что оба мифологических свода писались, «Кодзики» преимущественно, «Нихонсёки» исключительно на китайском языке, не родном для жителей Островов и известном далеко не всем. В то время, как буддийские сутры, звучащие на китайском языке, усиливали эффект веры благодаря своей непонятности, молитвословия *норито*, произносимые на японском языке, магически воздействовали на слушателя благодаря вполне или даже не вполне понятным японским оборотам речи, содержащим *котодама* — «душу слова». Вероятно поэтому антология «Манъёсю», в которой *котодама* была представлена более чем четырьмя тысячами песен *вака*, стала культурообразующим фактором и на века определила развитие и место поэзии в японской культуре.

Вспоминаются давно сказанные слова одного из наших блестящих переводчиков японской поэзии В.С. Сановича — камертоном японской культуры является поэзия. И хотя бывали эпохи, когда она отходила на второй план под напором других жанров, но, пройдя через короткий период утраты первенства, она вновь возглавляет японскую культуру.

В начале нашей рецензии мы уже говорили о важном определении японского религиозного комплекса, который Л.М. Ермакова вводит в научный оборот отечественного японоведения. В предисловии к переводу «Нихонсёки» она раскрывает свою формулировку

следующим образом: «Синто-буддийский симбиоз (что бы ни входило в конкретно-историческое понятие синто) – разумеется, факт доказанный и неоспоримый, реально существовавший на протяжении чуть ли не всей японской истории от эпохи Хэйан до Мэйдзи. Но всё же это был именно симбиоз, а не полное поглощение буддизмом местных культов, верований и обрядов, т.е. синто всё же не мнимая величина, как считают некоторые учёные, а реально существующий, хотя и изменчивый конгломерат обрядов и верований».

Перевод молитвословий *норито* и указов государей *сэммё*?, пожалуй, самый мой любимый из переводов, включённых в рассматриваемое издание. Впервые он был издан ровно 30 лет назад, в 1991 г., в «чёрной серии» «Памятники письменности Востока», ХСVII, Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука». От частого пользования мой экземпляр распался на отдельные листочки, пришлось подклеивать его бесчисленное множество раз. В новом издании Л.М. Ермакова не только расширила и обновила комментарий, но и изменила структуру подачи материала. В новой редакции комментарии располагаются после каждого *норито* и соответственно *сэммё*?, а не в конце перевода, как было в первом издании. Представляется, что *норито* и *сэммё*? значительно выиграли от нового композиционного решения, они стали яснее, понятнее. На первый взгляд, тексты представляются архаичными, наполненными мифологическими образами, однако при тщательном прочтении этих текстов и пояснений к ним оказывается, что они содержат множество исторических, социальных, политических механизмов преемственности культуры. Например, основные понятия – пространство и время, которые стремился объяснить себе человек в первую очередь, – в *норито* и *сэммё*? встречаются многократно и подробно интерпретируются автором. Речь идёт о многих пространственных понятиях – таких, как вертикальная и горизонтальная оси, ориентация по четырём сторонам и четырём углам, значение перекрестий и множество других. Л.М. Ермакова убедительно показывает, что тексты *норито* и *сэммё*? вместе с песнями *кагура*, вероятно, сохранили ту архаическую основу, на которой укоренялись развитые материковые культурные формы и феномены, которая и сегодня, подчас самым неожиданным образом, проявляет себя.

В исследовании, предпосланном переводу «Жизнеописания принцессы-жрицы Ямато-химэ», Л.М. Ермакова подчёркивает важность этого текста для понимания японского религиозного комплекса, тем более, что при его составлении явно использовались не только тексты, сохранившиеся во Внешнем святилище Исэ, но и другие документы древности, местные предания, различные списки «Кодзики» и «Нихонсёки» и другие тексты, имеющие отношение к культам богов Неба и Земли, в том числе и не сохранившиеся к нашему времени. По жанру это, скорее, предание, выстраивающее мифологическую историю обряда поклонения божеству солнца и связанного с ним старинного обычая посылать в сакральный комплекс Исэ дочь или, в случае отсутствия дочери, другую родственницу императора в качестве жрицы, посвящённой богине Аматаэрасу.

Наверное, все эти три книги вместе – «Российско-японские отражения: история, литература, искусство» и рассматриваемый двухтомник по японской древности – можно образно назвать отчетом Л.М. Ермаковой о работе, проделанной ею за десятки лет. И хотя в этот отчёт вошли не все работы автора, например, сюда не включён её перевод и исследование хэйанской повести «Ямато-моногатари», а также не все переведённые ею свитки «Кодзики» и «Нихонсёки», он получился очень впечатляющим и значительным.

У меня как у читателя и коллеги-японоведа неизменное восхищение вызывает глубина проникновения Л.М. Ермаковой в поставленную проблему, отточенность её формулировок, широта привлекаемого для аргументации материала.

Нельзя также не сказать о том, что двухтомник необыкновенно изысканно оформлен. Наша признательность художнику Дмитрию Черногаеву и автору фотографии на переплёте первого тома Мацумото Хаято. Добавим, что в оформлении не обошлось и без участия самого автора.

Буквально на днях пришла новость, что на недавнем конкурсе Ассоциации книгоиздателей России это издание принесло издательству «Наука – Восточная литература» диплом за лучшую книгу 2020 г. в области гуманитарных наук.

Завершая рецензию, хочется пожелать автору увлекательных поисков и новых открытий, а читателям непростого, но очень интересного чтения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ермакова Л.М. Когда раскрылись Небо и Земля. Миф, ритуал, поэзия ранней Японии. Москва: Наука – Восточная литература. 2020. Том 1. Исследования. 439 с. ISBN 978-5-02-039868-9. Том II. Переводы. 591 с. ISBN 978-5-02-039869-6

Щепкин В.В. Зеркало российского японоведения. Рецензия на книгу Л.М. Ермаковой «Российско-японские отражения. История, литература, искусство» // Японские исследования. 2021. № 1. С. 140–146. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146

REFERENCES

Ermakova, L.M. (2020). *Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya. Mif, ritual, poeziya rannei Yaponii* [When Heaven and Earth Opened. Myth, ritual, poetry of early Japan]. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura. Vol. I. Research. ISBN 978-5-02-039868-9. Vol. II. Translations. ISBN 978-5-02-039869-6. (In Russian).

Shchepkin V.V. (2021). *Zerkalo rossiyskogo yaponovedeniya. Retsenziya na knigu L.M. Ermakovoy «Rossiysko-yaponskiye otrazheniya: istoriya, literatura, iskusstvo»* [A mirror of Japanese studies in Russia. Review of the book “Russian-Japanese Reflections: History, Literature, Arts” by Liudmila M. Ermakova]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 1, 141–146. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146

Научное издание

Японские исследования
№ 3, 2021

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Редактор:	Е.М. Скворцова
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	11.10.2021

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 3, 2021

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Editor:	E.M. Skvortsova
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	11 October 2021

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日
本
研
究